

№ 12

2011

КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Главный редактор В. Р. ГУНДАРЕР

Редакционный совет:

Р. К. БЕГЕМБЕТОВА (зам. главного редактора), **Б. М. КАНАПЬЯНОВ** (г. Алматы), **Г. К. КУДАЙБЕРГЕНОВ**, (г. Астана), **А. Ю. КУРЛЕНЯ** (г. Петропавловск), **Р. Ю. МАХАТАДЗЕ** (г. Караганда), **Ю. Д. ПОМИНОВ** (г. Павлодар), **В. И. РЫЖКОВ** (г. Караганда), **Т. И. СЫЗДЫКОВ** (г. Кокшетау), **А. Ю. ТАРАКОВ** (г. Астана), **И. Б. ТЕТЕРИНА** (г. Астана), **В. В. ШУПЕЙКИН** (г. Алматы), **Л. Ю. ЮРКОВА** (г. Усть-Каменогорск).

В номере:

Проза

Ф. Шарип. Наследство; Бумеранг. Рассказы	3
О. Шиленко. Остров грёз. Рассказ	25
В. Пронский. Два рассказа. (<i>Весела трава пастернак; Старое зеркало</i>)	39
Л. Харитонова. «Истории, которые трудно выдумать»	55
В. Литвинов. Главы из повести «Врёшь, не возьмёшь!»	57

Поэзия

Н. Дубовицкий. «Путеводная наша звезда...». Стихи	20
О. Шиленко. Ветер вечности. Стихи	29
В. Куприн. «Жажда вольного бытия...». Стихи	49
Поэтическая мозаика. Стихи Н. Насырова, В. Чуприны, С. Грамотеевой, П. Шешуриновой, Н. Пивоваренко, Б. Яковлева, Е. Игнатовской	25

Документальная проза

Ю. Поминов. Хроника смутного времени. Записки редактора. Книга третья (окончание)	73
--	----

Наш общий дом

К. Алпысбеков. На заре независимости 111

Публицистика

М. Гольдберг. Он видел день завтрашний 126

Культура. Общество. Личность

100-летию Чеслава Милоша

Т. Пионтек. Великий летописец эпохи 138

Строки биографии 140

Ч. Милош. Долина реки Исса. *Отрывок* 141

«Всё же останется слово...». *Стихи* 142

Горизонты духовности

Р. Махатадзе. Мудрословия. *Максимы (окончание)* 145

Искусство

Н. Курпякова. Городская пастораль 159

Наследие

И. Матвеева. Большая жизнь 161

М. Аверин. О прожитом; Простите нас, журавушки; Первая охота;
Прозрачные берёзы 163

Критика и литературоведение

У. Абдыханов. Духовное состояние времени 180

Сатира и юмор

А. Карелин. Письмо счастья 185

Содержание журнала «Нива» за 2011 год 188

Изоальбом «Нивы»: из работ Евгения Фридлина. На четвёртой странице обложки – «Медео. Зима».

К сведению читателей

В сентябре 2011 года сайты нашего журнала **www.niva-kz.narod.ru** и **www.niva.ucoz.kz** посетили свыше четырёх тысяч читателей из 21 страны. Две с лишним тысячи из них — жители Казахстана, около полутора тысяч — россияне. Остальные представляют Украину, Германию, Азербайджан, Исландию, США, Польшу, Белоруссию, Молдавию, Латвию, Грузию, Армению, Литву, Киргизию, Францию, Израиль, Объединённые Арабские Эмираты, Великобританию, Чехию, Норвегию.

Файруза ШАРИП

НАСЛЕДСТВО

Рассказ

Подумать только, сколько лет прошло... А память всё сохранила, всё сберегла, отточила малейшую деталь и, кажется, продолжает оттачивать, шлифовать до сих пор... Странная штука память... Иной раз весь изведёшься, не можешь вспомнить, что делал вчера, что ел на завтрак, а вот то, что было – страшно сказать – шестьдесят, и больше, лет тому назад, живёт в тебе своей, отдельной жизнью, и эта жизнь, как кино, постоянно проходит перед твоими глазами и странно волнует душу – и ты живёшь. Потому что человек живёт не тогда, когда ест, пьёт или спит; он живёт, когда живёт его душа, когда сердце рвётся в неизвестное, а это, поверьте, редкие минуты... Амиргали посмотрел на свою ногу – вся в рубцах, в шрамах, в узловатых венах, но здоровая, действующая, родная нога, и он не отдал её – и целая жизнь прошла с тех пор...

Амиргали был в сознании, когда его привезли в санитарную часть. Сколько бы ни прошло через руки врачей и медсестёр и умирающих, и искалеченных, и изувеченных, и совсем молодых, и уже старых, но сердце человека не привыкает к горю. Он помнит глаза этих самых врачей и медсестёр, помнит застывший вопрос в них – почему? Почему молодой, цветущий парень, ещё час назад молодой и цветущий, лежит сейчас на носилках, как гора искромсанного мяса, и любой старик моложе его... А может быть, Амиргали только кажется, что это на него смотрят по-особенному, может быть, так смотрят на всех... на каждого.

Полтора года промучился Амиргали в госпиталях. Бедро гнило и никак не хотело заживать. Бушевала война, страна билась с врагом, а его молодое, сильное, жаждущее жизни тело боролось с гангреней. Амиргали попал на фронт, когда ему было девятнадцать лет. Первый бой; они идут в строю, старики вперемежку с юнцами. Старики угрюмы, молчаливы, а они, юнцы, возбуждённо-любопытны, им кажется, что старикам далеко до них, до их храбрости – пусть только покажется враг, пусть только попадётся, уничтожить, истребить... Столько силы, столько энергии, столько любви в сердце, столько ненависти в душе – ни один враг не устоит, рухнет перед таким напором... И вдруг – первый труп, или что это – тело, человек? Жуткая, неестественная поза, и, похоже, молодой парень – и его убили? Знают ли его мать, его родные, его девушка, что он лежит сейчас здесь, скрючившись, вывернув руку, и эта муха ползёт по его лицу – нет, невозможно, чтобы этот парень ещё вчера, а может быть, даже сегодня вот так же шёл в бой – и Амиргали на какую-то сотую долю стал похож на угрюмых стариков, т.е. на тех, кто уже не первый раз в бою. Трупы стали попадаться всё чаще, и всё молчаливее, всё растеряннее становились молодые бойцы, всё собраннее, всё решительнее, всё твёрже старики. И вдруг – грохот орудий, свист пуль, и ни кустика, ни деревца, чтобы не спрятаться, нет! – а просто заслонить, уберечь себя от

кишащей кругом смерти, чтобы не погибнуть просто так, зря, чтобы не лежать, как тот парень... Амиргали помнит – страшный, оглушительный взрыв где-то рядом, как будто от ужаса земля рванулась к небу, жуткая, горячая боль то ли в ноге, то ли во всём теле, и всё – пустота... Он очнулся уже на носилках, потом санчасть, где ему разрезали голенище сапога – так вздулась и опухла израненная и нашпигованная осколками нога; врачи склонились над ним, и Амиргали напрягал слух, чтобы уловить хоть что-то из сказанного, но слышал только: «Здесь... – пауза, – и здесь... – снова пауза, – здесь тоже; да, придётся, другого выхода просто нет», – и тревожное ноющее подозрение заползло ему в душу. Его положили в палату на узкую железную кровать, возле окна, и молоденькая медсестра принесла таблетки и порошки, и он безропотно проглотил все разом. Он проглотил бы фармацевтическую фабрику, если бы ему сказали, что это поможет. А молоденькая медсестра продолжала разносить лекарства другим раненым, и нет-нет да и повернётся и взглянет на Амиргали, сама не желая этого, и смутится, и старается больше не смотреть в его сторону. Амиргали приковывал к себе взгляды всех, кто оказывался рядом – он был тем шедевром, который время от времени создаёт себе каждый народ: стройное выточенное тело, гордо посаженная голова, непокорные вьющиеся волосы, крепкая шея, волевой рот, насмешливые откровенные глаза – в свои девятнадцать лет он уже знал, что ни одна девушка не может остаться к нему равнодушной, и это делало его раскованным и самоуверенным, остроумным и находчивым, и у него не было соперников у себя на родине. Он видел, что медсестра украдкой поглядывает на него, и удивлялся, что его это совсем не трогает, удивлялся пустоте в своей душе. Ничего в жизни он сейчас не хотел, кроме одного – выздороветь. Но нога не заживала, разбухала и багровела, врачи озабоченно осматривали его, качали головами, избегали его вопросительного взгляда и уходили, коротко совещаясь. Так прошёл день, прошла и ночь.

Утром Амиргали открыл глаза и увидел докторов с сопровождением, которые шли прямо к его кровати. Амиргали с ужасом смотрел на них, не понимая, что с ним творится, сердце у него готово было выпрыгнуть из груди. «Ну, солдат, – сказал врач и положил руку ему на грудь, – чего ты переполошился? Вылечим мы тебя, не бойся. Какой был красавец, таким и останешься; все девки будут твои. Придёшь к матери домой, но придёшь на одной ноге – сегодня тебе назначена ампутация; медлить уже нельзя». – «Нет! – закричал Амиргали, и кровь такой мощной волной ударила ему в голову, что в глазах у него потемнело. – Не дам, нет! Не дам!». – «Ну, – строго прикрикнул врач и ударил рукой по тумбочке, – нянчиться с тобой тут никто не будет! Надо! Понимаешь? – и приказал сопровождающим санитарам: – В операционную его!». – «Не подходи! – задыхаясь, прохрипел Амиргали; он схватил шахматную доску, которая лежала на тумбочке, и замахнулся ею, – не подходи, убью, не дам!». Двое санитаров хотели скрутить его, но он швырнул в них доской, стаканом, яблоком – всем, что попало под руку; бешеная, неукротимая сила проснулась в Амиргали, к нему страшно и невозможно было

подступиться. Санитары встали в нерешительности, отступив перед его яростным отпором; буйные вьющиеся волосы разметались, и Амиргали стал похож на разъярённого льва. Чувствуя, что он почти одержал победу, Амиргали сказал спокойнее, тяжело дыша: «Не дам ногу, пусть умру, а не дам. Сказал, не дам... не подходите лучше». Врач, наблюдавший за сражением, казалось, глубоко задумался и сказал медленно, как будто с трудом подбирая слова: «Ну смотри, не пожалей потом. Время уйдёт – и что тогда? Ведь всё равно придётся...». – «Не дам! Не дам ногу! – снова распаляясь, яростно крикнул Амиргали, он сам смутно понимал, что с ним происходит, но не мог остановиться, – не подходи, убью; лучше умру!». Врач повернулся и быстро вышел из палаты. Несколько раненых, приподнявшись, молча смотрели на Амиргали, а он лежал, всё ещё тяжело дыша, всё ещё сжимая кулаки, всё ещё готовый к отпору...

Сколько тысячелетий существует человек, и не может ответить на вопрос – что такое судьба? Что было бы, если бы... Что было бы с Амиргали, если бы в это время в госпиталь не приехал всего на несколько дней очень известный хирург. Он услышал о взбунтовавшемся больном и решил осмотреть его. Едва он вошёл в палату, Амиргали каким-то чутьём уловил – это к нему. И чем ближе подходил профессор, тем спокойнее и спокойнее становилось Амиргали; как будто что-то отпустило у него внутри; он распрямился и уверенно посмотрел в глаза врачу, когда тот склонился над ним: «Ну что, буяним, молодой человек? – гражданским голосом проговорил профессор, – сейчас посмотрим, сейчас посмотрим, что тут у вас». Почти час пробыл он возле кровати Амиргали; он щупал, мямл, давил ногу со всех сторон, проникая своими цепкими мягкими пальцами выше, в пах, и спрашивал, спрашивал, спрашивал – что чувствуешь здесь? Здесь? Здесь? Где болит? Где не болит? И наконец отрывисто изрёк почтительно столпившейся свите: «Парафин!». И началось! Ногу Амиргали начали обкладывать тёплым парафином, раз за разом, день за днём. Ему назначали лекарства, пилюли, делали уколы – Амиргали всё глотал безропотно, безучастно подставлял тело для уколов, он уже знал, чувствовал, что спасён, что его нога почти спасена, и сам не понимал, откуда у него такая уверенность. Надежда, крохотная, но твёрдая, неистребимая, упорно жила в его юной душе.

Из госпиталя в госпиталь переводили Амиргали, нога болела, но медленно, очень медленно заживала. Из каждого нового места Амиргали сразу же писал письмо родителям, сообщал адрес и коротко о своём здоровье. Он писал правду – выздоравливаю, скоро буду дома, только это «скоро» – оказалось на деле совсем не скоро. Старший брат Амиргали тоже воевал, и наконец пришло письмо от него. Брат писал, что жив здоров, а самое главное, что его маленькой дочке исполнился год (ни брат, ни Амиргали не видели девочку – она родилась, когда они оба уже были на фронте), и приписал в конце – если со мной что-нибудь случится, то позаботься о ней. Эта приписка вселила какую-то тревогу в душу Амиргали, испортила радость от письма, у него постоянно в голове крутились слова брата – если со мной что-нибудь случится... он старался избавиться от этих слов, но они назойливо выплывали в памяти снова и

снова, как прилипчивая песня. Амиргали представлял себе свою племянницу, маленькую черноглазую круглолицую девчущку, её крохотные ручки, её крохотные ножки, и сердце у него дрожало от счастья, и он уже всем своим существом любил ребёнка, которого не видел ни разу...

Наконец наступил день, когда Амиргали выписали из госпиталя, и он отправился домой. Израненная нога, вся в рубцах и узловатых венах, красно-розовая, ещё не зажила окончательно, и Амиргали не мог передвигаться без костылей. Но главное, нога была сохранена, а уж там, дома... Амиргали твёрдо верил, что выздоровеет окончательно, что мать и травами, и кумысом... хотя есть ли сейчас кумыс? Он долго добирался до своего родного тёплого Казахстана, и вот он уже почти дома, и этот воздух, воздух степи, смешанный с запахом трав и цветов, и тёплой земли, – он ласкает лицо, лечит душу, и кровь быстрее бежит в венах, и вырастают крылья за спиной. И вот уже виден родной аул, весь залитый щедрым солнцем... Всё быстрее, быстрее старается идти Амиргали, и никогда ещё костыли не казались ему такими чужими и странными; отбросить бы их и войти в свой дом так, как тысячи раз он входил за свою жизнь. Но чем ближе подходит Амиргали, тем тревожнее становится у него на душе – или ему показалось, или в самом деле он слышит плач, и как будто плачет мать. Амиргали со страхом думает об отце – не случилось ли с ним чего? Почему возле распахнутой двери стоят две-три соседки, низко опустив головы, и он идёт мимо них, не здороваясь, – в доме стоны и плач, от которых стынет кровь в жилах, и Амиргали чувствует, что вот-вот потеряет сознание. Он входит в дом, стуча костылями, и видит мать, и рядом с ней отца – что же случилось? Мать поднимает голову на стук костылей, и у неё обезумевшее, искажённое лицо – да мать ли это? – в первую минуту пугается Амиргали, при виде сына глаза матери наполняются диким ужасом, она протягивает к нему дрожащую руку, в которой держит какую-то бумажку, но Амиргали нет дела до бумажки, он хочет обнять мать, как сотни раз обнимал её в мечтах, как сотни раз представлял себе их встречу. «Жумагали... Жумагали...» – пыталась что-то сказать мать, и как будто надежда засветилась в её глазах – раз она видит перед собой одного сына, то, может быть... И Амиргали обожгла догадка, рука матери с дрожащей бумажкой как будто страшно ударила его в грудь, и он понял – это не бумажка, это похоронка на старшего брата, на Жумагали. «Если со мной что-нибудь случится» – вдруг стукнуло ему в голову, и в сотый раз промелькнула горькая мысль – зачем он написал такие слова? – и тут же в душе стало пусто и холодно, и что-то оборвалось; он вспомнил атаку, первую и единственную в своей жизни, и скрюченного парня, прижавшегося к земле, открытый рот которого как будто издаёт жуткий крик, и неужели и Жумагали... сердце человека слишком маленькое, чтобы вместить столько горя, оно рвётся на части, оно не заживает...

Сколько времени просидел Амиргали возле убитой горем матери, возле окаменевшего отца, по лицу которого беспрерывно текли тихие слёзы, он и не помнит. Вот она, война, – как долго добирался Амиргали до родного дома, как далеко его аул от пуль и снарядов, но и сюда достали

её щупальца, и здесь она сеяла смерть. От плохого трудно избавиться, хорошее трудно взрастить... Ему вскипятили чай соседки, пытались чем-то накормить – Амиргали и не знает, ел ли он, пил ли. Зачем есть, зачем пить, если твой брат... – и душа начинала ныть так, что не было сил вынести такую боль. Вдруг Амиргали решительно поднялся, взял свои костыли и осторожно, стараясь не стучать, вышел из дома. И пошёл прочь, прочь, прочь, в степь...

Семнадцать километров он шёл по пыльной дороге в соседний аул. Как он скажет Алтынай, что Жумагали погиб на фронте? Думал ли он, мог ли себе представить, что когда-нибудь придёт с чёрной вестью в дом к своей однокласснице, которая стала женой его старшего брата, и брата уже нет в живых (Амиргали снова испытал ужас при этой мысли, он так встряхнул руками, что чуть не выронил костыли), вся душа его кричала – не может этого быть, не должно этого быть! А может, Алтынай тоже получила похоронку? Эх, Алтынай, Алтынай... Алтушка... как любил тебя Жумагали. И первый раз за всё время Амиргали попытался заплакать, чтобы ноющая боль в душе хоть чуть-чуть отпустила. Но не смог. Глаза были сухие и воспалённые, щёки впали, губы обветрились. Таким он и ввалился в дом к Алтынай; уже темнело, и она была дома. И он первый раз глазами увидел Жумагуль, свою племянницу – она родилась в пятницу, как и отец. Она была точь-в-точь такой, какой жила в его душе...

Всё перемешалось в голове у Амиргали – что он говорил Алтынай, что не сказал, что хотел сказать... Кажется, он говорил ей про обычаи, что первого ребёнка у казахов воспитывают старики – или не говорил? Или что она молодая, и вся жизнь у неё впереди, и встретится ещё ей человек, и у неё ещё будут дети – или не говорил? Но точно то, что он сказал, что без маленькой Жумагуль старики не выживут, растают, исчезнут, не поднимут страшного горя, что свалилось на них... Всю ночь просидел он возле окаменевшей своей одноклассницы, возле маленькой спящей племянницы, которая при виде его сразу же взобралась к матери на колени и так и уснула у неё на руках. Но только на следующее утро Амиргали шёл обратно, в свой аул. За спиной у него висела котомка с детскими вещами, руки были заняты костылями, а к груди привязана маленькая девочка – она, как в люльке, спала в огромном тёплом платке, крепко-накрепко связанном узлами. Амиргали не шёл, а летел домой со своей драгоценной ношей, и тепло её маленького тела согревало его сердце сильнее, чем солнце греет землю. Он ловил себя на том, что всё ещё горячо доказывает Алтынай, почему он должен забрать девочку – у него ещё столько аргументов осталось в запасе! Время от времени Амиргали останавливался, освобождал правую руку, крепко держа костыль под мышкой – только бы не уронить, достать будет трудно! – и осторожно приоткрывал платок, чтобы не только сердцем, но и глазами убедиться, что вот она, здесь, у него на груди, и смотрел на спящего ребёнка... И снова в путь, домой. Кузнечики с сухим треском разлетались из-под его ног, задумчиво опускались с цветка на цветок бабочки, настороженные юркие птички перелетали со стебелька на стебелёк,

и воздух тонко и беспрерывно звенел, выводя гимн жизни, и Амиргали вдруг ощутил всем своим существом, что у него на груди спит сейчас самое великое и необъяснимое, и самое прекрасное творение природы – ребёнок. И природа терпеливо ждёт благодарности... Всего хватает на земле – и подлости, и злобы, и равнодушия, а вот чего невозможно отыскать, так это благодарности... благодарности за каждое утро, за ночную луну, за проливной дождь, за изумительный снегопад... за великий океан, за остров на нём, за каждое дерево и каждый цветок, и за то, что душа вмещает всё это... что же происходит с человеком, какое затмение, какие звериные инстинкты просыпаются в нём, если нет на земле врагов страшнее, чем человек человеку... и никакие природные катаклизмы не сравнятся в кровожадности с человеком...

Когда показался аул, Амиргали остановился, прислонил свои костыли к одинокому дереву, нежно-нежно покачал девочку, которая проснулась и испуганно смотрела на него, и вдруг короткое глухое рыдание вырвалось у него из груди как будто вместе с нестерпимо болевшим куском сердца, и две крупные слезы скатились по лицу. И ему стало легче. Он распрямился, взял костыли и пошёл к аулу, не сводя глаз с племянницы и улыбаясь ей. И вдруг она тоже улыбнулась ему, и её улыбка заставила степной воздух заплясать, заискриться, и Амиргали первый раз с радостной дрожью в сердце увидел, что на небе всю сияет огромное солнце.

На дворе стояла жара, а в доме было пусто и холодно. Обессиленная мать поднялась навстречу Амиргали, хотела засуетиться, что-то сказать, но губы у неё задрожали, она покачнулась и упала на стул, и прижала платок к глазам. Появился отец, тихий и бестелесный, как тень, уменьшившийся вдвое. Он старался крепиться, но прятал глаза – глаза его не могли больше смотреть на белый свет, и голова была опущена. А Амиргали прислонил костыли к стене, достал из люльки на своей груди девочку, которая уже давно копошилась там, и сказал голосом, дрожащим от счастья: «Мама, папа, смотрите, кто к вам пришёл. Жумагуль к вам пришла. Она пить хочет, она есть хочет. Мама, согрейте скорее молоко. И мне тоже. Давно я не пил домашнего молока».

БУМЕРАНГ

Рассказ

Ещё осень только-только покажется на пороге, украдкой разрисовав два-три листочка в жёлтые, красные, багровые цвета, ещё солнце светит щедро, заставляя искать прохладу в тени, ещё ручьи и озёра манят тёплой, прогретой за лето водой, но что-то уже изменилось в природе, уже не так безмятежно зарождается день, уже на заре окутан восток облаками, и лёгкие порывы молодого напористого ветра колеблют, шевелят деревья, и шепчутся, шепчутся между собой встревоженные листья, и слышится в этом шёпоте – прощайте, тёплые дни, прощай,

жаркое солнце, скоро, скоро зима, и уснём мы, застынем под снежным покровом, и спать будем долго, долго...

Так и человек – ещё ничто не предвещает никаких изменений в жизни, и ничего-то не видно ещё на горизонте, но уже судьба сделала лёгкий, лёгкий поворот, и то ли вправо, то ли влево...

Марат пришёл из армии молодцеватый, беспечный, улыбчивый. «Не поеду я домой, – решил он, – что делать в ауле? Я шофёр, работу всегда найду. Mamka, если соскучилась, сама пусть приезжает в Алма-Ату, как раз всех родственников увидит заодно». Решил – сделал, и стал Марат работать водителем пассажирского автобуса. Жить он временно пристроился к двоюродной тётке – у неё большой дом, уж десять лет как недостроенный и недоухоженный, и в любое время дня и ночи можно было разложить свой матрац где-нибудь в свободном углу и свалиться спать – и он никому не мешал, и ему тоже. Бывало, что целую неделю не показывался Марат у тётки, а когда наконец появлялся, тётка шутливо ругала его: «Э-э-й, дорогой, где это ты пропадаешь? Посмотри на себя, в чём душа держится? Вовремя не ешь, вовремя не спишь. И как только ты людей возишь? Ещё аварию сделаешь... Тебе жениться надо! Давай-ка, женись! Сколько девчонок хороших кругом! Если сам найти не можешь, смотри, я тебе найду!». Марат тоже отшучивался: «Я ещё молодой, я ещё погуляю! Зачем мне жениться, мне и так хорошо! Вы же мне не враг, а, тётя Ася?». Тётка притворно обижалась: «Смотри-ка, что выдумал! Ему добра желаешь, а он тебя за это ещё во враги запишет!». И жизнь Марата катилась, точь-в-точь как колесо его автобуса – то быстрее, то медленнее, а то и с остановками – никаких событий. И так же, как иногда колесо лопается под тяжестью пассажиров, так и у Марата временами лопалось терпение из-за этих самых пассажиров. В такие минуты он останавливал автобус, открывал двери и начинал кричать в микрофон, чтобы все недовольные выметались вон и пусть едут на такси, будет он ещё угождать каждому – одному быстрее езжай, другому – медленнее, третий упал, четвёртый застрял в дверях, пятый остановку проехал, шестому билет не передали – и всю эту недовольную орущую кучу Марат посылал к чертям собачьим.

В выходные дни Марат с утра затевал бурную и короткую стирку, с огромной пенистой шапкой в тазу. Потом гладил рубашку, брюки, и с приятным нетерпением ожидал вечера. Он завёл себе двух-трёх друзей, таких же холостяков, как сам, и они весёлой компанией устремлялись в какое-нибудь женское общежитие попроще – к швеям, поварихам, – и везде имели сногшибательный успех. Марат был узкокостный, стройный, не высокий, но и не низкий, небрежно-щеголеватый, носил усики – у него было лицо, которое надо разглядывать, и чем больше вглядываешься, тем оно кажется красивее – и нравился же он девчонкам! Не одна горько плакала в подушку, когда Марат забывал о ней.

Был август. Ох уж этот август! Весной невозможно думать ни о чём, кроме любви (весной голова вообще отдыхает, только кровь бешено бурлит в жилах). Чуть лето покажет нос, и уже всех волнует одна мысль, куда бы уехать, все начинают бредить путешествиями, дистанция

которых зависит от кошелька. Ближе к осени – в середине, в конце августа – наступает успокоение, умиротворение, хочется чего-то прочного, настоящего, своего. Хочется земли, твёрдой земли под ногами – порхать уже надоело, напорхался весной, да и крылышки изрядно потрепались. Природа демонстрирует щедрое изобилие и как будто подаёт вам пример, показывает наглядно, для чего она вас создала... девчонки, ловите это время года! Марат надел на себя наскоро выглаженную одежду, мельком погляделся в зеркало – не мужское это дело, глядеться в зеркало, – проверил карманы и, самое приятное, заглянул в бумажник – денег было достаточно, чтобы почувствовать себя героем, и сказал тётке, которая молча наблюдала за ним: «Ну, я пошёл, тётя Ася!». – «И куда это ты нарядился?». – «Ой, не спрашивайте, тётя Ася! В ресторан, на Кок-Тюбе!». – «С невестой, что ли?». – «Нет, нас шесть человек, три парня и три девушки. А может, женюсь! Только не знаю, на какой!». – «Ну как это...».

Девчонки были, кажется, из швейного училища (Марат уже запутался в этих училищах и точно не знал названия ни одного). Две были стройные, тонкие, в коротеньких платьицах, на каблукках, надушенные и подкрашенные, и с распущенными волосами – прямо картинки! А третья... немножко бесформенная, сильно грудастая, с мясистым носом, пористой кожей, подстриженные густые волосы шапкой стояли на голове, но юбка тоже короткая, по моде; каблукки, видать, её не устраивали, и на ногах у неё были туфли, похожие на тапочки. Держалась она очень смирно, скромно, как держатся люди, которые себе на уме. За столом ей досталось место около Марата. Заказали вина для девчонок, парням – водки. Девчонки жеманились и скромничали, изучая меню, и наконец общими усилиями выбрали два-три салатика. Единодушно сошлись на шашлыке. Парни строили из себя эдаких щедрых рыцарей и предлагали девчонкам то одно, то другое... Девчонки манерно отказывались, ели мало и мелкими глотками пили вино, сказав, что не переносят водку. Парни ответили, что не переносят вино, что у них от него... и к ним присоединилась соседка Марата, толстушка, она объявила, что от вина у неё во рту горько. Через полчаса, после двух-трёх рюмок, Марат почувствовал, как от его соседки пышет жаром. Уже стемнело, на гору Кок-Тюбе опустилась ночь, и с ней пришла прохлада, и ветерок начал дуть сильнее. Худенькие девушки зябко ёжились, и пришлось парням укрыть их своими пиджаками. Только Ботагоз, или Боташка, как её все звали, соседка Марата, нисколько не мёрзла, а, наоборот, грела Марата, как печка. Марат покосился на неё, и она показалась ему симпатичной. Он дотронулся до неё пальцем, и его палец утонул в её мягком теле. Кровь ударила Марату в хмельную голову. «Пойдём, подышим воздухом», – сказал он, хотя чего кругом было предостаточно, так это воздуха. Боташа с готовностью поднялась. Марат пошёл в сторону, туда, куда не доставал свет фонарей, и не оглядывался – он знал, что Боташа пойдёт за ним. Они дошли до склона горы; было так темно, что они не видели друг друга, только Марат слышал хриплое взволнованное дыхание Боташи. Звёзды висели так низко, что, казалось, протяни

только руку... и огромный бриллиант засверкает на твоей ладони... Не долго думая, Марат схватил Боташу и повалил на землю, и вдруг Боташа начала яростно сопротивляться. Сила у неё была прямо-таки... мужик позавидует! И Марат озверел. Они пыхтели, катались по земле, Марат срывал с Боташы одежду, а она вырывалась, отталкивала его, отчаянно извивалась, но не царапалась, не кусалась – не причиняла видимого вреда. И молчала, стиснув зубы.

Когда они вернулись к столу, всем всё сразу стало ясно – вернулись они совсем не такими, какими уходили. У Боташы тряслись губы, волосы стояли дыбом, и она постоянно их приглаживала руками – как нарочно, у неё не было расчёски. Она села на своё место, залпом выпила стакан минералки, и её зубы стукнули об стекло. Она была сильно возбуждена. Марат, вспотевший, но спокойный, поднял рюмку с водкой, пить без тоста было как-то неудобно, и он сказал: «Ну, давайте... все... давайте выпьем! За девчонок... или кто за что хочет!» – и залпом выпил, и начал бешено закидывать в рот еду – у него проснулся зверский аппетит.

Месяца через два Марат привёл Боташу к тётке. «Вот, женюсь, – сказал он, – квартиру найдём, и уйдём. А пока можно у вас поживём? А потом распишемся...». Если раньше Марат один спал на своём матрасе, то теперь они стали спать вдвоём. Боташа глаз не сводила с Марата, ловила каждое его слово. Казалось, она дышала им и ещё не совсем поняла, какое счастье ей привалило. Она всё делала только по его приказу, и приходилось Марату каждое утро говорить ей: «Собери постель! Что ты стоишь?» – и она за секунду скатывала матрац и снова превращалась в молчаливое ожидание. Как-то Марат с тёткой остались наедине, и Марат спросил у неё: «Ну как вам, нравится моя жена? Или не нравится? Скажите честно – жениться или не надо?». – «Ну, ничего... послушная... – смешалась тётка, – только уж больно... а так хорошая. Тебе в рот смотрит – где ты ещё такую жену найдёшь? Современные девчонки сейчас знаешь какие... Вот похудеть бы ей не мешало. Молодая ведь! Дальше что будет, когда родит?». – «Зато мягкая, тётя Ася! Пальцем куда ни ткну, везде мягко! Сплю, как на перине!». – «Фу ты, дурачок!».

Скоро выяснилось, что Боташа беременна. Она всё так же преданно заглядывала Марату в лицо, молниеносно кидалась выполнять каждое его распоряжение. Её лицо было похоже на застывшую маску, и оно оживало только тогда, когда Марат говорил в хорошем расположении духа: «Надо расписаться... распишемся мы! Ты, что ли, мне не веришь? Сказал – распишемся, не бойся, дура!» – и становилось почти счастливым. Наконец, в один день Марат объявил, что они нашли квартиру и переходят туда жить. Тётка в качестве свадебного подарка обещала накрыть стол и потребовала, чтобы они подали заявление в ЗАГС. «Ну что тянуть, что тянуть? – говорила она, – дотянете, что ребёнок родится, и что потом? Усыновлять будешь? Прямо как дети маленькие...». Марата такая перспектива ужасно испугала, они на другой же день отправились в ЗАГС, и вскоре их благополучно расписали без всякой очереди по известной причине, и вечером отпраздновали скромную свадьбу. После ЗАГСа Боташа стала совсем другой, она наконец-то расслабилась, как

будто сбросила с себя тяжёлый груз, как будто почувствовала себя женщиной, человеком. Она первый раз смотрела на Марата не преданно-вопросительно, а даже кокетливо. И голос у неё стал нежный, искренний, мелодичный, как будто весенний цветочек проклюнулся, а не глухой и прерывистый, как раньше. Но когда в конце свадьбы молодожёны поднялись, чтобы поблагодарить тётку, Боташа вдруг задрожала мелкой дрожью, заволновалась, не могла толком ничего сказать, и слёзы ручьём полились у неё из глаз, и из всех сказанных ею слов разобрали только «спасибо» и «тётя Ася», но и этого всем было достаточно. На другой день с матрацем подмышкой они перешли на квартиру, которую нашли на соседней улице, но ещё долго ходили к тётке – то им надо две ложки, то две пиалки, то две тарелки, хорошо ещё, что чайник, казан и сковородку сами купили.

Марат в это время уже не работал водителем автобуса – так и не поладил он с пассажирами, пылали они ненавистью друг к другу. Хотя тётка искренне удивлялась, когда он рассказывал ей про свои скандалы во время рейса: «Ну чего ругаться-то? Едешь да и едешь себе. Остановившись на остановках да открывай двери. Каждый день езжу на работу и ни разу не видела, чтобы водитель выгонял людей из автобуса. Что-то тут не то у тебя, Марат!». – «Ой, тётя Ася! Что, вы не знаете, какой у нас народ? Это же бараны, на них у меня нервы кончились!».

Время бежит быстро. Уже и зима прошла, какая-то тёплая, слякотная, в феврале только показав, на что способна – с неделю постоял мороз трескучий, навалило снегу, все схватились за санки, за лыжи, кинулись покупать тёплые носки, шапки да ботинки, а уже и всё – нет снега, растаял, и отогрелись на солнце примороженные носы и щёки, и закапало с крыш... И пришла весна. Событий никаких не произошло, если не считать, что привёз как-то Марату брат огромного сазана с Капчагая, и весь день жарили рыбу, и позвали тётку в гости, и так наелись... Марат с Боташей жили незаметно, скромно; Марат искал работу, Боташа ждала его прихода, чистила дом, как могла, готовила обеды – готовила она хорошо, из ничего что-нибудь да соорудит, какое-нибудь аппетитное кушанье. Особенно любила Боташа винегрет – наделает целый тазик и ждёт Марата. И начал Марат ей вдалбливать – я не баран, траву не ем, и приходилось Боташе самой съедать весь тазик. А Марата устраивало любое блюдо, если только в нём сольную партию играло мясо, ну ещё тесто. Изредка навещали тётку, чтоб или денег занять – Марат никак не мог устроиться на хорошую работу, или поужинать основательно – тётка сама еле сводила концы с концами, но это не мешало ей быть хлебосольной, очень хлебосольной, от души хлебосольной... И вдруг однажды Марат прибежал вечером один, без своей ставшей совсем уже необъятной Боташи, и начал говорить, лязгая зубами: «Тётя Ася! Идите к нам, пожалуйста, а? Боташка рождает! Я «Скорую» побегу вызову! Будьте с ней, а?» – и умчался – тогда телефонов по всей улице ни у кого не было, и надо было бежать к автомату. Тётка мигом собралась, и через пять минут уже сидела возле Боташи – они жили совсем рядом, на соседней улице, и даже их квартирную хозяйку, Зою Ивановну, Ася,

оказывается, знала. Через какое-то время подъехала «Скорая», и в комнату вошла пожилая строгая женщина в белом халате, сухая и бледная (и как она оживляет людей, когда её саму, казалось, невозможно оживить?), с чемоданчиком в руках, с очками на носу. Рядом с ней вертелся Марат, взволнованный, нервный, а Боташа была само спокойствие – похоже, она все переживания взвалила на виновника, а ей самой и дела нет ни до чего... Докторша огляделась, куда бы присесть, но кроме кровати, занятой тёткой и Боташей, да ещё корпешек на полу, ничего не увидела. «Вы что, всю мебель вынесли?» – спросила она, приподняв брови. «Да мы не заносили ещё ничего», – ответила вдруг Боташа, корчась от боли, – у неё начались схватки. «Но мне писать надо! На чём же я писать буду?» – и тут же сбегали и принесли от хозяйки стул и табуретку. Докторша разложила на табуретке бумаги, начала задавать вопросы и приготовилась записывать; спросила – сколько лет? Боташа ответила – двадцать два, ну и дальше несколько таких же несложных вопросов – прописка, работа; потом спросила: «Когда у вас последний раз... – но посмотрела на Боташу и перестроила вопрос: – Когда вы забеременели, в каком месяце?». Боташа думала-думала, наморщив лоб, и ответила: «Когда арбузы поспели». Рука у докторши повисла в воздухе, и она снова посмотрела на Боташу поверх очков: «Я что, так и запишу в карточке – когда арбузы поспели? Месяц назовите!». Тётка начала помогать Боташе считать, и общими усилиями выяснили месяц, когда родился ребёнок. «Скорая» увезла Боташу, и родила она девочку, большеглазую, крупную, чудную девочку, беленькую... ну, чудную девочку!

Марат, став отцом, оказался переполненным самыми разнообразными чувствами. Он был в смятении. Вот если бы родился мальчик, он знал бы, как себя вести! Он был бы только горд и счастлив! Он бы всем хвалился, он бы всех оббегал! А сейчас в Марате всё перемешалось, казалось бы, даже несовместимое – и радость, и волнение, и растерянность, и какое-то острое чувство счастья, и разочарование – у настоящего мужика должен был родиться сын, ну хотя бы первый. «Хоть бы первый был сын, – думал он, – а дальше пусть бы...». Тётка собрала Боташе передачу и сказала Марату: «Ну всё, пошли! По дороге купим ещё воды, и кефир, наверно, надо. Там узнаем всё, что можно, что нельзя». – «Тётя Ася, сами идите, – отнекивался Марат, – что мне там делать? Всё равно же не пустят...». – «Вот ещё, смотри-ка, что выдумал! Тебе не надо, а жене надо! Она, думаешь, кого сейчас ждёт? Тебя она ждёт! Ишь, что выдумал, ещё отец называешься!».

В больнице они увидели сквозь оконное стекло счастливое посветлевшее лицо Боташи. Она получила передачу и знаками благодарила их. Говорить особо было не о чем, потому что уже всё узнали – и рост, и вес ребёнка, и самочувствие Боташи, и вдруг тётка спросила: «Как назовёте?». Боташа поняла вопрос – она чуть-чуть приоткрыла окошко и ответила: «Как Марат скажет!». – «Сама назови! Откуда я знаю женские имена!». Но Боташа кричала: «Напиши на бумажке, а я выберу! Сейчас напиши и передай!». Тётка достала блокнот и карандаш и дала Марату: «Пиши! Первое напиши – Индира!» Марат написал. «Дальше что?» –

спросил он. «Ну как что? – возмутилась тётка, – у тебя что, сестёр, племянниц нету? С девушками не дружил? Вот и вспомни их имена, и пиши... но только красивые, не какие попало! Некрасивые не пиши!» – «А-а-а», – протянул Марат и начал писать столбиком – Эльмира, Гульмира, Зарина, итого вместе с Индирой получилось четыре имени. «Хватит четыре», – сказал Марат. Бумажку передали Боташе – пусть думает, выбирает, и ушли. И Боташа назвала девочку Индирой, и тётка особенно остро почувствовала свою причастность к самому великому событию на земле – рождению ребёнка... (чем показывать с утра до вечера по телевизору происшествия и разбои, грабежи и убийства, стрельбу и погони, мордобои и зубовывивание – это полный репертуар за последние десять-пятнадцать лет, – лучше бы перечисляли родившихся за день детей и представляли бы их согражданам, не показывая лица, конечно (до сорока дней нельзя никому показывать лицо ребёнка), – ей-Богу, мир бы преобразился, мозги у людей повернулись в нужную сторону).

Когда Индире исполнилось месяца два, Марат решил всё-таки уехать в аул, к матери. Жить на квартире не так-то легко – не успеешь глазом моргнуть, месяц уже прошёл, плати денежки. А денежки никак не шли к Марату. А Боташа столько выпивает молока с чаем, что корова нужна, а у матери есть корова, и не одна. И уехали они в аул. Через год Боташа родила ещё одну девочку, назвали её Эльмирой – оказывается, Боташа сохранила бумажку с именами. Марат испугался: «Вот дурак! Зачем я тогда написал четыре имени? Она теперь что, столько девочек родит?».

И начала Марата одолевать тоска. Скучно в ауле. Работы хорошей нет. Марат – мастер-самоучка на все руки, и он как-то подрабатывал – кому-то телевизор починит, кому-то магнитофон, машинку швейную; расплатиться с ним почему-то старались бутылкой водки. Не понесёшь же бутылку домой, и тут же нашлись друзья, готовые в любое время составить компанию. Боташа целый день возилась с детьми, терпела притеснения и попреки свекрови, и молчала. Марат всё чаще приходил домой пьяным, и она его в такие минуты страшно боялась – ему ничего не стоило распустить руки. А тут ещё дети – говорить-то толком не научились, а с утра бежали к бабушке – дай молока, дай баурсаки; маленькие, а ведь знали, что кормит их бабушка. А бабушка ворчала, ворчала себе под нос – слов не разберёшь, но смысл уж больно ясен...

Марат с утра вышел за калитку. Постоял на дороге, потом присел на корточки. Что-то никто не зовёт починить что-нибудь. Домой идти не хотелось – так надоели упрёки матери, молчаливый вопрос в глазах Боташи. «Уж лучше на квартире жить, – подумал он, – хоть сам себе хозяин. Деньги отдал, и живи. Уеду-ка я в Алма-Ату. Боташка пусть пока здесь, с детьми. Устроюсь, и привезу её». От этих мыслей у Марата резко поднялось настроение, ему захотелось сейчас же уехать. Одно слово – Алма-Ата – и дух захватывает... Да денег нет на дорогу. Но ему до того не терпелось, что он решил попросить деньги у матери, хоть и было стыдно. «Ничего, мать же, – думал он, – пусть поможет. Совсем старая станет, кто ей будет помогать? Я!».

Когда Марат объявил, что решил ехать в Алма-Ату, обрадовались все, т.е. и мать, и Боташа. Об отце речь не шла – он был как отдельное государство, ни во что не вмешивался, ни чем не интересовался; трезвый – молчит, пьяный – молчит. Пил он редко, но от души... С приездом Марата изменилось только то, что трезвым отец стал не переносить пьяного Марата, а пьяный Марат не переносил трезвого отца. И между ними начались короткие, но бурные стычки, и приходилось матери чуть ли не разнимать отца с сыном – и это в мусульманской семье, в её семье! Мать уже была старая, ей хотелось покоя, а тут ещё и неугомонные дети, вечно некормленные, и нерасторопная сноха – и посуду не так моет, и бельё не так стирает, в яблочный пирог (безмозглая дура!) лук напихала, который совсем для другого был накрошен, и пол грязный, и сама какая-то неопрятная, одно только хорошее качество – молчит. И Марат уехал, сказав матери напоследок: «Вы уж приглядывайте за моими дочками, одним глазком хоть». Мать вздохнула и кивнула головой... А дедушка заменил детям бабушку, отца и мать – он души в них не чаял, с рук не спускал, ложился на старенький палас в зале, и дети ползали по нему, садились попками прямо на лицо, на грудь, на живот, и он вдыхал, вдыхал в себя детский запах – запах немытых рук, запах липких волосиков, детской нежной кожи, – и не мог надышаться. И пить почти перестал – стоило ему куда-нибудь собраться, как внучки поднимали крик и рёв и бежали за ним до калитки...

В Алма-Ате Марат сразу же направился к тётке, и она немножко расхолодила его, сказав, что и в городе жизнь стала труднее, и работу найти не так-то просто – уж больно много понаехало народу из аулов, из маленьких городишек, и толпами стоят на дорогах, а где ютятся, вообще неизвестно – большинству не по карману снять нормальное жильё. Вот и у Зои Ивановны пустует временка, где раньше жил Марат, и просила Зоя Ивановна подыскать ей хороших квартирантов, главное, чтобы платили, а то кого ни пустит – месяц-два поживут и исчезают, и ищи ветра в поле... «Вот и устраивайся у Зои Ивановны, – сказала тётка: вместе с временами изменилась и она, и уже не хотела приютить Марата ни на день, – ты уже жил у неё, она тебя знает». Марат замялся. «Мне бы сначала на работу устроиться, – сказал он, – а то как я буду платить за квартиру? И зачем мне одному квартира? Вот привезу Боташу, тогда уж... А сейчас можно я у вас поживу? Временно... А потом к Зое Ивановне перейду, если она никого не найдёт». И стал он опять жить у тётки, спать в углу на дырявом матрасе. Но времена действительно изменились. Теперь, когда Марат приходил вечером домой, тётка красноречиво смотрела на его пустые руки – хоть бы булку хлеба принёс...

Прошёл месяц, второй... Время бежало так быстро, как будто куда-то опаздывало. Марат с утра уходил на поиски работы. Находил то одно, то другое, но всё непостоянное, на день, на два, не больше. И наконец устроился на настоящую работу, шофёром на грузовик, возил всякую мелочёвку, какие-то кружечки детские, стаканы пластмассовые – и приносил тётке по несколько штук, и тётка безумно радовалась, и просила ещё. Зарплата Марата не устраивала, но он решил работать, пока

есть хоть такая работа.

Тут как снег на голову свалилась Боташа с детьми, поломав все планы Марата – он хотел, пока семья в ауле, собрать денежек, чтобы первые два-три месяца было чем платить за квартиру, чтобы не дрожать при виде квартирной хозяйки; у него было тайное стремление продержаться у тётки как можно дольше – несмотря на её прозрачные намёки, он так и не принёс в дом ни куска хлеба, не говоря уж об остальном, – Марат дрожал над каждой копейкой, так ему не хотелось возвращаться в аул. Боташа приехала с двумя детьми, потолстевшая, растрёпанная, и Марат обомлел, увидев их вечером. А тётка обрадовалась – теперь уж точно уйдут на квартиру, – наварила каши детям и кормила с ложечки младшую, неумытую и непричёсанную, в непростиранном платице. Старшая ела сама, потела и постоянно шмыгала носом. Боташа с тёткой тоже поели каши, начали пить чай и завели бесконечные разговоры, а тут пришёл Марат. «Ты как приехала, – спросил он, – сама или Кайрат привёз?» – «Сама приехала, – ответила Боташа, – села на автобус и приехала. Кайрат обещал-обещал, но всё никак машину не починит, он её до зимы не починит. Идите к папке», – подтолкнула она детей. Но дети идти к отцу не хотели, упирались и смотрели подозрительно – за полгода забыли его; младшая сделала было два шага, но оглянулась на старшую, повернула назад и уцепилась за сестру. И тут Марат вдруг почувствовал, что он любит этих сопливых девчонок, что они ему родные-родные, ближе всех на белом свете, и что он, сам не зная, скучал по ним, и чувство злости к Боташе пропало. «Ничего, устроимся, – подумал он, – что я, не мужик, что ли? Живут же другие».

Тётка растопила баню, девчонок отмыли как следует, перестирали одежду, ещё раз накормили кашей, и наконец вся семья Марата улеглась спать на матрацах на полу, дети – посередине. Марат лежал около старшей дочки и не мог уснуть – он постоянно щупал, не раскрылась ли она, а то простудится после бани! – вдыхал запах её влажных, пахнущих мылом волосиков, испуганно прислушивался к едва заметному дыханию, чуть-чуть, чтобы не разбудить, прикасался губами к детской щёчке (детская кожа, оказывается, нежнее шёлка! Да что там шёлк – нежнее, нежнее, нежнее всего самого нежного на свете!), и у него в душе росло желание жизнь отдать за это беззащитное драгоценное существо. Так Марат и уснул в неудобной позе.

Зоя Ивановна ещё не сдала свою времянку. Она обрадовалась, увидев Марата с Боташей – всё-таки свои, надёжные люди. А то ходят целыми днями какие-то подозрительные, не внушающие доверия молодые парни и девушки, и просят, и просят, и откуда только они берутся! Озлобленные, смотрят исподлобья, как будто Зоя Ивановна виновата, как будто она их согнала с насиженного места и поманила в Алма-Ату. А одни искатели квартиры так пнули по её воротам, услышав отказ, что Зоя Ивановна в страхе спряталась в доме, заперлась на крючок. Она уже была учёная – сколько квартирантов сбежало, не заплатив! Поэтому она так и обрадовалась Марату, и тут же договорились о цене. Тут же и переехали, т.е. пришли пешком, Боташа и дети. Марат,

пока деньги не разошлись, а с Боташей и детьми это секундное дело, – отдал хозяйке плату сразу за три месяца и вздохнул облегчённо – хоть три месяца голова не будет болеть, а на питание он заработает.

Чтобы убедиться, что жизнь несправедлива, достаточно жить на квартире. Создаётся впечатление, что ты чуть ли не каждую неделю отдаёшь свои деньги чужому человеку – так быстро мелькают дни, как будто отрываешь листки в календаре. Отдаёшь деньги, которые нужны тебе самому, твоей семье. Три оплаченных месяца пролетели, и надо было снова ломать голову, как раздобыть денег не только на пропитание, но чтобы и дальше иметь хоть такую крышу над головой. С утра уходил Марат подальше от дома, от нищеты, от засаленной жены, от голодных детишек. Скорее туда, на своё привычное место, в компанию таких же безработных, повесить сумку с рабочей одеждой на ветку и ждать, ждать – вдруг подвернётся что-нибудь, подъедет машина, будет работа, будут вечером деньги. Если удавалось заработать, Марат покупал пряники, фарш, то да сё – смотря какой заработок, и Боташа быстро готовила ужин, и все наедались... А вот выкроить деньги для хозяйки никак не удавалось – не успеет отложить несчастные десять рублей, и тут же что-нибудь да надо детям; о себе Марат и Боташа уже и не думали...

Так продержались они ещё месяца четыре. С великим трудом платил Марат хозяйке за квартиру – по частям, с задержкой. Уже и пятый месяц подходил к концу, и скоро снова платить. А тут ещё выяснилось, что Боташа снова беременна. Хозяйка каждый день напоминала про оплату, правда, пока вежливо. А работа никак не подворачивалась...

Ася уже собиралась уходить из дома, как услышала стук в ворота. «Кто это там стучится?» – удивилась она – калитка не заперта, заходи, кому не лень... Она вышла во двор и увидела Зою Ивановну, квартирную хозяйку Марата, возле приоткрытой калитки. Лицо у Зои Ивановны было злое. «А где ваш родственник Марат? Он не у вас?». – «Ой, а что такое? – испугалась Ася, – он что, разве не у вас?». – «Ага, вон оно что, – зловеще протянула квартирная хозяйка, – значит, сбежал, не заплатил. Я так и чувствовала, так и чувствовала... Ходит, глаза прячет... Утром жду-жду, когда же у них двери откроются, когда же дети во двор выйдут, а тишина. Подошла, постучала – никто не отзывается. Толкнула дверь – открыто... пусто в комнате – ни их, ни вещей... Я думала – у вас... Что же они – ночью уехали? За месяц и десять дней не заплатил». Ася от изумления стояла с открытым ртом. Наконец немного пришла в себя и сказала с жаром: «Нет, вы не думайте! Не мог он сбежать! Двое детей, да ещё жена беременная! Может, куда-то поехал на день, на два. Подождите, приедет, увидите!». – «Пусть только не заплатит, я ему...» – пригрозила хозяйка и ушла.

Через три дня под вечер Ася шла с работы домой. Ещё издалека увидела возле своей калитки квартирную хозяйку. Сердце у Аси защемило – опять неприятность, ей-то за что? «А ведь сбежал этот ваш родственник! – злорадно закричала хозяйка, узнав Асю. – Подлый какой оказался, сволочь! Я что ему мать, дарить такие деньги? Пусть проклят будет, сволочь, пусть подавится этими деньгами! Нашёл, кого обманывать!

Проклинаю я его, так ему и передайте!». Ася стояла и горько думала – были бы у неё сейчас эти сорок рублей, отдала бы их квартирной хозяйке, не выдержала бы. Ох уж эта нищета, это безденежье, бьёшься, бьёшься, а конца нет..

Прошло полгода. Ася уже точно знала, что Марат уехал в аул к матери, и время от времени со злостью вспоминала о нём. Нет прохода от квартирной хозяйки – как увидит Асю, так ещё издали кричит, что этот проклятый Марат так обманул её, а она-то верила ему; вот и верь после этого людям. «Ну не дурак, а? – думала Ася, – ведь и меня подвёл, хоть я и ни при чём. Не будет ведь всю жизнь сидеть в ауле, придет когда-нибудь, и что? Будет прятаться от Зои Ивановны?». И Марат приехал. Вдруг появился он в доме у Аси, какой-то взбудораженный, неуверенный, какой-то весь не такой... «Ты что, один приехал? – удивилась Ася, – семья где?». – «Нет, не один. С Индирой». – «С Индирой? – ещё больше удивилась Ася, – а где же она?». – «В больнице, – как-то трудно выговорил Марат, – в больнице она. Я вместе с ней лежу». – «А что с ней? В какой она больнице?». – «В онкологии», – опять трудно выговорил Марат. «В онкологии? Такая маленькая? – у Аси волосы встали дыбом, – ты толком скажи, что случилось? Почему в онкологии? Что врачи говорят?». – «Нет, врачи говорят – ничего страшного, у неё шишка вот тут, – Марат показал на свою шею, – доктор сказал – вылечит. Мы уже три дня лежим, уже меньше стала». «Я завтра же поеду в больницу, – решительно сказала Ася, – я сама поговорю с врачами! Такого маленького ребёнка – и в онкологию!».

Больше двух месяцев пролежал Марат в больнице с дочкой. Время от времени он приходил с ней к Асе. Тётка кормила их обедом, и Индира ела, покрываясь потом и шмыгая носом. После еды жалобно плакала – болит животик. Марат укладывал её на диван, ласково поглаживал животик, целовал, лизал языком. И без конца нюхал дочку, вдыхал в себя её запах, как будто хотел запомнить, надышаться... Через три месяца девочку выписали, и они уехали в аул. Ася хотела подарить ей на прощание большую куклу, но они такие дорогие, и она скрепя сердце купила маленькую...

Прошёл почти месяц, и вдруг приехала мать Марата, а на руках у неё Индира. Девочка жалобно стонала. Её большие бархатные глаза вылезли из орбит от боли. «Она пить хочет, пить хочет, – обречённым голосом говорила мать Марата, укладывая Индиру на диван, – надо в больницу её отвезти, есть какая-нибудь машина?». Ася в каком-то порыве выскочила на улицу, чтобы остановить первую попавшуюся машину, даже если ей придётся кинуться под колёса; она отдаст все деньги, и кошелек тоже... Сосед неторопливо ковырялся в моторе, открыв капот своей иномарки – богатый был сосед. «Петро, помоги! Ребёнка надо в больницу! Я заплачу, бензин залью!». Петро посмотрел в лицо Аси и лихорадочно захлопнул капот. «Куда везти-то...» – начал было он, и тут показалась мать Марата с ребёнком на руках. Девочка всё так же жалобно стонала. «Пить хочет, пить хочет», – как заведённая повторяла старушка – это единственное, чем она могла помочь внучке. Петро открыл

дверцу и осторожно взял ребёнка из рук старой женщины, чтобы она смогла сесть в машину, потом бережно снова отдал ей девочку. Выбежала Ася – она быстро переделалась дома из халата в другую одежду. «В онкологическую...» – только и сказала она, и Петро рванул...

Индиру еле-еле смогли живой довести до аула. Когда её положили на кровать, она перестала стонать, огляделась кругом. «Я дома...» – прошептала она, потом протянула свою худенькую руку к шее и нащупала жемчужную нитку, которую подарила ей бабушка. «Тебе», – прошептала она, глядя на бабушку. «Пусть, пусть у тебя, – торопливо ответила бабушка, – пусть...». – «Тебе, – настойчиво прошептала Индира и потянула нитку, как будто стараясь снять её с шеи, но у неё не было сил, – тебе», – выдохнула она и прожила ещё несколько минут. Бабушка осторожно сняла с её шеи жемчужную нитку и положила себе в карман, и Индира проводила взглядом её руку... Ни у кого уже не было ни сил, ни слёз плакать – невыносимо видеть страдания ребёнка, и невыносимо видеть смерть ребёнка. Со смертью ушли страдания... Господи...

Ася шла с работы по своей улице, постаревшая, с засевшей горечью в душе. Увидела женщину, двигавшуюся ей навстречу, силуэт показался знакомым. «Зоя Ивановна, хозяйка Марата, – узнала её Ася, и горечь в её душе сменилась отвратительным, гадким чувством, – всё проклинала, всё проклинала. Да отдал бы ей Марат эти несчастные деньги, мало ли как жизнь бы повернулась! А что это с ней? Что это она такая?». Тут Зоя Ивановна поравнялась с Асей – на ней было тёмное платье, скорбный платочек на голове, заплаканные бесцветные глаза. «Асенька, это вы? – сказала она каким-то не своим, надрывным голосом, – а у меня горе, ой, горе у меня». – «А у Марата дочка умерла, помни-те, которая у вас во времянке родилась», – начала было Ася... «А у меня сын утонул на Капчагае, горе у меня. Тридцать лет было сыну. Никогда не думала, что его потеряю. Плачу и плачу... плачу и плачу...».

Весь вечер Ася просидела на кухне, подперев кулаком щеку, перед остывшей пиалкой чая. Она не могла ни есть, ни пить. Она не хотела ни есть, ни пить. Она не хотела жить, противно было жить... Сидеть вот так, не шевелиться, не думать, не чувствовать, пока не наступит завтра, и может быть, всё пройдёт... кроме несправедливости...

г. Алматы.

Николай ДУБОВИЦКИЙ

“Путеводная наша звезда...”

На Кавказе

1

Среди гор и ущелий Кавказа
Есть знакомые с детства места
По рисункам, поэмам, рассказам,
Поверяющим тайны с листа.
В книге старой, страницы листая,
Я с поэтом был рядом в пути:
Был в Тамани, в Шемахе*, мечтая
Наяву на Крестовый взойти...
Поколенья прошли на планете,
На которой когда-то он жил,
И однажды, почти на рассвете,
Я последний приют* посетил.

2

Клён* раскинул высокие ветви,
Над террасой — зелёный шатёр,
В вышине чуть колышет их ветер,
А внизу всё, как прежде. С тех пор
Удивительно всё сохранилось:
Белый домик, настил камыша*,
Мне как будто всё это приснилось,
Я стою у дверей чуть дыша.
Он здесь жил.
Здесь когда-то звучали
Его голос, стихи и шаги,
Здесь друзья с ним подолгу бывали,
За спиною шептались враги.

3

Он был весь в предвкушение полёта,
Всё о планах своих говорил
В этот день. Если б рядом был кто-то,
И от пули его заслонил!
Но свершилось...
Судьбы ли решение,
Или тайные козни врагов?
Не погиб он в военном сражении
От картечи иль острых штыков,
И не сослан в Сибирь, как иные
Сотни, тысячи славных сынов,
Не болен, как болеют больные
В казематах с цепями оков,

Не зарублен за Тереком где-то
И от пули судьба берегла,
Даже горцы все знали поэта* —
Не держали за пазухой зла.

4

А друзья? С ним как будто дружили,
Разделяли и пищу и кров,
Вместе тяготы службы делили
Эти отпрыски знатных родов.
Не смогли уберечь.
Не хотели.
Легкомысленно день провели,
Как обычно, по-светски, без цели,
А потом их двоих развели.
По команде... и выстрел раздался...
Плачь, Россия! Великая, плачь!
Почему-то один он остался
На земле. Где друзья и подруги? где врач?
Ведь его беззаветно любили,
Волновались, страдали о нём,
А когда у барьера убили,
То оставили* стыть под дождём.

5

Где Монго*? — В тень уйти постарался,
Не ему ли защитником быть?!
В стороне доктор Майер остался,
Невозможно всё это простить!
Почему-то подробности скрыли,
Секундантов вдруг стали менять,
И убийцу,
Убийцу покрыли
И старались его оправдать.

6

А Поэта под буркой в телеге
От Перкальской скалы* привезли...
Небо плакало, громы гремели
Над поверженным сыном Земли
И Отчизны...
Три дня беспрестанно
Шёл проститься с поэтом народ.
И с тех пор, каждый год неустанно,
На свиданье, как к сыну, идёт.

7

Был ли он в самом деле пророком?
Или как гениальный Поэт
Видел в людях не только пороки,
Обнажая их души на свет?
Он всё знал.
Знал, что кончит дуэлью,
«Чёрной речкой»*...а вместо врага
Будет целиться в сердце Мишеля
Друга близкого
Злая рука.

8

Нестерпима душевная мука.
Сколько было здесь горя и слёз...
От неясного тихого звука
Вздрогнул я.
Из долины принёс
Ветер музыку. Волны печали
Окружили задумчивый лес,
Капли первые наземь упали
С опустившихся низко небес.

9

Словно только вчера это было...
Тишина... Грохнул выстрел, в упор...
Где-то здесь его сердце остыло
На виду этих каменных гор.
Боль утраты во мне не стихает...

Над уснувшим навечно Бешту*
Те орлы, как и прежде, летают,
То паря, то стремясь в высоту...
Надпись медленно всю разбираю,
Трудно скрыть мне душевный порыв...
От дождя* я лицо вытираю...
Зорким взглядом следит за мной гриф* —
Символ смерти.
За сумрачной далью
Я бывшее здесь сердцем постиг...
С этой горькою думой-печалью
Словно рядом встал вместе в тот миг.

10

Что он видел здесь внутренним взором
У подножья Перкальской скалы?
Секундантов, напуганных громом?
Пистолетов тупые стволы?
Или Вареньки*образ печальный
С песней матери вместе возник?...
Сын Отчизны,
Гонимый, опальный,
И поэзии чистый родник!

В море жизни,
В бушующем море
Белым парусом* стал навсегда.
В светлой радости,
В буднях и в горе,
Путеводная наша звезда.

В степи

– Вы ещё и охотник?
Из разговора

Я не охотник. Я — поэт.
И невзирая на погоду,
Люблю я спящую природу,
Луны спокойный ровный свет,
Когда она, как в колыбели,
Вся в одеянье облаков...
И тишина...
Лишь где-то спела
Дуэтом пара петухов.
И стихло всё.
Шурша соломой,
Я под копной нашёл ночлег
И с вдохновеньем незнакомым
Здесь ожидаю скрип телег.
Вдыхаю ароматы поля,
Соломку пробую на вкус
И от российской грусти, что ли,
За тему трудную берусь...

Сквозь дрему чувствую прохладу,
Как будто в санках я лечу.
Мне так легко, забот не надо,
Любая тема по плечу...
На перевале гор туманных
Мне Лермонтов своей рукой
Автограф пишет строф желанных —
Поэм, навеянных тоской.

Я трепещу, готов молиться...
Такая встреча! И ему
От всех живущих поклониться...
Но вдруг очнулся...
Я в плену
Иллюзий, грёз и сновидений...
Лишь мелкий дождик моросит,
В туманном свете полутени
Луна за облаком висит,
Как призрак сказочных видений.

Явь и полусон

Не смог на этот раз я рядом быть —
Застолье разделить с гостями,
Пришлось лежать, стонать, не пить,
Довольствоваться новостями.
Я не скучал, ведь Лермонтов со мной
Все эти дни был рядом постоянно,
Как другу кружку подносил с водой,
Свои стихи читал печально.
Я в жизнь его от пензенских Тархан
До Пятигорска вдруг проник нечаянно...
С ватагой пёстрой из простых крестьян,
За жизнь его и честь бился отчаянно.
Я так летел, чтоб смерть предотвратить,
Убийц коварных был готов привлечь к ответу,
Успел на миг от выстрела прикрыть
И вместе с ним упал на землю эту...
«И снилась мне долина в Дагестане,
Весёлый пир в родимой стороне...»
Очнулся вдруг в далёком Казахстане,
А за стеной судачат обо мне.
И чей-то тоненький печальный голосок
Стихи читает надо мною, как молитву...
А жар внутри! И кровь стучит в висок...
Кинжал! Коня! И я скачу на битву.
По узким тропкам и ущельям гор,
Минуя мглистых сопок перевалы
И чей-то незатушенный костёр,
Пробрался в тыл сквозь реки и завалы.
Когда же я до цели доскакал,
Следы побоища застал повсюду...
В отчаянии, что опоздал,
Взмахнул рукой... Разбил посуду...
Тогда лишь только до меня дошло,
Что бред мой был наполовину,
А остальное явь и полусон,
И жар души, увлёкший на стремнину.
И что пока с винтовкой за плечом
Скакал по тропкам, защищал и бился,
День угасал,
И трепетным лучом
За дальней кромкой леса опустился.
... Оставив за собою сигаретный дым,
Последний гость ушёл...
И ты за ним.

Отчизна

*Люблю Отчизну я,
но странною любовью...*

М. Лермонтов

Любил Отчизну так гусар, лейб-гвардии корнет,
Убитый на Кавказе в поединке.
Убийцам оправдания нет,
И каждый год справляю я поминки.

Но отчего на каждый юбилей
Война, разгром, Отчизны разрушенья!
И всё печальней клики журавлей,
И бесконечные кровавые сраженья?

А что свершится через десять лет?
Наверно, Нострадамус только знает...
А вечно юный Лермонтов-поэт
Свои стихи мне по ночам читает.

В Отчизне той покоя нет с тех пор,
И не видать пути к возникшему просвету.
Всё так же льётся кровь в Чечне средь диких гор,
И нет преемника Великому Поэту.

Примечания:

Шемаха – населённый пункт на Кавказе.

Крестовый – перевал на Военно-Грузинской дороге.

Последний приют – домик в Пятигорске, в котором до своей трагической гибели 15 июля 1841 года жил Лермонтов.

Клён – по преданию клён рос под окном комнаты Лермонтова в том 1841 году. И заботливо выращен на том же месте работниками музея уже в послевоенные годы.

Настил камыша – крыша домика Лермонтова покрыта камышом, как это было при жизни поэта.

Даже горцы все знали поэта – во время боевых действий Лермонтов снимал свой китель и оставался в ярко-красной рубахе, привлекая к себе внимание горцев. Считается, что делал он это намеренно. Надеясь на ранение, которое давало бы ему отставку от военной службы. Но по сохранившимся преданиям, горцы знали, что в красной рубахе против них выступает поэт. А поэт на Востоке, в отличие от России, личность священная. И горцы оружие против Лермонтова не применяли.

Оставили стыть под дождём – после смертельного ранения Лермонтов остался лежать на земле под проливным дождём. Секунданты не позаботились об экипаже на случай ранения дуэлянтов и более того, после начала грозы ускорили в Пятигорск. Возле Лермонтова оставался Глебов, прикрывающий его шинелью от проливного дождя.

Монго – прозвище А. Столыпина – родственника Лермонтова. Участие Монго в дуэли было скрыто.

Майер – врач Пятигорска, лично знавший Лермонтова.

Подробности скрыли – до настоящего времени так и не установлено – сколько человек было на месте дуэли и кто был в действительности в качестве секундантов.

Перкальская скала – автор считает, что намеренно было скрыто и само место дуэли, которая по некоторым данным произошла не на склоне Машука, а у Перкальской скалы.

Чёрная речка – место дуэли Пушкина с Дантесом.

Мишель – так родные и близкие звали Михаила Лермонтова.

Друга близкого злая рука – убийца Лермонтова – Мартынов был однокашником Лермонтова по юнкерской школе. Они были в дружеских отношениях. Семьи Мартыновых и Арсеньевых были близко знакомы. Арсеньева – бабушка Лермонтова, у которой он воспитывался.

Бешту – устаревшее местное название горы Бештау, на склоне которой якобы происходил поединок и где установлен памятник Лермонтову.

От дождя я лицо вытираю – во время моего первого посещения памятника вдруг загредел гром и пошёл дождь. Капли дождя смешались с моими слезами.

Гриф – на склоне Машука установлен памятник с каменными грифами.

Вареньки образ – Варвара Лопухина, в замужестве Бахметьева, была юношеской любовью Лермонтова.

Белым парусом – ассоциация со стихотворением Лермонтова «Парус».

М. Лермонтов родился в 1814 году.

На столетний юбилей – началась война между Россией и Германией и Первая мировая война.

М. Лермонтов убит в 1841 году.

На столетний юбилей – нападение нацистской Германии на Советский Союз и вторая Мировая война.

Будет ли отмечен 200-летний юбилей в 2014 году, или России, ввергнутой перестройкой в пучину хаоса, будет не до юбилея?

По предсказаниям Нострадамуса, отметить 200-летний юбилей в 2041 году по всей вероятности не придётся.

Ожидаются катастрофические изменения на Земле. Один из предвестников таких катаклизмов – потепление климата на планете, сопровождаемое землетрясениями и цунами.

Даты рождения и смерти Лермонтова – 1814 и 1841. Даты-перевёртыши. Они сами по себе уже что-то означают. Поэт обладал даром пророчества. Он предугадал свою смерть и описал её в стихотворении «В долине Дагестана».

Предлагаемые «Ниве» стихи, посвящённые памяти Лермонтова, так и не были приняты в печать. Ни в 1974 году на 160-летний юбилей, ни в 1984 на 170-летие. В 1994 году автор оказался за границей, где русскоязычных заинтересованных издательств не нашлось. Миновал 2004 год. Тоже юбилейный.

Эта подборка стихов – моя очередная попытка увидеть их в печати.

г. Висбаден, Германия.

Ольга ШИЛЕНКО

ОСТРОВ ГРЁЗ

Рассказ

*И вижу берег очарованный,
И очарованную даль...*

Александр Блок

Ещё не зная, что это мой брат, но в одно мгновение почуяв родство, я оценила в нём всё: рост, терновые с поволокой глаза, голос:

На солёном грустном берегу

Островка в восточном океане...

Он прочитал эти знаменитые строки как пароль, остро взглянул мне в глаза и, поняв мою реакцию, сразу признал во мне родную душу.

Я же с интересом рассматривала его яркую блондинистость передних прядей волос (родовое отличие у всех наших родичей по материнской линии – волосы на висках и лбу ярко-белёдые, а дальше тёмные). Это теперь я научилась различать наше племя, но тогда, заинтригованная внешностью и ощущением давнего знакомства, я смотрела на гостя такими глазами, что его худенькая маленькая жена Эльза стала лгнуть к нему, давая понять, что красавец не свободен.

– Познакомься, твой двоюродный брат, – просто скажет мне тётка, и я плоско, скорее для Эльзы, пошучу:

– Как хорошо, что живы ещё те, кто может предупредить, а то ведь влюбишься ненароком и не будешь знать, что в брата.

– Не до амуров. День рождения у Эльзы, – зашептала мне тётка на ухо. – Помоги ему выбрать что-нибудь со вкусом. И вина хорошего... Заодно познакомитесь поближе. Только возвращайтесь скорее.

Так мы оказались с братом наедине.

Улочки в нашем родном городишке тихие, располагают к душевным беседам. И день выдался ясный, промытый дождичком, один из дней, которые врезаются надолго в память.

На подходе к базару нам преградила дорогу цыганка. Сухая, если не сказать тощая, не похожая на других цыганок. Что-то особенное, не цыгански степенное было в ней, держалась она с достоинством. В голосе спокойная сила, власть, даже гипноз.

– Позолоти ручку, красивая!

Она прищурилась и перевела свой умный, пронизывающий взгляд на брата. – Богатство через его любовь и коварство поимеешь. Позолоти, я никогда не вру.

– Ого!

– Всю правду скажу. Разобьёт он твоё сердце.

– Дай ей на счастье, пусть отстанет, – испугалась я.

– Разбогатеете оба, через кончину человека, – пряча деньги, спокойно продолжала цыганка. – Любовь ваша необычная будет, разлучная.

– Как в воду смотришь, мать, только кровосмешения и криминала нам не хватает, – съязвил брат и засмеялся. – Во где прёт беллетристика! Прямо сюжет для ужастика.

Дальше всё было так, точно нас подменили или загипнотизировали. Мы вернулись домой, сгорбленные под тяжестью сумок, странные, как оборотни, притихшие, немного сумасшедшие и какие-то возвышенные.

Это было неземное притяжение. Магнетизм. Электрический заряд двух минусов, которые, скрестившись, давали плюс. Какое-то совершенно светлое чистое чувство.

Мы были настолько увлечены друг другом, что в день отъезда слова прощания застрянут в гортани.

– Приезжай. Я подарю тебе очарованный берег, – скажет мне брат, и на его глаза навернутся слёзы. – Весь Тихий океан будет у твоих ног. Лосось запечённого на решётках уважаешь? А крабы?..

Подобные фразы будут повторяться в нашей переписке около полутора лет: «Приезжай, я покажу тебе долину гейзеров!.. Ты знаешь, о чём плачут бакланы на Острове грёз? А солёные зюйд-весты?! О! Ты увидишь настоящую очарованную даль!..».

Радость того, что мы обрели друг друга, постепенно входила в меня, клубясь непривычно-романтическими мыслями. Как всё-таки здорово, что ты есть у меня, БРАТ, такой блестящий и чуткий, да ещё штурман дальнего плавания! Благословенны твои акватории, мир твоим фарватерам и причалам! Я даже посвятила ему стихи под названием «Остров грёз».

Дыхание океана, его гул, крики чаек и йодистый запах водорослей уже чудились мне в минуты мечтаний. Брат в своей штурманской форме, такой подтянутый и щеголеватый, в белых перчатках, с соколиной негой и печалью в глазах, мерещился мне то на борту своего лайнера с биноклем, то в уютном трюме, потягивающий с нами мадеру, то презентующий мне экзотические кораллы и безделушки.

А какие открытки мы присылали друг другу. Мы были так заинтригованы, что не ленились рисовать их сами. Особенно усердствовала Эльза. Помню, открываешь открытку, а оттуда – хлопок тебе, прямо со сгиба выпрыгивает складной кузнечик или фигуристый мотылёк с очаровательной женской головкой...

Разумеется, они не меньше моего мечтали о поездке на юг. Насколько пленял меня зов Тихого океана, настолько манили их наши синие горы и ледники.

В конце концов они оказались более лёгкими на подъём. Как-то летом я получила телеграмму с приглашением на переговоры. Звонил брат.

– Рад тебя слышать! Ты не представляешь, как я соскучился. Ведь у меня кроме тебя больше никого на этом свете. Ей-богу.

– А старики, Эльза? – засмеялась я счастливым смехом.

– Чёрт возьми! Знаешь это какое чувство, помнить, что у тебя есть такая сестра?! Не было, и вдруг есть!

– Откуда звонишь-то? – боясь, что он собьётся не на ту ноту, весело перебила я.

– Из Владивостока. Через неделю будем у тебя. Примешь?

– Ещё как!

– Жди пятнадцатого. Никуда, ладно?

– Да уж постараюсь.

– Счастлив, что ты есть у меня...

Радость и тоскливое предчувствие тихо запали мне в душу. Слишком, слишком уж здорово всё складывается. Даже идеально как-то.

Пятнадцатого в ожидании гостей я кружила по городу в поисках лакомств и настоящего казахстанского розового муската. Сильно подзадержавшись, я шла в томительном предвкушении нашей встречи: вот я ещё иду, а они уже дома. Так оно и было.

Их встретил и радушно распахнул двери мой сынишка. Гости приняли душ, куда-то позвонили, посмотрели семейные альбомы.

Однако, если верить устам младенца, наша парочка что-то быстро вдрут приуныла и заскучала, Эльзе захотелось погулять.

Вернись я домой всего двадцатью минутами раньше, и ничего бы странного не произошло. Я увидела бы их: и брата, и Эльзу. Однако, побродив немного с моим сыном, Эльза быстро вернулась, и не менее быстро, ничего толком не объяснив моему малышу, мои гости загадочно испарились, да так и не появились к моему вящему удивлению ни через час, ни вечером, ни ночью, ни утром – никогда.

День за днём я ждала хотя бы весточки или звонка от моих пропавших гостей. Мучимая загадкой и беспокойством за их судьбу, без конца омрачаясь, я задавалась страшным вопросом – что же случилось? Наконец, о том, что они живы, я узнала из напумевшего скандала родственников о наследстве. Они были, может быть, единственной парой, которая отказалась принимать участие в дележе. Это было так симпатично. О них говорили с уважением.

Что и говорить – загадочная парочка. Мне они больше не писали.

Призрак невиданного седого океана, подышав где-то рядом, вскоре утих, а я всё мучилась тайной их выверта. Что не понравилось брату в моём доме? Семейный альбом? О да, семейный альбом, это такая откровенная Книга Жизни, посмотрев которую, ты испытываешь всего два чувства, – либо умиление, либо приторную тошноту. Скажу честно, не все мои домочадцы фотогеничны, особенно муж – абрек и абрек. Разве может холодный объектив поймать бессмертную душу?

И всё же их бегство не лезло ни в какие ворота.

Всё прояснилось к концу августа. К нам приехал Тиро. Этот розовый, весёлый толстяк приезжал всегда именно к тому моменту, когда в доме требовалась разрядка. Он всегда приезжал вовремя, и тогда в доме начинался нескончаемый праздник. Тиро заваливал стол фруктами, кальмарами, коньяком и шоколадом. Он осыпал нас подарками и остротами, и как никто заряжал дом своим солнечным биополем.

Если бы тогда кто-нибудь сказал, что Тиро скоро умрёт, вернее уже умирает от сердечной недостаточности, мы бы ни за что не поверили! Разве умирают гении счастья?! Да ещё в такое чудесное лето...

Всегда в делах и деньгах, Тиро наезжал к нам, чтобы немного перевести дух. Наша квартира была для него чем-то вроде тихой гавани.

Он знал, что только тут его любят, ждут и ничего никогда не просят. И платил за это той же монетой. Он никогда не был нам в тягость и за это ему многое было позволено. Здесь он мог «подбить бабки», отоспаться,

пооткровенничать и оставить свои сумки на хранение.

Ах, если бы мы только знали, что лежало в его едва застёгнутых, проклятых сумках?! Нет, мы ничего не знали и не хотели знать. Поэтому были крайне удивлены, когда Тиро, открыв одну из них, ахнул.

– Что?!!

– Да нет, ничего, ничего! – простонал он. – Всё правильно, когда-нибудь это должно было случиться. Старый, старый осёл!

– Да в чём, собственно, дело? – вскричала я и, заглянув в сумку, увидела толстые пачки долларов. Это было оглушительнее грома и молнии. Сумка была наполовину наполнена этими зловещими пачками. Другой, гораздо большей части, по словам Тиро, не хватало.

Я знала, что Тиро занимался перепродажей автомобилей, знала, что он толстосум и вертопрах, но такое легкомыслие!.. Я не находила слов, а он сидел взмокший, неловкий и, виновато набычась, прятал глаза.

– Николай Павлович, надеюсь, вы понимаете, что... – ледяным тоном отчеканила я.

– Пёс его... Конечно, понимаю!

– В таком случае...

– Не смейте оправдываться перед болваном, – в крайнем раздражении и бессильной злости на самого себя прохрипел он. – Если бы вы знали, милая, сколько лет подряд этот болван эксплуатирует вашу квартиру как камеру хранения. Подвергаю опасности и себя и вас, старый подлец.

– Даже не знаю, Николай Павлович, что сказать! – вконец растерялась я.

– Увы, детка... Подумать только...

– Подумать только, вас могли убить...

– Я уже наверняка всё знаю. У вас были гости? – задыхаясь, почти заискивающе, спросил он.

Я нахмурилась, вспомнив брата, и ноги мои подогнулись: «Мой брат – вор?!».

– Вы можете не отвечать, ибо сказано в Писании «не искушай», – сипло, почти шёпотом, не то проговорил, не то просвистел Тиро. – Кто бы ни был этот подлец, а он не дурак – сто тысяч! На дне сумки, увы, – мелочь. Но ты... сможешь раскрутить свою книгу.

С этими словами он высыпал оставшиеся пачки на стол.

– Это... Это... вам... в качестве компенсации за моральный ущерб, – вяло сказал он. – Надеюсь, вы не потеряли сейчас самого дорогого вашему сердцу человека, друга, брата? – он с брезгливой пронизательностью взглянул мне в глаза, понял, что почти попал в точку, и всё замаял. Тиро умел делать красивые жесты.

Через три дня он умер в пустом купе скорого поезда, направляющегося в Бонн.

Всё угадала вещая цыганка. Или накликала? Вообще-то я верю в программу и гипноз пророчества.

С тех пор я стараюсь больше не думать о штурмане дальнего плаванья М.Г. Не вспоминаю и ту пронзительную радость после нашей первой встречи и во время переписки. Тихий океан, сурово похолодев, затянулся млечной дымкой отчуждения и ещё более глубокой тайны.

Ольга ШИЛЕНКО

Ветер вечности

В те добрые иные времена,
Когда не закрывались на ночь двери,
Нас родила великая страна,
Так схожая на глобусе со зверем.

Как зверь она хранила нас с тобой
От хворей, от врагов и от распада,
Любила, как могла. Её любовь
Была звериной, но так было надо.

... Теперь никто нас больше не хранит
От хворей, от безумств и от напастей.
Страны той нет. О ней душа скорбит.
Ведь знать любовь страны такое счастье.

Коплю я нынче по рублю к врачам,
Коплю по крохам всепрощенье людям,
Терпенье к лицемерам и рвачам.
И верю, что меня ещё возлюбят.

2010

Мне на прощанье улыбнётся вечер
Румяною улыбкою зарницы.
Окутает сырая дымка плечи.
Привидятся и вновь обступят лица,
Что в мир теней ушли не оглянувшись.
Поговорим?

Как вам живётся ныне,
В иных мирах витающие души?
Родные, с горьким запахом полыни
Живее всех живых из дней далёких.
Зачем-то улетели вы до срока,

Кто бабочкой ночной, кто белой птицей,
Кто облаком, истаявшим далече.
Зачем-то вас сюда приносит вечер,
Фантомами клубящиеся лица?
Поговорим?

Но вы всегда безмолвны.
Лишь сада синего бушуют волны.
Орешины шумят и пахнут йодом.
И тайн своих не выдаёт природа.

2010

Висит над раскрытым окошком,
Льёт чистые звёздные песни
Прохладный Медвежий Ковшик
На задремавшие веси.

Ему улыбается лунник,
Ему подставляется донник,
А ветер вихрастый и юный
Запрыгнул на подоконник...

Он нежно листает тетрадки,
Как будто стихи читает.
Ласкает тебя украдкой
И улетает...

Послушай, ну сколько можно
Так глупо молчать и злиться?
Смотри, как светло и мощно
Космос в окно струится.

Прохладный Медвежий Ковшик,
Разные рыбы и звери.
Надо влезать в окошко,
Если закрыты двери.

2010

Я знаю пыль, в которой всё смеётся,
Под вечной мокрой радугой растёт,
То пыль артезианского колодца,
Там в ивушке душа моя живёт.

Там отдыхает конь и вьются пчёлы,
Там разлилось, как диво, озеро.
Попьёт старушка и уйдёт девчонкой,
Попьёт глупец и станет мудрецом.

Когда-то той воды и мы испили.
И маем обернулся нам июль.
И мы с тобой друг друга полюбили,
Благословляя синий Иссык-Куль.

... Однажды, в злых скитаньях занедужив,
Придём туда и упадём в спорыш,
И станем пить, не сразу обнаружив,
Что ивы нет, кругом густой камыш.

Поёт камыш о том, что всё проходит.
И мы споём светло, как здесь цвели.
И погрузимся в сладкий сон природы.
Которым горько веют ковыли.

2010

Год 1964

Памяти матери

Когда нас принимали в пионеры,
Меня учила мать утюжить галстук,
Повязывать его... — А нашу веру, —
Она сказала, — ты носи негласно, —
Не будь ни атеисткой, ни фанатиком,
Бог должен жить в душе твоей, как совесть,
Не напоказ... вот так, — и математику
Она мне обернула образцово...

И сердце вдруг впервые ощутило
Трагическую подоснову мира,
Что дыбилась и лезла, как щетина,
Колола глаз прищурами кумиров...

На ризницах Христос, у клуба Ленин.
В шкатулке крестик, в школе барабаны.
Ещё... тоска по маленькой вселенной,
Лишь по моей... и неприязнь к соборьям.

... И вздрог при виде каждой шоблы, стаи,
Безумной прорвы, громадьи и целей,
... Три чёрных червя: жадность, жор и старость
Уже тогда точили нашу Землю.
2009

Свет. Год 2008

Шесть вечера. Я вышла за усадьбу,
Полиль свой многопыльный палисадник.
На горку с палочкой, летами ранена,
В платочке белом поднималась странница.

Согбенным, тихим, чистым полумесяцем
Она идёт так медленно и светится.
Да это же мать моя!..

«Ну здравствуй, доченька...

Боялась, что меня застигнет ноченька».

Виденье чудное, родная, ясынька,
Ужель старушкою благообразною
Тебя увидеть я мечтала, мама!
Ведь ты ещё вчера была прекрасной дамой...
Которая меня так не любила,
И дай бог волю, ты б меня убила
За то...

что я не так, не с тем, не с этим
Несу свой крест на этом грозном свете.

Старушка милая в домишко входит,
Меня речами вновь в могилу сводит...
Мечтала я, придёт просить прощенья...
Она ж полна всё той же мги и мщенья.

И вынув сердце мне, уходит, палочкой
Стуча по гравии в свой гнев бездонный,
Не слыша вскриков истомлённых, чаячьих,
Та, что была прекраснее мадонны.

Навек уходит в ночь, хлестнув как веткой
Проклятьями... забыв про крест нателный,
... Прощай, родимая, печаль моя и свет мой.
... Удачи пожелай в пути смертельном.
2009

Ты за меня ещё ответишь,
Ты за меня ещё заплатишь.
На том да и на этом свете
Ты обо мне ещё заплачешь.

Я за тебя поставлю свечи.
И мой настанет день расплаты.
Я за тебя ещё отвечу
Я о тебе ещё заплачу.

Год 1961

Дед пел и плакал, пил и снова плакал.
В глазах плескалась голубая слякоть.
В глазах стояла русская тоска.
Он пел про шарлатюгу-босняка.

Пел про Байкал священный и бродягу.
Шумел камыш, в глазах плескалась слякоть.
Амурские плескались яро волны.
И сопки он Маньчжурии припомнил.

Он пел и плакал, пил и снова плакал.
И белобрысую меня пугал.
... И так глядела на него собака,
Наш пёс, Муратка, будто понимал...
2007

Санташ. Год 1999

Пришло письмо из светлых гротов осени —
Вишнёвый лист лёг на углу стола:
Здесь бурый герб, здесь иероглиф розовый...
В даль золотую Осень позвала.

А это значит, мне пора на плёсы,
Где Красный Мыс ласкает Иссык-Куль,
В долину чудную, как в голубую розу,
Лечу пылинкою, до боли стиснув руль.

Вот и село, где так огромны звёзды.
Наш дом родной купил абориген.
Где смех звучал, там я роняю слёзы,
Где клуб шумел, там конопля и тлен.

Пригрелись птицы на родных руинах.
Где танцевали Пухов, мы с тобой,
Теперь лишь ветер розовато-синий,
И ничего не сделаешь с судьбой.

Мне говорят, ты вором стал, ты — фрайер,
Высок, плечист и на крутом авто.
Скажи, скажи, но ведь у нас украли
Ту родину, что не вернёт никто.

Бредёшь Москвой, а я Алмаатинкой.
Сидел в... Кремле, а я пока — в горах.
Вот выплыл берег наш, как на картинке
В счастливой памяти, и свет в домах.

Теперь не наш тот свет, не наши горы.
Судьба не наша, Иссык-Куль не наш.
Мы русские, и наше море — горе.
И ветер называется Санташ.

Ливень. Год 2005

Ваше сиятельство, ливень,
в небе, где божий шатёр,
не видел ли братьев счастливых,
глаза одного, будто тёрн?

Глаза у других — незабудки.
О чём они нынче поют,
Когда тальниковые дудки
им ангелы в руки дают?

Текут ли стихи на том свете,
и нет ли конца той реки?
Какие там сны и секреты?
Насколько там души легки?

Что слышно им, плач наш иль громы?
Прозреют сквозь райский ли свет:
В гостях они или же дома,
Вернутся на землю иль нет?
2008

*Санташ и Улан – местное название горных ветров.

Ветер вечности

1

В домишке-бигле над каньоном, меж отрогов
Зависла я, ищу немного бога,
Немного синевы сырой и акварельной —
Чуть в прозелень, и чтоб текли, горели,
Как слёзы с ледников в траве арыки,
Чтоб домик-бигль носил меня на крыльях,
Туда, о чём так сладко примечталось...

А примечталось мне: блаженство, малость, —
Меня родивший Иссык-Кульский белый
От белого песка солёный берег,
И Красный Мыс от красной глины красный.
Там маки алые цвели и ясно,
Как божий день, два плёса голубели,
Такие голубые, что синели
Глаза мои зелёные, и Васька —
Стыдливый парень, нежно Синеглазкой
Меня назвал и полюбил когда-то.

Не помню: чароиты ли, агаты
В глазах его призывных пламенели...
Но помню, показал он царства елей,
С собою взяв на старый «кукурузник».
Он показал Балхаш и город Фрунзе,
И снова Иссык-Куль, что был на чашу
Ширазского стекла похож — на счастье, —
Разбитый вдребезг в подсолнечные блики!
И горы-скалы, где в домишке-бигле,
Зависнув между небом и каньоном,
Живу всё той же девочкой влюблённой
В полёты наяву и сны-виденья,
В хрустальный шар свой — дар воображенья,
Что дал мне Иссык-Куль в тумане млечном,
Откуда долетает каждый вечер,
Улан, пропахший йодом и озоном.
Домишко-бигль летал над Амазонкой
И зависал над сельвой непролазной...
Стоял он над долинами Кавказа,
Где войны шли, и мор, и глад, и сели...
И снова в страхе зависал над сельвой
Великой Волги, уходящей в солнце.
Большой воды хотелось мне... и сольных
Концертов утра в золотых просторах,
Промытых трав, песков, а после — хора,
Бурлящих в небе белоснежных чаек,
И ласточек, и журавлей печальных...
Но только не раздора на кинжалах,
Не в рынок превращённую державу,

Подобно серой муравьиной куче,
Где Беловежский срам шального путча
Бессильно муравьишки проморгали, —
Так занятые подлым чистоганом...

2

Летит домишко-бигль, ревёт органом
Могучий океан. Мелькают страны,
Дрейфуют облака с материками,
Спят города, и философский камень,
Сверкнувший нам на жизненной тропинке,
Затоптан иль распилен на крупинки...
Продажен он... И в золотых оправах
Блестит на пальцах сытых и неправых.
А может, он... лежит на дне глубоком,
Куда ни ум, ни даже третье око
Достичь не могут... В синем Иссык-Куле?
Долину ветры дочиста продули.
А рядом, здесь, — простит ли нас Всевышний?
Змий-искуситель — город смрадом пышет.

3

Отшельница. В летучем доме-бигле,
Я беглая, но и сюда проникли
По радио тревожной речи сводки.
Безумен мир и скулы жаждой сводит,
Воды, воды и проливня над крышей!
Куда лететь? Ведь правды нет и выше.
В душе Земли озоновые дыры.
Продажно всё: политики, кумиры,
Любовь и лавры, и друзья, и воздух.
Ещё немного, и цена на звёзды
Поднимется, их тоже жаждет рынок.
Встал на дыбы и скалит зверь тот рыло.

4

В конфликте с миром и с собой в конфликте,
Последний русский бой. В домишке-бигле
Среди сочащих свету звёздных джунглей
Порой плаваю, всё ишу нежухлых
Невиданных цветов и сладких песен...
Но гулко в тех непроходимых весах.
Порой лишь голос собственный раздаётся:
В конфликте с миром, но не с небом. Здравствуй!
Свободный дух, восторг мой, небо-поле!
Там, на Земле, и у меня есть доля.
Но красный ангел — горький вестник битвы,
Вражды и крови, вопреки молитвам
Трубит в рожок... Он стар, не слышит Бога.
... Мой белый ангел заплутал в дорогах.

2010

Гений

1

Не выбирали бабушки иконы.
И, может быть, сложилось неспроста,
За то, что клали Грозному поклоны —
Не повезло на доброго Христа.

Он сумрачный, всемилостивый, грустный.
Он возлюбил нас так и испытал,
Что род наш и украинский, и русский
От испытаний, кажется, устал.

И род спешит зачем-то на погосты,
Упившийся раздором и вином,
Хмельной от нелюбви, тоски и злости,
Изломанный навязанной войной.

2

Нечист и ненасытен, горд в тщеславье,
Наевшись мёртвой пищи, без поста,
Иной из нас просить приходит славы,
Молясь на лик распятого Христа.

Не спасшийся от блуда и навета,
Убивший брата взглядом пустоты,
Ты ждёшь наград и Света на том свете.
И скорбно ставишь страшные кресты.

Ты ставишь их на друге и любимых,
Ты ставишь их на прошлом, и ещё...
Как сладостно своё ты любишь имя,
Как веруешь в свой гений горячо.

А гений в том, чтоб в шалаше на сене
Уметь росой звёздной сытым быть.
Убить в себе двуличье фарисея.
И самомнение дутое убить.

Не гений я. И гениев не вижу.
Но вырастить картошку — это честь.
Да, я черна от солнца. Но я ближе
К небесному отцу. И счастье есть.

Несмеяна

Как сидела гимнастёрочка
На весёлом офицере!
Девки завивали чёлочки
И ночей не спали, веря,
Что достанется, достанется
Ваня статный, молодой
Самой дерзкой красавице.
Но... пошёл он за вдовой.

Проводил до плёса синего, —
В камышах сырых избушка.
А в избушке дети-сироты
Мал мала и мать старушка...
Голь чужая, перекатная,
Боль своя, родная, русская.
Починил Иван дверь в хате.
Приласкал мальчонку русого.
Выправил кривую лавку,
Сел и квасу попросил.
Облепили дети: «Папка!»
Отказаться нету сил.

И глаза от горькой вдовушки
Нету силы отвести ему:
«Знать, такая моя долюшка,
Не уйду, ты уж прости меня.
Не гони меня, родимая,
Сердце насмерть прикипело,
Будто век моей любимой
Ты была, такое дело...»

И остался, и срубил он
Хату лучшую Ульяне.
И всю жизнь её любил он,
Как царевну Несмеяну.
2008

Обычные слова. Обычные дела.
Обычные людей прохожих спины.
Но вспомню вдруг: когда-то я была
Твоей мечтой и женщиной любимой.

И вдруг обычной стала, как вода.
Обычный день. Обычные вопросы.
А помнишь... как заплакал ты, когда
Отрезала я шёлковые косы?

И необычным был наш первый дом,
Заря в окне, свист поездов, чай с мятой...
Мы грезили о веке золотом,
И было в жизни многое понятно.

И необычно-страшно в новых днях
Глядеть на блуд и рынок оголтелый,
Нам, растерявшимся на площадях,
От честности, не знающей предела.

Как бы мы его любили —
Ветер молодости в зной.
Посадили бы рябину,
Анемоны и левкой.

И горели б три окошка,
И светили ночью в сад.
Ты играл бы на гармошке,
Я смотрела на закат.

Ливень света. Брызги. Прелесть.
Ароматы от воды,

Тишина и листьев шелест,
Ожидание звезды.

Как бы я тебя ласкала.
Как бы ты меня ласкал.
Как бы море ворковало,
Как бы ветер лепетал...

Ветер молодости милый
В дом запрыгнул, пошалил..
Как бы я тебя любила,
Как бы ты меня любил.

Мёд

Жил пасечник в домишке за рекой.
Мне было до него подать рукой.
Приду, бывало, сяду на скамью
И думу тешу сладкую свою.

Всё чудилось мне маленькой: вот-вот
Калиткой скрипнет, выйдет, позовёт
Высокий пасечник к себе меня,
Отрежет мёду, блюдечком звеня.

А мёд густой. Не сразу нож возьмёт
Тот донниковый и горицветный мёд.
И пьём мы чай... мечтаю я... Чу, скрип..
Выходит пасечник, горбат и крив старик.

Он горд и нем, и холоден, как лёд.
Покашляет и прочь себе пройдёт.

... Так тщетно жду я у ворот Судьбы —
У скряги старой, чуда ли, тропы
В любовь всесветную, всесветной доброты.
Проходит мимо всё. И даже ты.

Когда луны рассеянная млечность
Прольётся в дом, похожий на баркас,
Услышишь, как река Времён и Вечность
Таинственно проходят через нас.

Сквозь полуплеет, призывки и звуки
Ночных зыбей, растений и куртин
Поёт Река Времён нам о разлуке,
Грозит виденьем будущих картин.

Я не хочу увидеть эту Землю
Без вас, любимые. И всё же — вот она —
Лет через сто. Невиданная сельва —
Река Забвенья. Чуждая страна.

Так вырастайте ж на любви и муках,
Все души на земле в свой звёздный час.
Поёт Река Времён нам о разлуках.
Таинственно струясь, уносит нас.

г. Алматы.

Владимир ПРОНСКИЙ

Два рассказа

ВЕСЕЛА ТРАВА ПАСТЕРНАК

В последние годы хозяйство Уласкиных оскудело: из живности осталась лишь куры, но и с ними хватало забот. Анастасия Ивановна прежде трудилась бухгалтером в лесничестве, Алексей Петрович учителем химии. Оба давно вышли на пенсию и кур держали более по привычке. Кормили их по-научному, круглый год наполняя рацион минералами и клетчаткой, используя заготовленные Алексеем Петровичем речные ракушки и веники из крапивы и клевера. Зимой ракушки мелко кололи, веники запаривали или просто развешивали вдоль стен, и куры с необыкновенным удовольствием, до голых прутьев ошипывали зелень. Поэтому и начинали нестись с Рождества — на радость детям, частенько приезжавшим в гости из Москвы и Рязани. Они охотно брали коробку-другую яиц, потому что в городах очень любят именно такие, «деревенские». Сами же Уласкины яиц почти не ели, остерегаясь холестерина, нежелательного для пожилых людей. Хотя заботы о холестерине не угнетали, а вот камни в почках мучили. Особенно Анастасию Ивановну. Спасалась она отварами из пастернака. Каждое лето с избытком заготавливала его, пышными кустами росшего во дворе, сушила вместе с вениками Петровича.

Куры жили у них постоянно, а вот с петухами не везло. Они и от хорьков гибли, и под машины попадали, а на одного даже ястреб-тетеревятник по-разбойничьи напал. На глазах Петровича. Отдыхал он у веранды, и вдруг из-за дерева скользнула серая тень, накрыла петуха... Он тотчас засучил ногами в смертельной судороге, а желтоглазый ястреб, увидев человека, взмыл ввысь, качнувшись на прощание ветки берёзы, словно и не было его. Потом, когда Петрович ошипывал погибшую птицу, то обнаружил одну-единственную сквозную ранку на шее от ястребиного когтя, которой хватило, чтобы петух испустил дух... И в очередной тогда раз куры остались без предводителя.

Из всего городка только, наверное, куры Уласкиных могли подолгу жить вдовами, как на птицефабриках. И если там они, считай, на сто

**Владимир
ПРОНСКИЙ**

(Владимир Дмитриевич СМЕРНОВ)

родился в городе Пронске Рязанской области в 1949 году. Работал токарем, водителем, корреспондентом, редактором. Автор романов «Провинция слёз», «Племя сирот», «Казачья Засада», «Стяжатели», книги избранных рассказов «Лёгкая дорога». Публиковался в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Москва» и во многих других журналах и газетах, в коллективных сборниках, в ближнем и дальнем зарубежье. Лауреат премии имени А.С. Пушкина, Международной литературной премии имени Андрея Платонова, лауреат премии журнала «Молодая гвардия». Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

процентов подневольные, и для сердечных утех у них не имелось технической возможности, то уласкинские куры несли поражение в любовных правах от стечения житейских обстоятельств. Хозяевам бы завести цыплят и вырастить своих петушков, но им не хотелось на старости лет бегать за цыплятами по двору и огороду, особенно дородной Ивановне. Тем более что куры и без петухов приносили яйца. Но Анастасия Ивановна всё-таки жалела курочек. Поэтому частенько сидела на низком пенёчке, и хохлатки подбегали к ней, приседали, раскрылившись, и Ивановна легонько терзучила их, словно озорной петушок. Курам от этого удовольствие. Поегозив под рукой хозяйки, они игриво отряхивались, и, если бы могли улыбаться, то улыбались бы во весь куриный клюв от перепавшего счастья.

Алексею Петровичу не очень-то нравилось занятие жены.

— Чего ты к ним привязалась?! Ведомость на них составь — вместо зарплату будешь лохматить! — как-то, не выдержав, насмешливо укорил он.

— Отстань, если ничего не понимаешь!

Петрович же всё понимал. Поэтому и не связывался с женой. Ведь, связись, она сразу припомнит прошлогоднюю историю, когда он за четвертинку арендовал у соседа молодого петушка, подпустил его к своим курам, а петушок, видно, по неопытности растерялся и норовил сбежать, особенно когда куры начали его нещадно клевать. Их поведение казалось необъяснимым, и Петрович решил, что нужно какое-то время, чтобы петушок и куры взаимно привыкли, и между ними возникло непобедимое чувство. Он даже привязал петушка за лапку, чтобы не убежал и не прятался. И каково же было удивление вперемежку с досадой, когда к вечеру обнаружил арендованного «жениха» невинно заклёванным. Хочешь не хочешь, пришлось заплатить соседу двести рублей. С тех пор и взъелась Ивановна, укоряя мужа при всяком подходящем случае, особенно, когда он вставлял очередное замечание.

— Если ничего не понимаешь, — сердилась она, — так и не подходи к курам! А то желанный выискался?! Петуха принёс! Кто просил, зачем он нужен, на зиму глядя?!

— Своих-то цыплят тебе лень завести! А то и молодки были бы, и петушки. Не надо бы соседям кланяться! — ворчал в ответ Петрович, хотя и понимал, что резон в словах жены есть, но резон близорукий, без взгляда в будущее.

Поэтому Алексею Петровичу и делалось обидно, словно для себя одного старался. За ужином он обычно выпивал рюмку-другую водки, благодарно вспоминал коллегу Менделеева, составившего правильную формулу огненного напитка, но после случая с соседским петухом какое-то время не заикался о профилактике сердца и сосудов, которую врачи по телевизору советуют выполнять ежедневно. Месяц, наверное, давал встряску организму, и невольно подрывал здоровье. Правда, со временем всё наладилось, а история с петухом-наймитом мало-помалу отдалилась. Когда же пришла пора заниматься огородом, то и вовсе обо всём забыли. И о курах в том числе; они как жили вдовами, так и продолжали невинно чавкать. Если только иногда Ивановна вспомнит о них, особенно, когда они

чуть ли не за подол начинали цепляться, обращая на себя внимание. И это продолжалось бы до бесконечности, если бы не случай.

Однажды Петрович не поверил своим глазам, отдыхая у веранды, когда увидел на двухметровом каменном заборе, отгораживающем двор от улицы, искрящегося на солнце сказочного петуха-богатыря! Окраса он был золотистого, с тёмно-вишнёвыми, почти жуковыми стрелами вдоль спины, переходившими в лиру хвоста длинными перьями изумрудного отлива. А шпоры-то, шпоры — как гнутые гвозди торчат! Не петух, а чудо! Откуда такой только взялся?! А гость походил туда-сюда по ограде, покачивая кустистым гребнем и рубиновыми серьгами, для порядка вытер клюв, показывая чистоплотность, и звучно закукарекал, извещая о прибытии колонии притихших кур, испуганно косившихся снизу, словно на хищного ястреба, и тотчас спланировал во двор. Куры — врассыпную, но стоило петуху сделать вид, что он что-то нашёл для них поклевать, и властно закокать, созывая к себе, как все они послушно окружили его, а самые бойкие и озорные сразу раскрылились. Ему же этого только и надо, только за этим, наверное, и спикировал из поднебесья. Одна за другой куры после него отряхивались, а он и не собирався успокаиваться. Едва выпустил последнюю — образовалась новая очередь. Изумлённый Петрович крикнул жене:

— Настя, иди, посмотри: чудо-то какое?!

Не сразу, но Ивановна курносо высунулась из кухни:

— Чего ещё?

— Хочу сказать, что теперь ты осталась без работы!

— Я своё давно отработала!

— Не о том я... Чей-то петух к нам приبلудился, кур щёлкает одну за другой, а ты ничего не знаешь. Глянь что вытворяет!

Анастасия Ивановна вышла на веранду, посмотрела во двор, в котором бесновался пришелец, сказала едко:

— За такого, видно, придётся все пятьсот платить! Тем более что одной породы с нашими. Чей это?

— Откуда же мне знать? Бесплатно достался. Не переживай!

— К соседям сходи.

— Да у них таких красавцев никогда не водилось!

Всё-таки наведался Алексей Петрович к одному соседу, другому — ни у кого петух не пропадал. А где ещё спросить — неведомо. Городок их населением не густ, а раскинулся обширно, улиц несколько десятков. Разве все обойдёшь! Вернулся Уласкин домой и устало доложил жене:

— Придётся гостя на довольствие взять! А там, глядишь, и хозяин найдётся. Не у каждого хватит сил легко отказаться от такого красавца!

Анастасия Ивановна ничего не сказала, лишь вздохнула:

— И с этим чего-нибудь приключится, уж поверь мне.

Так и не понял Алексей Петрович настроения жены, но появлению петуха радовался, словно приятелю, с которым можно поговорить по-свойски.

Петух же к вечеру окончательно освоился с курами, словно давно путался с ними. Теперь же гулял открыто, и хозяйки не испугался, когда

та принесла корм, а лишь немного отступил. Сам первым к кормушке не подошёл, а, как и положено, позвал вновь обрётённых подруг и, поглядывая по сторонам, строго охранял их. Лишь когда они насытились, торопливо поклевал сам и уверенно повёл кур на насест, словно ходил этой тропой тысячу раз.

Появление петуха удивляло лишь в первые дни. А потом, занятые огородом, Уласкины к нему привыкли, как привыкают ко всякой обычной вещи. Да и петух, почему-то прозванный Ивановной Федькой, обаркался среди хохлатого племени, исполнял свою работу привычно, как все петухи, поэтому и первое удивление от его нашествия пропало.

Но вот к концу мая Уласкины управились с огородом, и опять бросилось в глаза поведение Федьки. Из ласкового и заботливого день ото дня он превращался в деспота. И если недавно куры сами к нему липли, то теперь шарахались, но тот всякий раз был неумолим. Скосив оранжевый глаз и нетерпеливо черкнув крылом по земле, он тотчас выбирал жертву, и уж ничто не спасало её от крепких лап и крючковатого клюва. Прячясь не прячясь, убегай не убегай — дальше двора всё равно бежать некуда! — бесполезно. Как железными клещами вцепится: весь гребень в кровь исключёт и спину изломает. В конце концов куры начали шарахаться от Федьки; самые пугливые перелетали через забор, и потом их полдня отлавливали во дворах по всей улице; какие похитрее — прятались за штабелем тёса. Одна так и вовсе пропала. Самые же безвольные сидели в тени берёзы: истерзанные, безразличные ко всему, они словно ожидали окончательной расправы.

— Ведь говорила тебе, — допекала мужа Ивановна, — как в воду глядела! И этот оказался непутёвым.

Алексей же Петрович не столько обижался на петуха, сколько не мог объяснить его поведение. Понятен был его первоначальный пыл, понятна и последующая размеренная жизнь. А теперь-то что случилось? Несколько дней Петрович мучился догадками, а однажды утром всё понял, когда Федька, едва выскочив из курятника, побежал к пастернаку и начал клевать листья с такой жадной, с какой человек дорывается до воды, выйдя из пустыни. «От пастернака буйствует петух! Обьелся весёлой травы, от которой всё петушиное в организме шевелится, вот и гоняется за курами почём зря!» — решил Алексей Петрович.

За завтраком спросил у хозяйки с подковыркой:

— Когда думаешь пастернак-то заготавливать?! А то ничего не останется от него!

— Кому он нужен...

— Не знаю, кому, но Федька очень пристрастился, похоже — зависимым стал. Только соскакивает с насеста — сразу к твоим кустам! Сама же говорила, что пастернак мужскую силу удваивает! — улыбнулся Алексей Петрович.

— Откуда ему знать?!

— Узнал вот... Опытным путём... Видишь, как на него подействовал!

— На тебя, помню, что-то не очень действовал!

— Так ведь насильно заставляла употреблять!

Ивановна отложила ложку, выбралась из-за стола и — во двор. Вернулась побледневшая:

— Этот зверь почти всё ободрал, на весь год оставил без лекарства. Сегодня же уничтожь его. Смотреть на него не могу более!

Петровичу же от такого разговора стало не столько смешно, сколько грустно: и с петухом ему не хотелось расставаться, и терпеть нельзя. Но как такого красавца отправить в суп?! Поэтому несколько дней уклонялся от расправы над Федькой, к этому времени до стеблей ощилавшего кусты пастернака; без весёлой травы петух сделался тихим и неприметным, старался не попадаться на глаза хозяевам, словно знал их зловещую задумку.

Но это ему не помогло. Когда в выходной прибыл младший сын Василий, то перед его отъездом, коротко рассказав историю петуха, Ивановна попросила:

— Сынок, заруби его! От него одни несчастья. Просила отца, да его разве допросишься!

Но и Василий отказался казнить Федьку.

— К теще в Коломну завезу! Её курам как раз петух нужен! А пастернак у неё не растёт! — рассмеялся он.

— Вот и правильно. Увези этого разбойника куда хочешь, лишь бы подальше. А то опять заявится!

Надо бы, конечно, дожждаться вечера, чтобы без шума снять Федьку с насеста, но Василий спешил с отъездом и, вооружившись старым половником, вместе с отцом начал теснить Федьку в угол двора. Петух потихоньку отступал, а когда отступать оказалось некуда, взвился перед ловцами, собираясь перемахнуть забор, из-за которого когда-то появился, но не рассчитал и, стукнувшись грудью о камни, попытался проскользнуть мимо Василия. Хотя Василий жилистый и ловкий в отца, но Федьке удалось увернуться. Правда, сгоряча он не заметил сетку, воткнулся в неё головой и застрял, но сдаваться не собирался. Освобождаясь, отчаянно дёрнулся и напроочь сорвал гребень, залил двор алой кровью; боясь испачкаться, петуха более не пытались ловить. Тем более что Федька сам обречённо замер, словно прислушивался к себе, не понимая, что происходит. Пока прислушивался, на глазах сгорбил, распустил крылья и вскоре, навсегда изойдя кровью, повисшей на побледневших серьгах густыми сосульками, покорно повалился набок. Ивановна убежала в дом, чтобы не смотреть на такую страсть. Закурив, Василий сказал, кивнув на затихшего петуха:

— Отбегался завоеватель... Чего теперь с ним делать-то?

Петрович вздохнул:

— Надо воды вскипятить, чтобы ошпарить да ошипать. С собой возьмишь!

Кипятили воду молча, словно совершили злодейство. Когда же Федьку ошпарили в ведре, то веранда наполнилась душным запахом пера, а само оно легко сошло с петуха, и все увидели, что не такого уж он богатырского сложения, а обычный ошипанный кур: длинношей, длинноногий. И сразу сделали вид, что навсегда забыли огненного красавца, недавно владевшего двором. Торопливо собрали сына в дорогу, уложив в машину

коробку с яичками, пакет зелёного лука да банку консервированных огурцов. И о Федьке вспомнили. Вскоре, покачиваясь в багажнике «Форда», он ехал в столицу; завернутый в тряпицу и набитый крапивой, Федя совсем не чувствовал, как она изнутри жгла его.

После спешного отъезда сына Уласкины не могли говорить друг с другом, да и не осталось для этого слов. Несколько дней отмалчивались. За это время на кустах пастернака набухли молодые листья, Анастасия Ивановна повеселела, а следом и Алексей Петрович малопомалу растопил в себе отчуждённость. Но всё равно почти не вспоминали Федю: чего уж ворошить душу.

Но вскоре всё-таки вспомнили, когда увидели выводок цыплят и пропавшую курицу-наседку рядом с ними. Весь двор оказался усеян светло-коричневыми, пушистыми комочками, будто ранними опятами. Все они кружили вокруг наседки, а та квохтала, не переставая, словно обращала на себя внимание и говорила удивлённой хозяйке, первой заметившей их: «Не видишь разве, что мои детки голодные?!». Анастасия Ивановна сразу отправилась в кухню, мелко покрошила на картонке несколько яиц и понесла во двор. Ничего не сказав, позвала за собой мужа. Алексей Петрович вышел на веранду неохотно, а когда увидел выводок, то широко распустился в улыбке. Да и было от чего: хотя цыплятки казались крохами и пока без жуковых стрел вдоль спины, но все до одного походили на Фёдора, своего отца.

СТАРОЕ ЗЕРКАЛО

Четыре года минуло, как Васильевна попала в больницу с инсультом. Ещё тогда врачи обнадежили, да и сама верила, что со временем полегче станет, чтобы хотя бы до умывальника самой добираться. Но месяц шёл за месяцем, а улучшения не намечалось. Уж сколько надежд растаяло, сколько дум передумано, но как сразу не смогла встать на ноги, так и по сей день приходилось мириться с болезнью. А ведь как хотелось бы в церковь сходить или к родственникам в деревню съездить, или хотя бы до лавочки у подъезда доковылять. Пять минут побыть на вольном воздухе. Больше и не надо – чего зря людям глаза мозолить. Но и минутки она не была на улице за четыре года. Только и знала, что творится там, через своё зеркало.

Улочка у них тихая, без магазинов, и за все эти годы Васильевна изучила всех прохожих, потому что все они жили в одном с нею доме. Когда-то она знала жильцов по именам, потому что вместе с ними работала в вагонном депо, но потом ровесники подобрались, а молодых разве упомнишь... Зато знала, кто когда пойдёт, с кем – весь тротуар как на ладони. И не беда, что всё виделось отрывочно, не до конца, но и это занятие отвлекало от тяжёлых мыслей, от сознания своей беспомощности и, чего скрывать, ненужности. Как она устала от этого! И дочь, конечно, устала. Хотя ничего не говорит, но по ней видно, что страдает. Даже исхудала, когда поменяла работу, чтобы побольше с матерью находиться, потому что на мужа надежда плохая, а о сыне и говорить нечего. Двенадцать лет. Только и помощи от

него – принести бабушке попить, когда никого нет. Поэтому, что ни говори, пользы теперь от Васильевны никакой – сплошная морока. Это только здоровая да сильная всем была нужна, даже старшим сыновьям до последнего дня помогала. А сейчас редко когда придут: и один, и второй. Хотя бы забрали к себе на месячишко – дали сестре отдохнуть, но нет – не заикнутся – жён берегут. Может, поэтому дочь и ремонт затеяла, чтобы хоть как-то сменить обстановку. Правда, Васильевну это всё равно обижало. «Ремонт, значит, им дороже. Спешат куда-то? Вот померла бы – тогда и делали, что хотели», – думала она, обижаясь на всех.

Дочь и прежде заводила разговор о ремонте, но всё равно известие о нём застало Васильевну врасплох.

– Всё, на следующей неделе начинаем! – однажды сказала Лена, протирая от пыли зеркало, и укорила: – Сколько ещё будем держать эту рухлядь?! Ты бы посмотрела, как сейчас люди живут!

– Куда уж мне...

– Жалко, что не можешь... Даже наши соседи-пенсионеры жалюзи на окнах повесили! А подруга евроремонт сделала!

– Это Настя, что ли? Она ведь в банке работает. Разве за ней угонишься. Ты, может, такой же хочешь?

– Были бы деньги – сделала, – вздохнула дочь, – а пока обойдусь чем-нибудь поскромнее... Ведь для тебя стараюсь – пятый год лежишь! Самой-то не надоело на одно и то же смотреть?!

– Привыкла, – вздохнула Васильевна и не стала более говорить на эту тему. По опыту знала, что в такие минуты лучше промолчать, притвориться спящей – тогда дочь сразу отставала.

Васильевна закрыла глаза и действительно захотела, чтобы Лена ушла, потому что подступали слёзы, а показывать их не хотелось, и удерживать не хватало сил, которых и без того почти не осталось даже в её крупном теле. За дородность Васильевну редко называли по имени – всегда по отчеству. И пошло это ещё от её покойного мужа, не удавшегося ростом, и поэтому, наверное, всегда называвшего её вроде бы уважительно, но с оттенком едва заметной насмешливости.

Выплакавшись, Васильевна немного успокоилась, привычно заглянула в зеркало, словно за короткое время на улице могло что-то измениться. Ничего там, конечно, не изменилось: всё тот же распускающийся куст черёмухи, полоска асфальта и угол здания, за который убегал тротуар... Меняются лишь времена года да одежда на людях, в зависимости от сезона.

Ремонт начали с кухни. Зять два дня настилал какой-то особенный пол, а старый линолеум отвёз в гараж. Хотя дочь и объяснила, как будет выглядеть кухня после ремонта, но Васильевне всё равно трудно было представить. Прежде-то, когда сама хозяйничала, каждый уголок знала, каждую занавесочку, а теперь вместо занавесок собрались жалюзи цеплять. Ей хоть и объяснили, что жалюзи – это полоски из лёгкого металла, но как она ни пыталась представить – всё-таки в глазах стояли рогожи; и было ей не понять, как это можно на окна рогожи вешать?!

Но слушать её никто не захотел, а если она и высказывала свои

замечания, то, соглашаясь, всё-таки делали по-своему. Как, например, просила буфет не выбрасывать, а всё равно выбросили – мол, места много занимает! А ведь какой был удобный: что ни убери – под руками не мешается. Нет, сделали по-своему: вместо буфета полки итальянских навешали. Дочь с кем по телефону ни поговорит – всем об этих полках рассказывает. Будто ничего на свете важнее нет. И ещё об решётках на окна: мол, надо бы поставить, а то – первый этаж, от греха подальше... А Васильевна как услышала о решётках, то вздрогнула: «Как в тюрьме теперь буду сидеть!».

После кухни начали ремонт в маленькой комнате. И там не обошлось без ревизии. Диван им не понравился! Мол, старомодный. Зато крепкий. Служил 20 лет и ещё столько бы прослужил! Да разве они понимают. Им подавай современный, с американской обивкой, да раскладной – будто в комнате танцы устраивать собираются. А на вторую ночь их раскладной диван начал скрипеть на всю квартиру. А они и не замечают ничего. Будто так и надо. Или просто стыдно признаться, что ошиблись.

После ремонта в большой комнате, из которой, на счастье, ничего не выбросили, принялись за спальню, где обитала Васильевна.

– Вы хоть зеркало-то пожалеите, – попросила она дочь, когда зять начал выдёргивать из стены крючки, на которых зеркало висело.

А Лена словно и не слышала, и ничего определённого не сказала, а словами «Всё нормально будет» показала нежелание прямо говорить о своих планах. «Бог с вами, – подумала Васильевна, – если уж мать родную слушать не хотите, тогда и говорить не о чем!». Теперь Васильевна более переживала не за дочь, а за зеркало, словно оно было живым существом. Досталось оно от старшей сестры, а той – в приданое было подарено матерью. Так что, считай, зеркалу лет 70 будет. А последние лет 10, как умерла сестра, оно висит у Васильевны – попросила у племянников на память. И не беда, что зеркало местами, особенно по краям, потускнело и завитка одного в резной раме не хватает. Главное – память сохранилась! Как подумает Васильевна, что к зеркалу руки матушки прикасались, то невольно слёзы на глазах проступают, хотя к старости она и без того не в меру слезливая стала. Иногда даже при дочери не сдержится. А та, как увидит слёзы, то сразу строго посмотрит и стукнет кулачком по тумбочке: «Перестань сейчас же!». Через силу, со вздохом, Васильевна послушается, да и как не слушаться, когда вся жизнь теперь зависит от неё. Иной раз рада бы каприз показать, а приходится молчать, слезьми умываться.

Хотела Васильевна повторить просьбу, но сразу не решилась, стала дожидаться лучшего момента. А он всё не подходил, вслед за зеркалом и её «турнули» из спальни. Зять кое-как перевёз на одеяле в большую комнату, уложил на новое место и сказал, что это только на время ремонта. Так что, пока они делали в спальне ремонт, пришлось глазеть в пустой потолок. Иногда, забывшись, она привычно поворачивалась к стенке, чтобы посмотреть в зеркало, но зеркала здесь не было, а без него – самое обидное – она не знала, что происходит на улице. Пока лежит, и черёмуха отцветёт, не увидишь как. Черёмуховый куст каждый год нещадно обламывали, но весной он всегда зацветал вновь и вновь. Ещё до ремонта на черёмухе обозначились

зелёные кисточки будущих цветов, которые через неделю должны превратиться в белую кипень. Васильевна всю зиму ждала момента, чтобы полюбоваться этой благодатью, но теперь разве что увидишь. «Эх, к окну бы подойти, своими глазами посмотреть на мир божий!..» – вздыхала она.

– Илюша, сынок, – попросила Васильевна внука, когда тот пришёл из школы. – Посмотри – не зацвела ли черёмушка?

– Нет, бабушка... Я только что мимо проходил.

– А кисточки-то, наверное, уже набухли?!

– Нет, бабушка, ещё рано.

На какое-то время она успокоилась, а когда внук пообедал, попросила ещё:

– Принёс бы веточку – уж так хочется понюхать!

– Вот когда зацветёт – тогда большой букет принесу!

– Я бы пока и веточке была рада...

Её настойчивость внуку явно не понравилась, но просьбу всё-таки исполнил: прежде чем пойти гулять, вернулся в квартиру и отдал бабушке пахучую веточку, которую она потом держала в здоровой руке до самого вечера.

На следующий день внук сам предложил:

– Бабушка, ещё веточку хочешь?

– Спасибо, дорогой мой, вот когда черёмушка зацветёт, тогда и принесёшь, а сейчас посмотри, куда убрали моё зеркало! Может, в ванную поставили?

– Здесь нет! – просмотрев, крикнул внук.

– Тогда в маленькой комнате!

– Здесь тоже не видно...

– А за дверью?

– Я везде посмотрел – нигде нет... – развёл он руками. Внук видел, что бабушка расстроилась, хотел успокоить её, но она попросила пить, словно не о чем было попросить.

– Поставь чашку на тумбочку и иди уроки делать, – сказала она, когда он принёс воды, – а то мама жаловалась, что ты плоховато стал учиться.

– Выдумывает! У меня только одна троечка в четверти, а она трагедию из этого делает! – фыркнул внук, неожиданно покраснел от обиды и всё-таки отправился делать уроки.

Но Васильевне в этот момент было не до внука.

Она, как могла, крепилась, но слёз всё-таки от подступившей обиды не сдержала, потому что дочь не выполнила обещания – выбросила зеркало! Что ей стоило послушаться, ведь недолго осталось терпеть! От этой мысли с Васильевной что-то произошло... Она не поняла сразу, что именно, но когда тоска совсем одолела, догадалась, что не хочется жить... Впервые в жизни! От этого сделалось и вовсе плохо, не хотелось ничего ни видеть, ни слышать. Она словно окаменела.

Утро не принесло никакого облегчения. Ей надо бы самой поговорить с дочерью и зятем – развеяться, но тем не до неё. Они спешили в выходной закончить ремонт, а Васильевна постоянно мешала им, когда они что-нибудь передвигали или перетаскивали с места на место. Она это очень

хорошо чувствовала.

На следующий день её перевезли на старое место. Спальня, конечно, покультурнее стала, обои весёлые, а настроения они всё равно не прибавили. Нет-нет да смотрела она в то место, где прежде висело зеркало, а его будто и не было никогда.

«Вот дождусь, когда черёмушка зацветёт, и помру!» – решила Васильевна. Она теперь не хотела говорить с дочерью и ни о чём просить её. Только по два-три раза на дню спрашивала у внука, не зацвела ли черёмуха, но тот всякий раз отнекивался, и Васильевна устала ждать. На третий или четвёртый день, когда ей всё окончательно надоело, внук неожиданно вернулся с букетом. Хотя черёмуха ещё не полностью расцвела, но запах сразу наполнил квартиру.

– Вот и дождалась! – радостно сказал внук и поставил вазу с черёмухой у Васильевны в изголовье.

Васильевна вздрогнула от его слов, подумала, что пришла пора помираться, и ей захотелось побыть одной, чтобы вспомнить всю свою жизнь, вспомнить, как, ещё до войны, сперва попав из деревни под Шатуру на торфоразработки, приютилась в Москве, вспомнить, как наравне с мужиками горбатилась на железной дороге, как заработала ревматизм в моечном цехе... Это лишь перед пенсией выучилась на оператора газовой котельной, а так всегда на самых тяжёлых и грязных работах, и всегда недоедала, недосыпала – лишь бы были сыты и ухожены дети и муж... И вот не заметила, как жизнь пролетела: дети выросли, муж давно помер, и никому теперь, больная, стала не нужна...

Внук всё не уходил и не уходил, словно кто-то заставлял его торчать рядом.

– Как букет завянет – новый принесу! – пообещал он и добавил: – Скоро папа зеркало установит, тогда тебе опять станет хорошо!

– Какое ещё зеркало?! – переспросила она, будто ослышалась.

– Твоё... Оно сейчас у папы в гараже. В следующий выходной он новую завитушку сделает и свежим лаком раму покроет...

– Откуда ты знаешь-то?! – от неожиданности она вся задрожала и прослезилась.

– Он маме говорил...

Васильевна слабо потянула к себе внука, хотела сказать что-нибудь ласковое, но лишь сильнее заплакала, а тот не знал, что делать, и растерянно смотрел на бабушку, ничего не понимая.

Владимир КУПРИН

“Жажда вольного бытия...”

ВСТРЕЧА

2

1

Друг без друга жили мы
Повседневно, понедельно.
Недоступны и раздельны
Были души и умы.
Жизнь летела и плыла,
Кувыркалась и качалась,
Плакала и улыбалась...
Глубь темна, но даль светла.
Я живу, и ты живи.
Счастья нет, и нет печали.
Что в конце и что в начале? —
Ожидание любви.
Можно жить и не любя.
Спят в душе любви проростки.
На житейском перекрёстке
Вдруг увидел я тебя.
Я прочёл в твоих глазах
Сильных чувств призыв беззвучный,
С жаждой жизни неразлучный,
Не описанный в словах.
Слоги были бы просты.
Надо ль бряцать красной речью?
Важно, что случилась встреча,
Без которой дни пусты.
Бог мой! Много было дней.
Но таких, как ты, немного —
Не ломака, недоtroга,
От любви не в стороне.
У одной тебя, мой свет,
Есть в глазах огонь загадки:
Полыхнёт огнём сладким —
И его как будто нет...
Хочешь? — Буду я любить
Безгранично и безбрежно,
Целомудренно и нежно,
Чтоб ни капли не пролить.
Буду я тебя любить
Ненасытно и обильно,
Столько, сколько мне посильно,
И любви той не избыть.
Буду я один любить
(Если только будет можно)
Ласково и осторожно,
Чтобы хрупкость не разбить.

Душу кошки теребят.
Встрепенулся в сердце кречет.
Ты не ведаешь о встрече.
Это я нашёл тебя.
Я украдкою приду
На тебя полюбоваться.
Жаль, нельзя ни в чём признаться.
Я помедлю, подожду.
Я тебе пошлю привет
Красной розой и стихами
С драгоценными словами,
Не надеясь на ответ.
Ты позволь мне быть с тобой
Ненавязчиво, нечасто.
Подари розинку счастья,
Чтоб я знал — я не любой.
Не могу внезапно, вдруг
Твоей жизни ход нарушить,
Но хочу твой голос слушать
И хочу войти в твой круг.
Нет надежды, но мечты
Исполняются порою.
Стань ни первой, ни второю —
Будь единственною ты.
Ты внесла во тьму свечу
Так давно и так недавно.
Из неровни стану равным —
Я с тобою быть хочу.
Дух мой тянется к тебе.
Ты меня поймёшь не сразу.
Бриллиант подобен стразу,
Самоцвет же — сам себе.
Не пугайся, я не зверь.
Я похож на всех и многих.
Просто жизни склон пологий
Упирается не в дверь.
Но дано мечтою жить
В горе, радости и деле,
Ощущать свечение в теле.
В небе облаком кружить.
Век продлится, и судьбе
Не дано закончить пряжу.
Отзовёт хранитель стражу,
Добрый ангел, вняв мольбе.

3

Доброй вестью от богов
 Твоё имя прилетело.
 Повторяю то и дело
 Я гармонию слогов.
 Слоги эти так легки.
 Я смакую их губами.
 Под земными небесами
 Их носили ветерки.
 Я немного притворюсь,
 Будто я тебя целую,
 Будто я тебя балую...
 В омрачённом сердце грусть.
 Не томи меня, тоска, —
 Без тебя и так истома.
 Ты в моей душе, как дома;
 Дом мой — замок из песка.
 Россыпь раковин пустых
 На верёвочку нанижу,
 Чередую чёрных, рыжих,
 Белых, серых, голубых.
 Незатейливый узор
 Наподобие вампума
 Зашифрует мои думы,
 Примешав к ним лёгкий вздор.
 Я пришлю тебе, мой свет,
 Эти раковины-чёты.
 И не смогут отвороты
 Одолеть мой амулет.
 Ты укрась им, как венцом,
 Свою русую причёску.
 Разноцветную полоску
 Наложу на лоб кольцом.
 Я тебя, моя любовь,
 Стану ждать в пустой аллее
 И желать ещё сильнее
 Полной близости с тобой.
 Ты меня, моя краса,
 Не страшись, — я не опасен.
 Я наружно не прекрасен,
 А в душе — не знаю сам.
 Это сможешь только ты,
 Поборов свою несмелость,
 Оценить мою умелость
 В исполнении мечты.

4

Августовский звездопад
 Перлы яркие роняет,
 Свет молочный проливает
 На земную твердь стократ.
 Не дождинки, не зола —
 Росный ладан непорочный
 Падает, как сон непрочный.
 Это ты ко мне пришла.

Кожа нежная твоя
 Розовеет от смущенья.
 Голос рвётся от волненья...
 Неужели ты моя?
 Твоя мягкая ладонь
 Жар телесный охлаждает,
 А в глазах твоих пылает
 Твой загадочный огонь.
 Поцелуй, шёпот, стон;
 Тел горячих колыханье;
 Тайных мест соприкосанье...
 Это сон, заветный сон...
 Кто живёт судьбой своей,
 Тот хозяин и владыка.
 Он ни шёпота, ни крика
 Не боится, чем ни бей.
 Я, конечно, не святой.
 Но ни в чём таком не грешен,
 В преступлениях не замешан.
 Почему ж я не с тобой?
 Но я мог бы быть любим!
 Находиться рядом, близко;
 Первым быть в почётном списке;
 На худой конец — вторым...
 Жить и быть, когда и где —
 Там и тут, давно, недавно —
 Не вопрос, другое главное:
 Ты повсюду и везде.
 Я к одной тебе тянусь.
 Наделён чужою долей,
 Буду счастливым той неволей,
 От которой вдруг проснусь.
 Я взвалю на плечи крест,
 Твоему послушен знаку.
 Дай своей любви оракул,
 Чтобы мир в душе воскрес!

5

Сколько сам себя ни мучь,
 Буря явится наскоком.
 Грозам нет ни дня, ни срока.
 ...И откуда столько туч!?
 Donnert es und blitzet es.
 То есть, гром и молний вспышки.
 Без конца, без передышки
 Влага сыплется на лес.
 Шторм несётся по реке.
 Паводок съедает берег.
 Весь во власти суеверий,
 Я гадаю по руке.

Смыт дорожный перегон,
Нет в яру свободных лодок.
По воде — и пешим ходом?..
Хорошо, что это сон.
В руку он или в карман —
Всё равно он сущий, вещий.
Он показывает вещи,
Те, что скрыл густой туман.
Я читаю, как слова,
Приглушённый зов удода:
Не смотри на время года,
У любви свои права.
Остаётся убедить
Ту, которая боится,
Как опасливая птица,
Что повторы могут быть.
Да, восход — всегда повтор,
И закат, и день, и вечер,
Их чередование вечно,
Неизменен лишь простор.
С неба, моря и страниц
Переходит он в пространство,
Дарит чувствам окаянство
Без пределов и границ.
Окаянства не стыжусь —
Для него найду я меру, —
Пусть оно поддержит веру,
Из души изгонит жуть.
Как и я, ты не стыдись
Всех своих переживаний.
Ради ханжеских страданий
От любви не откажись.

6

Дождь. Я тих и отрешён.
Слышу капель дробный шорох.
Сбились чувства в пышный ворох..
Хорошо, что дождь пошёл.
Мокнет гибкая лоза,
Сытной влагой наливаясь.

Свои канты напевает
Августовская гроза.
Приглушён небесный свет.
Пузырятся звучно лужи.
Где я точно уж не нужен,
Там меня в помине нет.
Где-то я вокруг брожу,
Плачу, хохочу, ругаюсь.
Сам себя собрать пытаюсь
И частей не нахожу.
Ты могла бы мне помочь
Измениться, жить иначе,
Увернуться от раздачи
И прогнать проблемы прочь.
Мне приказано не сметь,
Не канючить, не проситься,
Видеть сон, который снится,
Прятать помыслы в уме.
Ты с привычками простишься,
К новой жизни приближаясь.
Я с прошедшим попрощаюсь,
Постараюсь отпустить.
Наших болей и обид
Пусть летят грачи и галки.
Прочь душевные копалки,
Чтоб не плакаться навзрыд.
Я прилежно накоплю,
Трепеща, в душе отвагу
И на новую присягу
Сам себя настрапаю.
И молчи, и говори.
Распусти вольней одежды,
Распахни навстречу вежды,
Чистым взором озари!
Сотвори благу речь,
Голосу придав напевность.
Отпугни от сердца ревность,
Чтобы больше было встреч.

ВЕРБНОЕ УТРО

Над рекою плавают туманы.
С листьев капли стряхивает лес.
И тягучий аромат дурмана
Потянулся по сырой земле.
Гладит ветер огненную чёлку
Восходящей розовой зари.
Молодая верба, как девчонка,
О любви весенней говорит.
Сколько в ней упругой юной стати!
Свет зари пролился на кору?

Улетел туман, что так некстати
Обнимался с вербой поутру.
Что-то будет — счастье или горе —
Всё потом и после... А пока
Сок малины наливают зори
В жёлтые пушинки ивняка.
И тоскуют старые берёзы,
И роняют, кроной заслонясь,
То ли перламутровые слёзы,
То ли дождик на подходе дня...

Вечер короток и кроток.
 Краски свежие ясны.
 Мягким отсветом бархоток
 Небеса омрачены.
 Солнце кануло в расцветку
 Потемнелой пестроты,
 Метя жёлто-фиолетом
 Надвиганье пустоты.
 Полость ночи бесконечна.
 Тишина лежит пластом,
 Обнимая мир заречный
 Распростёршимся крылом.
 Расстаётся свет далёкий
 С горизонтом до утра,
 Луч зелёный одинокий
 Промелькнул — пора, пора!

Там, под золотом заката,
 Продолжается тепло.
 Там земля ровна, поката,
 Сутки круглые светло.
 Виден глазу блеск Эдема,
 Звуки струнные слышны.
 Во блаженстве сердце немо
 Погружается во сны..
 ... Меркнет свет исповедальный,
 Уменьшая тьмы раскол.
 Но зачем же мир реальный
 Оставлять на произвол?
 Кто ни есть в тумане шатком,
 Выходи и стройся в нить,
 Чтобы зорко за порядком
 До восхода проследить.

ЖАЖДА ЖИЗНИ

1

Жизнь несётся, круша и пуча
 Общей дрёмы толстую сталь.
 Кто-то в горку, а кто-то — с кручи,
 Углядев несусветную даль.
 Что там, в мареве, слышно и видно?
 Гор обводы, ниточки рек..
 Чтобы не было стыдно-обидно,
 Ноги сами пускаются в бег.
 По оврагам, еланиям и падям,
 Да по скалам, холмам и буграм
 Пробегаем чего-то ради
 Километры, а пользы — грамм.

2

Не отстать бы от жизни, братцы
 (Бог мой, некогда отставать)!
 Разогнуться бы, разогнаться,
 Да не трогать кузькину мать.
 Пусть она живёт, не сдаётся,

Как трудяга — лесной муравей,
 Достает луну из колодца
 И пасёт в небесах журавлей.
 Хвать — а кто-то спёр захоронку.
 Снова надобно наживать.
 Прохочет филин вдогонку,
 Поперхнётся на слове «мать».

3

Не за тем ли живём мы сами —
 Незатейливый строим быт,
 Кажем кукиши чёрту с рогами,
 Чтоб не трогал нашей судьбы.
 Надо будет — дров наломаем
 Без подначки и зудежа.
 Все мы словно родились в мае,
 И над каждым синицы кружат.
 Неназойливый щебет птичек
 Нудит помнить — кто ты, кто я..
 Но горит в нас, как фосфор спичек,
 Жажда вольного бытия.

Жить два века не дано.
Лет до ста живём случайно.
Кошка так глядит в окно,
Будто ей известна тайна.
Девять жизней у котов, —
Гусь гогочет, крячут утки.
Кто же слушать не готов
Присказки и прибаутки?
В древних книгах много есть
Объясняющих сюжетов.
Нам дана благая весть
Без вопросов и ответов.
Смотришь в мир — живи себе
Без раздумий и печалей
И заботься о судьбе
Той, что силы свыше дали.
Уговор, как приговор:
Не ропщи, мирись и здравствуй.
И до сих, и до тех пор
Не уткнёт архангел раструб
Геликона своего.
Он всегда готов сигналить
Ни с того и ни с сего
Посреди, в конце, в начале.
Прогремит ли зов трубы,
Благодатный сон нарушив, —
Прочерк вспыхнувшей судьбы
Примет небо равнодушно.
От беды убережёт
Разум — всех мерил зеркало..
Смотрит в небо звездочёт,
Ищет то, чего не стало.

В небе след метеорита,
Словно древнее письмо.
В нём желание сокрыто,
Чтоб никто прочесть не смог.
О тебе из ниоткуда,
Где когда-то Хаос был,
Сны твердят, что ты как будто
Тайна жизни и судьбы.
Надо ль верить снам и знакам
И ста тысячам примет?
Мне смеяться бы и плакать,
Прочитав горящий след.

Я не знаю, что мне делать.
И внезапно так, и вдруг..
Зодиак своим *con stello*
На тебе замкнул свой круг.
И астральной колеснице
Не сказать «Вперёд!» и «Стоп!»
Составляется по спицам
Фантастичный гороскоп.
Выстрелами в бесконечность
Улетают стон и зов.
Быстротечна вековечность
В звуках звёздных голосов..

Миновали чёрные заботы,
Мимо протекали пустые дни.
Ухожу, срезая повороты,
Далеко, куда зовут огни.
Я могу за ними не угнаться,
Хоть и рядом свет, — рукой подать.
И никто не скажет, даже вкратце:
Не ведёт ли путь мой в никуда?
В никуда идти не так уж страшно:
Не пугает край далёких стран.
Страхи и напрасны, и пустяжны, —
Там всего лишь пусто и туман.
Пронесётся в поднебесье птица,
Рыкнет зверь да прошуршит грызун.
Дикий кот на ветке притаится,
Спрячется в кустах медведь-пестун.
Мы друг друга обойдём сторонкой,
Тихой безопасною стезёй.
Ветер завивается воронкой
За моей недрогнувшей спиной.
Скоро выйду я к стране счастливой,
Кончится в душе моей раздразай...
То простор, то дебри, то разливы,
Скалы и песков сухих бескрай...
И бежит дорога дальше, дальше,
И её стремления просты:
Оказаться там, где нет ни фальши,
Ни вранья, ни помыслов пустых.
Там тебя никто не объегорит,
Никакой ехидник не куснёт.
Там наполовину меньше горя
И души свободнее полёт.

Тихо колокол звенит,
Уплотняя гулом воздух.
Поздно что-то изменить —
Ночь засвечивает звёзды.
Шире свод, длинней простор.
Краски ультрафиолета
Затевают новый спор
С цветником ночного лета.
По чащебе огоньки
На земле блуждают роем.
Стебли, ветви и сучки
Высоту узором кроют.
Я иду, шагаю в ночь.
Мне моя диктует воля.
Страхи прочь, сомненья прочь —
Там иная жизнь и доля.

Солнце встанет, свет прольёт,
Мир оденет в позолоту —
Не убавлю мерный ход
По дороге к повороту.
Кто-то где-то — я не жду.
Ухожу, ведомый целью,
У судьбы на поводу
За своей мечтой бесценной.
Кнопку жму, давяю педаль,
Набираю песню гаммой,
Разворачивая даль
Неоглядной панорамой.
Развивается канат,
Распускается плетенье,
Повторяя много крат
Образ струйного теченья.

г. Павлодар.

«Истории, которые трудно выдумать»

Литература и жизнь... О взаимопроникновении и взаимовлиянии этих двух бытийных форм ведутся споры ещё с античных времён. В разные годы они то удалялись друг от друга, отстаивая преимущества «чистого искусства», то сближались, рождая жанровое многообразие реалистического метода. Книги карагандинского писателя Владимира Литвинова снимают остроту этой проблемы, поскольку писаны они самой жизнью, и кажется, что их герои – хорошо известные нам люди, а их жизненные истории – это часть истории некогда великой Страны Советов. Подзаголовком «Босоногих» стал авторский комментарий, который вполне можно принять за жанровый: «Истории, которые трудно выдумать».

Русская классическая литература богата традициями автобиографической прозы. Многие поколения зачитывались трилогиями Льва Толстого, Максима Горького, Николая Гарина-Михайловского. И в литературе Казахстана есть яркие образцы автобиографической трилогии Сабита Муканова, Николая Анова. Карагандинский писатель Владимир Литвинов тоже шагнул на эту тропу: в течение тридцати лет работал над трилогией «Босоногие» и, наконец, издал её заключительную книгу. Главный герой трилогии – круглый сирота и инвалид, который половину своего детства провёл на больничной койке детского туберкулёзного санатория, привязанный «на все четыре». Такого необычного героя автобиографическая проза Казахстана ещё не знала.

Проза Литвинова о детях войны уже снискала популярность и любовь среди читателей. Однако если предыдущие книги «Босоногих-1,2» были обращены скорее к юному поколению, то у «Босоногих-3», которая называется «Врёшь, не возьмёшь!», читательская аудитория может быть самой широкой. Ведь и книга сама вышла широким жанровым полотном, в котором переплетаются автобиографические заметки, лирико-философские и публицистические отступления, портретные зарисовки с натуры, дневниковая и эссеистская проза.

С одной стороны, главы «Босоногих-3» можно читать как отдельные рассказы, с другой – она представляет целостное художественное полотно, части которого связаны между собой и вместе образуют композиционное и смысловое единство.

Цельность книги обеспечивается прежде всего за счёт образа главного героя «Босоногих» – Семёна Лубина, который в хорошем смысле является авторским резонёром. Книга начинается с того момента, как Семён покинул детский туберкулёзный санаторий, в котором провёл долгих шесть лет, и начинает взрослую жизнь, где ждёт его личностное становление, трудный выбор профессиональной стези и, конечно, любовь... Ей посвящена не одна страница новых «Босоногих» – первые любовные томления и страдания, первые поцелуи, первые встречи и расставания... В классическом романе герой, как правило, проверяется любовью (вспомним отчаянного Базарова, не выдержавшего испытания любовью к Одинцовой).

У Литвинова вряд ли можно выделить такую особенность, поскольку герой проверяется в самых разных ситуациях – на планёрках, на комсомольских собраниях, на дружеских собирушках, в моменты, когда приходится всё бросать и мчаться «по зову первой любви». И в каждой из них основным критерием в выборе позиции героя становится главный принцип – отстоять справедливость, добиться правды, пусть за неё и нередко можно получить «по шапке», а главное – остаться тем Семёй Лубиным, который всегда знает «как»... Порою может показаться: «Уж слишком идеальный портрет получается». Герой-молдоговардеец какой-то... Признаюсь, многие страницы и мне показались написанными в уже почти забытом «соцреалистическом» духе. Да и эпиграфы – сплошь из советской поэзии. Райкомы, крайкомы, комсомольские собрания, партийные первички вот уже более 20 лет назад канули в Лету. А в прозе Литвинова они все оживают. Более того, спорят с веком нашим. И скорее не они, как нам кажется отжившие формы правления, а мы сегодняшние – такие прогрессивные и всеведущие, держим экзамен на состоятельность. Вспоминая вместе с автором страну, «которую мы потеряли», часто хочется воскликнуть по-лермонтовски «Да, были люди в наше время! Не то что нынешнее племя»... Литвинов показывает нам, что дело не во власти, а в людях, её осуществляющих. Какой бы ни была власть, главное, чтобы работали её законы, призванные защищать человека...

С большой любовью создан образ наставника Семёна по партийным и комсомольским делам – первого секретаря райкома партии Николая Григорьевича Усенко – человека мудрого, честного, умеющего отстоять правду, твёрдого и человеческого. Откроем тайну – его прототип жив и сейчас, он продолжает поддерживать «своих» – ветеранов, бывших коллег по партии, просто друзей, тех, которым оказалось нелегко осваивать законы «нового времени».

Помимо ярких персонажей и интересных эпизодов, новая книга писателя интересна и авторскими приёмами, например, включением в повествование голоса самого Семёна через его дневник, а затем и литературные пробы. Эти приёмы позволяют автору всесторонне осветить свою позицию – и жизненную, и профессиональную. В завершающей книгу главе «Зов моста» – истории разочарований и возрождений, поражений и побед – над обстоятельствами, над собой. В рассказе «Мост» героя спасает от шага в пропасть мысль о невыполненных долгах перед людьми, которые надеются получить помощь именно у него, жителя города Добродар. Достойный финал книги о достойных людях, которые живут и не ломаются, а от испытаний становятся только крепче.

Лариса ХАРИТОНОВА,
кандидат филологических наук, доцент Карагандинского
государственного университета имени Е.А. Букетова.

Владимир ЛИТВИНОВ

Главы из повести «Врёшь, не возьмёшь!» – заключительной книги трилогии «Босоногие» Тайный уговор

Милиционер сидел за столом директрисы, постукивая карандашом по лежавшему перед ним листу бумаги. Услышав скрип двери, он поднял голову и молча воззрился на чудную, видать, для него фигуру: высокий парень на костылях, по щекам топорщатся почти взрослые бакенбарды, в яростном взгляде – ни смятения, ни сомнения.

– Фамилия твоя, голубок? – с усмешкой произнёс милиционер.

– А то вы не знаете... – огрызнулся Семён.

– Отвечать! – рявкнул Козуб. Но через мгновение сбавил тон: – Я протокол составить должен. Фамилия? Имя? Год рождения?

Семён, с трудом сдержав вспышку злости, не отказал себе в удовольствии поиздеваться всё-таки над «следователем». Приняв манеру и интонации учителя русского языка, что, конечно, более едко, чем тупые ухмылки, он медленно, с расстановками, начал диктовать:

– Пожалуйста, пишите. Лубин Семён Иванович, рождения 1936 года... Успеваете записывать, гражданин лейтенант? – от этой фразы милиционер даже дёрнулся, но Семён в том же темпе продолжил: – Родился на ферме № 4 совхоза «Мартовский» Хабаровского района. Административное подчинение нашего района... вы ведь знаете? – лейтенант при этом «крючке» пронзил подследственного свирепым взглядом, а Семён продолжил «диктант»: – Социальное положение? Из совхозных крестьян. Род занятий? Воспитанник детдома. Да, теперь выпускник семилетки села Утянка.

Милиционер последние слова «диктанта» уже не записывал, склонив голову набок, наблюдал за «педагогом». Наконец, приустав от нахальства, тихо вымолвил:

– Ты бы не ершился, паренёк. Факты и свидетельства явно не в твою пользу. И если не «отдых на зоне», то колония тебе вполне светит.

– Да пожалуйста, – буркнул Семён. – Только ведь суд ещё должен быть. А кто знает, что там выявится?

Два окна за столом хозяйки кабинета раскрывали ближайший мир. Ав проёме между ними с портрета улыбался всем входящим великий вождь И. В. Сталин. С неизменной трубкой в зубах. Кинув в милиционера очередной свой камешек, Семён поднял глаза к глазам вождя. А тот, вынув трубку изо рта, негромко сказал ему: «Держись, парень. Твоё дело правое!». Семён ответил: «Так и будет, товарищ Сталин!».

– Ну-ка, друг, подойди и присядь на эту табуреточку, – строгим тоном сказал лейтенант Козуб. Когда Семён сел, он впервые улыбнулся: – А хитёр ты, парень! И на язык остёр. Да и грамотен, видать... А вообще, попадись ты какому-нибудь дуrolому-следователю, мог бы и в самом деле загреметь под стражу, но у меня... сын такой же. Так что не буду ломать тебя

через колено. Лучше уговор составим. Как смотришь?

– Какой ещё уговор? – насторожился Семён.

– Я про те твои инте-ре-сы, что девчонка говорила, кое-что знаю. И они, может быть, совпадают с моими. Я понятно говорю?

– Кажется, понятно, – ответил Семён.

– Согласен помогать мне? Чтобы тут... у вас, всё по закону было?

– Да можно попробовать, – подумав, пошёл на сделку подследственный.

– Тогда первое тебе поручение: доставишь завтра в райотдел милиции одного из своих знакомцев... Того, что у вас Атаманом кличут.

– Задание принято, товарищ лейтенант! – за деловитым тоном Семён спрятал радость. Это же лишняя возможность попасть в райцентр! К тем людям, что наверняка разберутся, кто и что вытворяет в детдоме под прикрытием заботы о беспризорных детишках.

Конвоир с вожжами

Когда дорога от Утянки до Хабаров встретила в лесок, поначалу путников приветствовали шеренги осин да берёзок, а чем дальше, тем больше дышали на них своим ароматом сосны. Да такие высоченные, что и потемнело вокруг. Разлапистые великаны, чуть не смыкаясь верхушками, закрыли небо, и Семён напружинился: не выкинет ли «арестант» Вейс какую-нибудь каверзу? Но Славка как насвистывал «Чижику» на степной дорожке, так посвистывал и под кронами. Вдруг произнёс негромко, словно для себя:

– Мы с ребятами всё гадаем, Сём... Твои мать-отец где?

Семён не собирался сближаться с «конвоируемым» им Вейсом, чтобшний раз повоспитывать его по дороге или когда подъедут в Хабары к милиции. А тут, сам от себя не ожидая, откликнулся в тон «арестанту»:

– Мама в тюрьме... сгинула. Родного отца я не знал вовсе. А отчим, что меня покалечил, на войну сразу ушёл. Вскоре и похоронка пришла.

– У меня, считай, то же. Всех разбомбило... – протянул Славка. – Сирота горемычный...

Дорога до Хабаров недлинная, всего-то километров семь. Но скорость детдомовской коняги та ещё! На рысцу она переходила только после доброго подхлёста. Так что...

– Сём, – окликнул Атаман своего конвоира тихим голосом. – У тебя бывало, чтоб обкрадывали?

– Было! В жизнь не забыть! – откликнулся Семён, будто именно сейчас думал о том случае.

– Расскажи-и, – Вейс придвинулся к нему так, что дыхание его заще-котало щёку Семёна.

– Чего ж не рассказать. Подарили мне однажды карандаш...

– Не понял... Какой это подарок?

– Э-э, не знаешь! Он был такой красивый, первый мой в жизни карандаш! Ровненький, гладенький... И весь целый! Жёлтая краска отблескивала от заходящего солнца. А ещё ярче блестела на карандаше

надпись золотом: «Ф-ка им. Сакко и Ванцетти». Я не знал, что это такое «Ф-ка», что такое «им.», и про «Сакко и Ванцетти» тогда не знал. Но что такое ка-ран-даш, я знал. Это была моя тайная мечта все десять лет моей жизни! Это была радость – даже не иметь карандаша, а просто видеть его!

– Ух ты! – удивился Славка.

– Но видел-то я его только у других ребят, – повернулся Семён к нему. – Даже у мамы, когда она писала свои бумажки про ферму и про надои, целого карандаша я не видел. Полкарандаша было, а целого не было. Мне мама давала только маленький огрызок карандаша или грифель, который у неё выламывался. Как я радовался этим огрызочкам, как берёг их! Мог целыми днями на листочках, что мне мама давала, рисовать деревья. Особенно радовался, когда научился рисовать листочки на деревьях. Мама радовалась вместе со мной. Пока была жива... – Семён замолчал, Славка, слышно было, всхлипывал, еле сдерживая слёзы. – А тут, уже в детдоме, нянечка моя подарила мне целый карандаш!

– А чо я про неё, нянечку твою, не знаю?

– Да это было семь лет назад. Ещё до того, как меня увезли в санаторий. Тебя, бандита, у нас ещё и не было.

– Чо обзываешься? Какой бандит? Просто... интересно!

– Ладно, не бери в обиду. А то не буду рассказывать.

– Не-е, ты чо! Давай дальше.

– Спали мы с карандашом вместе. Он уютно так лежал под подушкой, а я то и дело просыпался, шарил, там ли он. Я решил: надо отдать мой карандаш на хранение другу Кольке. Он старше меня. Он сильнее. У него никто не посмеет отобрать карандаш. И украсть побоятся... Утром, зазвав Кольку за угол, я шёпотом рассказал ему, как ночью боялся, чтобы карандаш не потерялся и чтобы никто его не стянул. «Коль, – сказал я умоляюще, – пусть карандаш у тебя похранится, а? До учёбы...». И верный друг Колька согласился.

– Уважаю!

– Погоди восторгаться! Первого сентября после уроков я разыскал Кольку: «Давай мой карандаш, нам тетрадки выдали!». Колька чего-то замялся, а у меня в животе так всё и оборвалось! «Знаешь, – закричал Колька, выпучив глаза, – я чего-то не найду твой карандаш. Ей-бо, не знаю!...». Как дальше шёл день, я не помню толком. Словно бы я заснул, да так и ходил во сне. Только всё оглядывался, не бежит ли Колька ко мне с карандашом в руке. Но Колька всё не бежал, а дни всё шли и шли... Я даже думать начал, что ему совсем некогда – в пятом классе уроков вон сколько задают! Не то что у нас, во втором.

– И чо? – Славка даже повис на плече Семёна.

– Как-то на переменке я чего-то проходил мимо дверей пятого класса. И меня как бес подтолкнул открыть её да тут же носом уткнуться в первую парту. Вдруг я увидел какой-то необычный карандаш. Лежал на раскрытой тетрадке... Две руки разом кинулись к нему – моя и Колькина, потому что я в его парту уткнулся. Моя рука схватилась за карандаш вперёд. И я увидел, почему он был вроде необычный – с него кто-то соскоблил краску! «Коль, – прошептал я, – кто ободрал мой карандаш? У кого ты нашёл его?».

Колька уцепился за конец карандаша и тянул его к себе: «Это не твой, не твой! Твой у меня кто-то, наверно, стырил!». Но я уже увидел посередке карандаша не стёршиеся буквы «...цетти» и догадался, что это мой, мой карандаш. Колька всё-таки вытащил его из моей руки и спрятал в парту. «Гад ты, гад, – рычал я Кольке прямо в рот. – Украл, а врешь!».

– А потом, потом? – Вейс затряс Семёна за плечо.

– Больше я тогда ничего не мог сказать. Опустился на пол возле парты и не видел, не слышал, как прозвенел звонок с переменки, как вбегали в класс ребята, как вошла учительница, громко-громко спросила: «Почему плачет этот мальчик? Из какого он класса?».

– И ты не дал ему в харю? – ужаснулся Атаман.

– Нет. Не могу я драться. Нельзя мне... Я только, помню, вскрикнул: «Неправда ваша! Я не плачу!». И поковылял в свой класс...

– Сволочь он! Обокрасть друга! Давить таких надо! – разошёлся Вейс.

– Ты не знаешь, где он сейчас? Я б нашёл его, гада!..

Побег

Гнедуха сменила рысцу на мерный шаг, потом, озабоченно фыркнув, и вовсе встала. Семён с разворота подбодрил было её вожжой, да тут же и устыдился своей бесчеловечности. Кобылка расставила задние ноги, вздёргнула хвост и всласть оросила своим фонтаном дорогу.

– Чего она там? – буркнул Славка, отвалившийся навзничь.

– Да ничего, облегчается.

Семён не успел и рта закрыть, как Вейс «художественно» взвизгнул «ой-ёй-ий!» и рванул с брички в заросли. Семён метнулся было соскочить вслед за своим подконвойным, но животное не поняло его, дёрнулось, дескать, я всё ещё не справил свои дела. И неизвестно было, что оно предпримет, когда облегчится. Впрочем, догнать на костылях, сквозь мелколестье, быстрого Атамана было вовсе нереально.

Семён всё же выбрался из брички, подошёл к лошади, погладил по её доброй морде:

– Спокойно, Гнедуха. Спокойно, – и крикнул во всю глотку:

– Славка-а! Ве-е-йс! – эхо повторило за ним: «а-а!», «е-е!», подумав, добавило: «а-а!», «у-у!».

– Паразит такой! – взъярился Семён. – Ещё и посылает на ..., мерзавец! Втёрся в доверие своими душещипательными разговорами... – он, крутанув крепким словом, взобрался на свой деревянный «воронок», слегка шевельнул вожжами. Как бы просил лошадку идти шагком, шагком – мало ли чего.

Не проехал он и десятка метров, как заколыхались кусты, и беглец на ходу вскочил в бричку. Отдуваясь, затараторил:

– Коняга твоя раздражила! Токо она дала фонтан, как из меня тоже чуть не выскочило! – он хихикнул так мерзко, что Семён рванулся... оттянуть его вожжой. – Ребята пять компотов своих отдали, – веселился Вейс, – дескать: «Хлебай, Атаман, а то кто их знает, когда там, в ментуре, покормят!». Мало компотов – ещё и три вторых схавать пришлось. Вот и свело брюхо!

– А чего не сказал?

– Кричал же я из кустов: «Я иду!». Эхо ещё повторило...

– Ладно, проехали. Прости, что плохо подумал о тебе.

– Сём, а Сакко и Ванцетти... Чего их на карандашах тискают?

Кто они?

– Рабочие-революционеры. Из Италии в США бежали, а там их кто-то оболгал, и их – на электрический стул! Весь мир тогда негодовал. А в Москве фабрику в их честь назвали.

– Ну и сволочи эти америкашки! – подытожил Славка.

Помолчали. Телега поскрипывала, кобылка детдомовская бежала ровно, не дёргаясь, копыта её не цокали, а шмякали в дорожной пыли.

Семёна резануло по сердцу Славкино напоминание о матери... Домашнее слышалось только: «Мария», «Манька». А кто была она по имени-отчеству? Во сколько лет родила его? Ничего этого он не знал. А отец? Как его-то звать-величать? Сколько лет назад он бросил их? Если удастся найти документы в загсе, тогда и узнает про свою родоу.

А Славка опять встрепенулся:

– Тебе в районе-то, кроме как сдать меня в милицию, ещё чего-нибудь надо?

– Надо. В загс заглянуть. У меня же метрик вовсе нету. Из-за этого паспорт не дают. Год назад, в санатории, временное удостоверение выдали. С ним учиться не сунешься.

– А знаешь что? – Славка придвинулся, тронул Семёна за плечо. – Ты езжай прямо в загс, тебе же там долго копать в бумажках. А то и ждать придётся. А я сам в милицию пойду. Как это они говорят? С повинной.

– «Хитрый Митрий! Навалил в штаны, а говорит: заржавело!»! Я тебе поверю, а ты возьмёшь да дёрнешь.

– Ты чо!? Тырить Славка Вейс тырил, а треплом в жисть не был!

Славкино предложение Семёна взбудоражило. Он столько раз писал в загс, а ответа так и не получил. Чёрт его знает, сколько прокопаться там придётся, но вдруг повезёт? А если Славка всё-таки хитрит?

– Вот те крест! – взвился Вейс. – Сам милиции сдамся! А ежели отпустят, бумажку нужную вытребую и тебе в загс притараню. Чесно ленинско, притараню!

Клянясь именем вождя, Славка для убедительности, как тогда в конторе во время «допроса», вскинул руку в пионерском салюте, а следом... перекрестился. Семён прыснул, но недоверия к «огороднику» как не бывало.

У деревянного дома Хабаровского райзагса они распрощались. Славка побежал искать райотдел милиции, а Семён, привязав кобылку к коновязи, с волнением вошёл в хранилище бумажных тайн рождений и смертей.

В поисках родовых корней

Вид его – костыли под мышками, одухотворённое лицо с молодой порослью по щекам и под носом, гордый взгляд – вызвал доверие у немолодой тётенки в простеньком одеянии. По взгляду и движениям, ласковой

доброй мамки немалого семейства.

– В каком году, говоришь, родился? – добрейшим голосом проворковала она. – В январе 36-го? И как же ты запомнил, если родных ещё с войны никого? А, предполагаешь, что мог родиться и в декабре 35-го? Я гляжу, ты в самом деле выглядишь старше 17-ти. Я бы дала тебе и 19. Рослый, осмысленный. Ну давай посмотрим конец 35-го. – Она сняла с полок и выложила на стол гору папок: – Грамотный? Даже отличник? Ну тогда помогай искать дела Мартовского сельсовета, – она окунулась в пыльные папки и папочки. Копалась довольно долго, наконец сказала с удивлением: – Что-то не вижу я здесь дел 35-го года из Мартовского сельсовета. И 36-го года не нахожу. Неужто загубили всё мои предшественники? А?

– Не знаю, – бормотнул огорчённый Семён.

– Слушай, а может, в те годы и не было такого сельсовета? Давай-ка всё это обратно водворим. Интересно, какой ещё сельсовет мог включать Мартовку с её хуторами?

– Может, Утянка? – выдал версию Семён. – Это же старое село. У нас даже большая церковь была. Потом туда зерно засыпали. Сейчас там клуб. Знатное здание!

– Ну-ка, ну-ка, – обрадовалась женщина. – Это хорошо, что ты наблюдательный. Я-то здесь недавняя... Вот они, папки утянские. Ты сам можешь покопаться? А то я приустила.

Каких только заковыристых почерков ни пришлось тут разбирать Семёну! Каких только расцветок и оттенков ни попадались ему бумажки. Многие пришлось читать под увеличительным стеклом. Сердце его вдруг ёкнуло: не 35-года, как он предполагал, а всё-таки в папке января 1936 года наткнулся он на свою фамилию! Точно: родился 15 января, в селе Утянка. Мама – Мария Максимовна Лубина, двадцати лет от роду. В горле Семёна разом застряли и стон, и дыхание. «Мамочка моя, – прошептал он сквозь слёзы, – что ж ты оставила меня? Надеялась защититься ото лжи? Верила в справедливость власти? А она, эта власть, удушила тебя бездушьем и безмыслием, закреплёнными беззаконием!». Пересилив себя, он вчитался в следующую графу: отец – Иван Фёдорович, двадцати двух лет. «А ты, папанька, как позволил себе исчезнуть, что я даже лица твоего не увидел, голоса не услышал?» – эти горькие речи Семён должен был прошептать, но не прошептал. Они остались в мыслях. Если сын совсем ничего не знает об отце, значит, отца просто нет в реальности!

– Ой какой ты молодец! – больше него обрадовалась заведующая загсом, когда Семён раскрыл перед нею сокровенную запись. – Теперь так... Я выпишу метрику, сделаю копию с неё, заверю в райисполкоме и милиции, передам в паспортный стол. А ты через пару неделек приезжай за паспортом. Он, думаю, будет готов. Да фотки не забудь!

Семён хотел было уйти, но вдруг спросил:

– А где тут у вас райком комсомола находится? Или райком партии?

– Рядышком совсем! – воскликнула заведующая. – На параллельной улице. Напротив нашего здания. Там ещё красный флаг развевается, по-скольку райисполком вместе с ними.

Взволнованный находкой в загсе и возникшей идеей, Семён выскочил на улицу. Да чуть не упал, натолкнувшись на паренька, сгорбившегося на крылечке.

– Славка, чёрт! Чуть не убился из-за тебя!

– Ну ты и копуша, – упрекнул Вейс. – Целый час... как я прошёл и допрос, и арест! А ты всё копаешься в бумажках. Да шутю я, – закричал Славка, – шутю! Милтону, доброму такому дядьке, нежному... дал торжественное обещание, что – во, зуб даю! – на веки вечные кончаю с преступным прошлым. Меня и отпустили! Ну чо, едем домой? А то у меня кишки уже друг дружку едят!

– Едем, едем! – воскликнул Семён. – Только чуточку задержимся у одного дома. На параллельной улице. Дело там у меня неотложное!

Отец жив?

А поездка в Хабары за паспортом через две недели не вышла. Уже через десять дней председателю детсовета понадобилось экстренно ехать в районную больницу. Да не тут-то было! Сбруя детдомовской кобылки оказалась под запором. Ключ, сказали, у завхоза. Завхоз, намекнули, – у директрисы.

У директрисы, прямо в кабинете, «гудела» компания.

– Заболела Нина Баскина. Криком кричит! – громко, чтоб его услышали, сказал Семён, ворвавшись в кабинет без стука. – В больницу надо! – Гуляющие почти не слышали его. Лишь директриса сердито зыркнула, да шатаясь пошёл от стола завхоз:

– Ты чо, шкет... шумишь? – обдал он «гостя» перегаром самогонки («Фу-у, – дёрнулся Семён, – смрадище какой! Из мёрзлой картошки гнали, что ли?»). – Чо вломился?

«Вася-конь» стоял, как на льду, то левой рукой за косяк схватится, то правой за костыль Семёна.

– Тебе... -ык... тихарём бы жить... Калека убогий! А ты... -ык... наперёд высказываешь... Норовишь... подмять людей?

От стола встал ещё один пирующий, блондин, молодой ещё. Семён вздрогнул: что-то уж очень знакомое было в лице и фигуре блондина. «Кто ж это? Почему так пристально вглядывается в меня? Улыбается нагло... Кто?». А тот шёл к ним.

– Д-девочка плачет! – смятенно крикнул Семён уже в две мерзкие хари. – В больницу надо. Дайте ключ от упряжи!

Завхоз не внял крику, забуровал что-то вовсе непонятное:

– Чо ты на меня... кричишь? Как смеешь! Я ж тебе какой-никакой сродственник! Отец твой... муж моей сеструхи...

– Отец? – опешил Семён. – Он же погиб на войне!

– Не-ек, – выдохнул мощную дозу смрада завхоз. А тот, что сзади, блондин, загыгыкал. – Папашка твой, единокровный... в Харькове живёт. Сеструха моя за ним. А ты орёшь тут... на дядю. Пш-шёл вон!

– Вася, дай ему ключ, – пробился сквозь гам пьяный голос Антоновы. – А то... не оберёшься потом!

Семён вспомнил блондина! Это же гад Альберт, сын литовцев, молоканчиков с выпасов. Тот, что ночью метнул кол к ним в дверь барака! Чуть в него не попал... Вот так дружки у этой Антоновны!

Нину врачи приняли сразу, оказалось: острый аппендицит.

– Молодец, – похвалили, – вовремя привёз. Срочно будем резать.

После больницы Семён завернул в райотдел милиции, к паспортистам. На счастье, бюрократов там не оказалось. Его «краснокожая паспортина» приятно топорщится теперь между рубашкой и майкой. «Не шутка дело, – радовался Семён, – выпархивай теперь, птенец, из гнезда. Лети на своих крылышках!».

С паспортом – как полноправный гражданин! – Семён подвернул к зданию райкома партии и райисполкома. Заведующий организационным отделом райкома, к которому он заходил полторы недели назад и поделился своими мыслями о «подпольной деятельности» директрисы, сразу узнал парня и встретил радушно:

– Здравствуй, товарищ Семён! – пожал он руку гостю. – Да ты садись, садись! – и сам подставил ему стул. – Твои опасения оправдываются. Так что спасибо тебе за сигнал! Зоя Антоновна не тот человек, каким её знали. Будь спокоен: проверка в детдоме уже ведётся. Ты, кажется, уже догадался об этом. Скоро их накроют, голубчиков! Но пока: молчок! Нельзя спугнуть ворюг!

Семён, гордый, что выполнил доброе дело, взялся за костыли.

– Постой-ка, Сёма, – остановил его партиец. – Мне сказали, что ты в войну и после... голодовал, чуть не умер... А почему ты не получал пособие за погибшего отчима? Его звали, кажется, Вавила?

– Какое пособие? – удивился Семён. – Мне не говорили...

– С момента гибели в боях Вавилы его семья, то есть твоя мама и ты, должны были получать государственное пособие. Но вам не сказали? Ты имеешь право получить это пособие за все годы, начиная с 41-го, по сей день. А как инвалид детства будешь получать пенсию всю жизнь. Надо только собрать необходимые документы. Ты на транспорте? Заскочи вот по этому адресу. Тебе объяснят, что и как надо сделать.

От этой новости у Семёна прилип язык к нёбу и ноги подкосились. «Это же значит, – взблеснуло искрой в мозгу, – что я не буду голодовать во время учёбы!».

Всю обратную дорогу суровый председатель детсовета орал песни. «При лужке-лужке», «Десять винтовок на весь батальён!» и даже бандитскую «Мурку». Вздохнённая настроением ездока кобылка рвала, как могла.

г. Караганда.

Наиль НАСЫРОВ

Уду-Шающий день!
В жаре угорала зелень.
Я шёл, влача свою Тень,
Цеплявшуюся за землю.
Вот и в долине река,
Которая тень мою смое,
Ей там скажу я: «Пока!
Найди-ка тело другое.
Там за рекой гора,
Как красивая песня,
Ну а ты, как и я, стара,
Нам не подняться вместе.
Её вершина бела,
Вряд ли бывал там кто-то,
Я там расправляю крыла
Для своего полёта»...
К концу подбирался день,
За рекой, что течёт веками,
Я брёл, влача свою Тень,
Цеплялась она за камни...

Закат — бокал вина, разлитый
На скатерть белых облаков.
А пики гор в снега укрыты,
Сколь лет им — тысячи веков.
И я гляжу на мир безмолвный,
Как он спокоен, величав,
Как испускают силы волны.
У гор такой строптивый нрав,
Что здесь доходит до сознания,
Как мал пред ними человек —
Одна пылинка мироздания,
И что для них всего лишь век.
И в небе пусть закат пожаром,
Но не расплавит пламя лёд
Манящего к себе Талгара.
Во мне вершин краса живёт.
Орлов высокие полёты,

И у подножий бег реки —
Всё это Родины красоты!
О, Человек! Их сбереги!
О, всемогущая Природа,
Спасибо за бесценный дар —
За то, что есть под небосводом
Казахский исполин — Талгар!..

Отняли у сокола волю,
Отняли у сокола небо.
У птицы нелёгкая доля —
Охота другим на потребу.
У сокола сильный хозяин,
Под которым конь вороной.
Силён человек, и нельзя им
О судьбине думать иной.
И после каждой охоты
Ждут птицу прочная клеть,
Ночью сны про полёты.
Судьба её — медленно тлеть.
А может, всему вопреки
На волю с хозяйской руки?..

Степь казахская привольна, широка,
Редко где пересечёт её река.
Летом — зной, зимой поют ветра,
Да метели начинается игра.
А весна творит здесь волшебство,
Я природы вижу естество —
На лугах гуляют табуны,
В небесах бесстрашные орлы.
Вот и встретился мне на пути аил,
Где казах-хозяин приютил.
Наш тянулся долгий разговор,
Как дорога от степи до гор.
А потом для нас кобыз звучал —
Песнь о Родине — начало всех начал:
На земле есть много разных стран,
Только сердцу нужен Казахстан!..
Утром вновь в степи держал я путь.
Тёплый ветер наполнял мне грудь...

Владимир ЧУПРИНА

Расскажи, проводница,
Отчего ты грустна?
За окном веселится
Молодая весна.
И берёзы в нарядах
Белоснежных бегут.
Восхищённого взгляда
Оторвать не могу.
Ты же смотришь печально
Через зеркало слёз.
Видно: не до венчальных
Атрибутов берёз.
Ты вопроса ранимо
Принимаешь укол.

Видно, поезд твой мимо
Станций счастья прошёл.
Поздно быть недотрогой,
Если сыграна роль.
Унесёт пусть дорога
Неизбывную боль.
Не грусти, проводница.
Знай: весна — не зима.
Твоё счастье случится, —
Вот увидишь сама.
На негаданной станции
Дверь откроет рукой
И навеки останется
Твоё счастье с тобой

Было жарко, и вот уже — холод.
Ветер с веток листву ошипал.
Неужели вчера был я молод
И всем сердцем любовь ощущал?
А девчонка ушла, усмехнувшись:
Слишком рыжим я был для неё,
Слишком ярко горели веснушки
На лице восхищённом моём.
Ах, любовь моя первая, где ты?
Как с тобой разминуться могли?

Но не слышу сквозь годы ответа.
Наши чувства снега замели.
И к тебе не пробиться обратно,
И бывшего уже не спасти.
И несмелого, и конопатого
Ты мальчишку-соседа прости.
Но сквозь вьюги, снега и потери
В невозвратной, но милой дали
Снятся в счастье закрытые двери,
Что открыть мы с тобой не смогли.

Как долго старый друг мой, тополь,
Не распускался в этот год!
Он, как и я, весну прохлопал,
Что больше, видно, не придёт.
На толстых ветках — по листочку.
Смотрю и верить не хочу,
Что в приговор вlepили точку
Ему, такому силачу.
О чём же, добрый мой приятель,
Ты мне собрался рассказать?
О том, что в солнечных объятьях
Нам не цвести, а умирать?

Причина есть для осознания
Того, что всё ж произошло:
С весенним соком угасанье
По старым венам потекло.
И бесполезно несогласье
С тем, что Господь уже решил.
Выходит, мы с тобой напрасно
Боролись из последних сил.
Не наш пришёл, как видно, праздник
Весны для тела и души.
И хоть удел наш нынче разный,
Обоим не за чем спешить.

В любви ты не теряешь головы,
И ты сама об этом твёрдо знаешь.
Так для чего со мною в страсть играешь,
Которой нет в тебе давно, увы?
Как ни искусен твой лукавый пыл,
Но от поэта ты не жди прощенья.
Обману как искусству обольщенья
Тебя «Вечерний демон» научил.
И властью, данной именно тебе,
Ты показным меня терзаешь жаром,
Но ничего не сделаешь задаром,
Хоть можешь всё решить в моей судьбе.
Мы избежим волнений и молвы,
Любви не обожжённые кинжалом.
Но, Боже мой, как мне до боли жалко,
Что ты не потеряешь головы,
Что не безумен твой любовный пыл,
Что нет в тебе ни самоотрешенья,
Ни чувственного жертвоприношенья.
Их, видно, демон дать тебе забыл.

г. Петропавловск.

Светлана ГРАМОТЕЕВА

Упали тяжёлые капли дождя
На сонные листья акации,
И вот зачастили, уже перейдя
В ритмичные гулы овации.
В потёмках стою, и не видно ни зги,
А сердца сильнее веление
Дорогу гадать через чувство тоски
В родное до боли селение.
Былые просёлки уже в большаки
Давно превратились. Под кручею
Стою и до боли сжимаю виски
И думами душеньку мучаю.
Не тучи ж осенние мне обвинять,
Не небо, что ими обложено,
Теперь на себя только стоит пенять,
Что долго дорожка не хожена.

Возвращение из-за границы

Ну вот она, отчизна, вот же!
День перелёта позади,
И ощущаю, как тревожно,
Щемяще-радостно в груди.
И льётся в душу тополиный,
До боли сладкий перезвон,
И путь, какой бы ни был длинный,
Благополучно завершён.
И лучше сердцу нет награды,
По трапу весело сбежав,
С родными очутившись рядом,
Наговориться по душам.
Всё высказать, от всех не пряча
Глаза, что скованы тоской...
Для вас неведомо, что значит
Хлебать разлуку день-деньской,
Когда чужих пределов стылость
И речь чужая наконец
Ушли, и радость докатилась
До уголков родных сердец.

Родина

Добром ты детей пеленала, отчизна,
Лицо умывала лучами рассвета.
Как мать, ты ласкала нас без укоризны.
Долг чести — любовью ответить на это.
Ответить не только словами — делами,
Достоинством каждого верного шага.
Ты с щедростью нежною всё отдала нам:
Свободу под сенью небесного флага,
Из сердца идущие звонкие песни
И речь с родниковой ясностью слова,
И крылья, чтоб гордо лететь в поднебесье,
И жар очага материнского крова.

г. Петропавловск.

Полина ШЕШУРИНОВА

Весна

Погляди, как царица-весна
Зелень нежную трепетно треплет.
Воскресает природа от сна,
Пробуждая в нас чувственный трепет.

Видишь, милый, как слабый росток
Робко вытянул хрупкое тело,
Чтоб потом превратиться в цветок,
Незаметно, нежданно, несмело.

Ты почувствуй, как пахнет листва,
Всё любовью вокруг насыщая,
Нерастраченностью естества
Ритмы сердца в груди учащая.

Ты весну ощущаешь со мной
Под игрою волшебного света.
Как тебе я, мой милый, родной,
Благодарна всем сердцем за это!

г. Петропавловск.

Надежда ПИВОВАРЕНКО

Иду по городу ночному,
И в спину дышит тишина.
К тебе, любимому, родному,
Стремлюсь, надеждою полна.
Мне одиночество постыло!
Хочу согреться у огня
Твоей любви, но как уныло
Мой город смотрит на меня!
Я без тебя иду на ощупь.
В душе и пепел, и зола.
А как она, страдаая, хочет
Любви, и света, и тепла!
Я так устала от разлуки
И выжигающей тоски.
И грею я дыханьем руки,
И жду тепла твоей руки.

г. Петропавловск.

Борис ЯКОВЛЕВ

Тёплый дождик стучится в окошко,
В луже плещется воробей.
Пробежусь-ка и я хоть немножко
Босиком по ожившей траве.
Обнимаясь, берёзки-подружки
Ловят дождик зелёной листвою.
Разноцветные радуги-дуги
Коромыслом висят над рекой.
Как же здесь бесконечно красиво!
Ничего нет на свете милей.
Ветер ласковый носит игриво
Ароматы цветочных полей.
Я беру этот воздух в ладони,
Пью и чувствую каждый глоток,
И душа в изумлении тонет,
Ощущая родной уголок.

г. Петропавловск.

Елена ИГНАТОВСКАЯ**Танец**

Небо над городом низко,
В полном экстазе на «бис»
Снова берёзка-нудистка
В парке танцует стриптиз.

Ветер на ней возбуждённо
Ткань паутинную рвёт,
Старые бабники-клёны
Тянут ладони вперёд.

Страстью своей подогретый,
Не господин, а слуга,
Щедро бросает монеты
Тополь к прекрасным ногам.

В танце волнующем, плавном
Прячет бесстыдница взгляд,
Тихо мечтает о главном,
Свой продавая наряд.

Я не пишу стихов про грусть

Я не пишу стихов про грусть,
Про неуверенность и страх,
Я хохочу в стихах — и пусть,
Пусть будет радостно в стихах!

Пускай услышит целый мир,
Встречая солнечные дни,
Как громким хохотом в эфир
Стихи врываются мои!

В них улыбаются слова,
В них тёплый слог и яркий свет,
Души зелёная трава —
В моих стихах печали нет!

И летом, осенью, зимой —
Всегда — и в пасмурные дни —
Пусть улыбаются со мной
в стихах
читатели мои!

Одна

Седые космы летних ливней
Лохматит ветер, рвёт слова
Полуобрывками пустыми,
Мне с каждым мигом всё противней,
Что за окном сижу одна.
Тревожит душу холод зимний,
И одиночества дрова
Пытаюсь растопить напрасно,

Не разгораюсь вместе с ними
У стёкол мокрого окна.
Седые космы летних ливней
Свои мне пишут письма, на
Лишь мне одной, на слёзной глади,
Никто посланий не отнимет,
Одна...

Совет-триолет

Не приучайте жертву к палачу,
К чему им знать друг друга перед казнью,
Смотреть в глаза сквозь прорезь тёплых чувств?
Не приучайте жертву к палачу!
Всех палачей предупредить хочу,
Не нужно мазать жертве душу мазью!
Не приучайте жертву к палачу,
Чтоб казнь палач воспринимал как праздник!

Прогулка по горизонту

Отломила край у неба,
И, намазав щедро солнцем,
Откусила вместо хлеба,
Чтоб направиться к колодезю
Тайников испить душевных,
Я измучилась от жажды,
Я глотаю перемены,
И глоток мне дорог каждый.
По губам стекает — больно,
Всё растрескалось от пыли,
Ветви прошлого любовно
Мои плечи обхватили.
А теперь по горизонту
Я ступаю как по кромке,
Вдруг меня окликнул кто-то,
За собой позвал негромко.

г. Павлодар.

Юрий ПОМИНОВ

Хроника смутного времени

Записки редактора

Книга третья

(Окончание. Начало в №№ 1-11 за 2011 год)

1 октября 1997 года

Сегодня 20 лет, как я после журфака КазГУ пришёл работать в «ЗП». И так вышло, что тогда никому не было до меня дела: редактор В.М. Онухов болел, первый зам и отчасти мой опекун П.А. Побережников не знал, что со мной делать, и едва не отправил меня собкором в Иртышск или Железинку. Но в конце концов всё как-то устроилось, и я оказался в сельхозотделе, где оттрубил почти полные восемь лет. А теперь уже девять лет в редакторах...

И вот думаю: а чего было больше за все эти годы — хорошего или плохого? Сразу и не ответишь: была и ещё остаётся «энергия заблуждения», хотя романтизма поубавилось. Но больше всего было, наверное, суеты, чаще всего в итоге бесплодной, неизбежных компромиссов, сопровождающихся вечными сомнениями и муками совести, раздвоенностью личности. На что ушла большая и, наверное, лучшая часть жизни? На избавление от иллюзий? Но стоило ли тратить столько бесценных лет лишь на то, чтобы в сотый (тысячный, миллионный?) раз убедиться в очевидном: существо власти, как, впрочем, человека вообще, при сменах режимов не меняется. И глупо верить в то, что человека, а тем более власть, можно усовершенствовать словом.

Конечно, есть ещё дети. Хочется, чтобы они были счастливее и удачливее нас. Хотя их взросление и становление приходится на такие времена, что детям тоже не позавидуешь...

К пожелтевшим газетным страницам с моими многословными писаниями вряд ли кто-то когда-нибудь прикоснётся... Книжки? При тираже (в лучшем случае — тысяча экземпляров) и нынешнем отношении к слову вообще нельзя надеяться на их долгую читательскую судьбу...

Но, как говорил поэт: тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман. Вот и я продолжаю (пытаюсь, во всяком случае) кропать в надежде, что и написанное мной найдёт отклик ещё в чьей-нибудь душе...

И ещё мне не хуже всех. И опостылевшая работа не просто кормит моё семейство, а бывает мне по-своему дорога. Поэтому буду, как тот деревенский мерин, тащить редакционную телегу дальше. Ибо, как говорил уже не поэт, а революционер-марксист: движение — всё, а конечная цель — ничто...

* * *

Сегодня День пожилых людей. Большая суматоха в коридорах власти, шума в прессе — каждому начальнику важно запечатлеть вклад его конторы в благотворительность. И сколько же во всей этой шумихе цинизма! Вместо того чтобы создать пожилым людям сносные условия для жизни, им суют какие-то подачки и трубят об этом чуть не на всю страну. А старый человек иногда что ребёнок: сунули ему конфетку — он и рад.

Моя мать обижается, что осталась в городе «неприкреплённой» по этой части. И никакие мои уговоры на неё не действуют, всё заканчивается вопросом: «А я разве не работала?».

* * *

В Павлодаре небывалыми темпами обустраивается набережная. Выложили специальным кирпичом тротуары и дорожки, выкорчёвывали ещё здоровые, но «непрезентабельные» деревья, установили декоративные фонари «под старину» и новые скамейки. Всё это аврал не случаен: марафет надо навести к открытию международного фестиваля детского творчества «Айналайын», на который приедет С.А. Назарбаева. От «ЗП» этот фестиваль будут освещать шесть(!) журналистов, и меня уже строго предупредили, чтобы они не лезли к Саре Алпысовне с вопросами и с просьбами об интервью.

* * *

Купили Даньке костюм. Не шикарный, но приличный, чёрный, он ему очень к лицу. Ольга сама довела обнову до кондиции — погладила, подшила брюки... Через день Данька звонит: испортили, мол, костюм — опрокинули на него праздничный стол.

На деле всё оказалось не так, а куда хуже — на улице угодил в «переплёт». Но писать об этом не хочу... Чёрт с ним, с костюмом, самого Даньку искалечить могли...

* * *

Готовимся к юбилею С.П. Шевченко. Проведём его в областном драмтеатре. Есть сценарий, ведущая, работаем с будущими «дарителями». Осталось денег на банкет найти — тысяч 45-50 тенге.

2 октября

Сенатор Ахат Куленов, известный металлург, один из первых в Казахстане, кто удостоен звания «Халык Кахарманы», раскритиковал линию правительства на ускоренную масштабную передачу иностранцам ведущих предприятий республики.

Кстати, Куленов — уроженец Баянаула и, помимо прочего, прославился созданием уникального жилого посёлка для металлургов в Усть-Каменогорске, неофициально называемого в честь него «Куленовкой».

* * *

Наша подписчица из Аксу Проскурякова пишет, как позаботились о женщинах, занятых на участках с тяжёлыми и вредными условиями труда на заводе ферросплавов. Практически всех их — шихтовщиц, дозировщиц, крановщиц — сократили, причём для их же пользы, по закону. И теперь вот уже полгода она через каждые две недели ходит отмечаться в городскую службу занятости. Но работы нет и не предвидится.

Скажите, как мне жить, спрашивает Проскурякова. Мужа у неё нет, двое взрослых детей и сын девятиклассник. Из всех четверых работает только старший сын, но и тому зарплату всё время задерживают. Младший сын подал заявление в училище, где за учёбу надо платить 24 тысячи тенге в год, но опять же нет гарантии трудоустройства после окончания училища.

Проскурякова не так давно получила от завода в подарок за хорошую работу импортную швейную машину, пыталась шить вещи на продажу. Но скоро поняла, что в лучшем случае лишь оправдает деньги, потраченные на покупку материала.

Мне 47 лет, пишет Проскурякова, у меня 31 год трудового стажа, в том числе 17 лет вредного. Я могу и хочу работать, но не могу найти работу. Превжняя власть эксплуатировала меня на вредном производстве, но зато платила столько, что я могла содержать семью. Нынешней власти я, судя по всему,

не нужна вовсе. Что мне остаётся делать — идти по миру с протянутой рукой?

6 октября

Сегодня в Павлодаре было 28 градусов тепла. А в предыдущие дни октября — 23-25 градусов. Последний раз такая тёплая погода в начале октября наблюдалась в 1933 году.

7 октября

Три дня в Павлодаре проходил международный фестиваль детского творчества, в котором кроме казахстанских детей принимали участие в общей сложности ещё больше тысячи человек. Успех фестиваля был вполне ожидаем: у людей всегда был и впредь будет огромный интерес к детскому творчеству, да и сами дети — не только лучшие артисты, но также лучшие зрители.

Я был на закрытии фестиваля и стал свидетелем поистине всенародного признания, которого был удостоен композитор В. Шаинский. Когда этот в высшей степени несолидный, лысый, маленький, приплясывающий человек прикоснулся к роялю, произошло настоящее чудо. Стоило заиграть ему мелодию, и зал с ходу её подхватывал — полторы тысячи человек. «Улыбку», «Чунга-чангу», «Голубой вагон», «Антошку». Уж кто-кто, а Шаинский — точно народный артист, и никакие специальные звания ему просто не нужны.

Праздник, повторяю, бесспорно удался. Но как раз в эти дни мне позвонил заведующий облздравотделом Б.Д. Оразгалиев. Критическая ситуация сложилась в Железинской районной больнице, которую, как и весь район, отключили от электроэнергии за долги. И теперь встал вопрос об эвакуации больных из неё и консервации самой больницы. Он советовался: как быть, может, написать в газете? Я сказал, что готов это сделать, если главврач райбольницы согласится дать нам такую информацию, а мы на него сошлёмся. Но сказал также, что это чревато неприятностями не только мне, но и заведующему облздравом: у нас ведь тут фестиваль, приехала первая леди... И, конечно же, сразу встанет вопрос: на фестиваль деньги нашли, а на оплату долгов районной больницы их нет?

Б.Д. Оразгалиев сказал, что ещё подумает. Сам я тоже сидел и думал: конечно, хорошо, что устроили такой грандиозный праздник для детей в Павлодаре. И организован он был главным образом на деньги спонсоров. Но почему часто не находится средств на самые что ни на есть первоочередные нужды, как в случае с железинской больницей?

...Ещё был в эти дни на «круглом столе» по проблемам детства с участием С.А. Назарбаевой. Н.А. Назарбаева она в своей речи именovala «мой дорогой супруг» и «ваш президент».

9 октября

Средняя урожайность зерновых в области составила в этом году лишь 5,1 центнера с гектара, а валовой сбор зерна — 400 тысяч тонн. Урожайность по республике в целом — 8,9 центнера, а общий намот — 13 миллионов тонн. Хлеба в этом году хватит всем, ещё и на продажу останется, заявляет Минсельхоз.

11 октября

В Экибастузе на какое-то время полностью лишились телефонной связи городские прокуратура и милиция. Причина всё та же: украден телефонный кабель. Воров, как водится, ищут.

12 октября

Приезжал брат Петька. Он в хорошей форме и полон идей. Хочет создать отделение журналистики на филфаке Восточно-Казахстанского университета, что вполне реально, и я готов помогать ему в этом. У меня немало книг и материалов по журналистике, к тому же можно бросить клич через газету, и найдётся немало желающих учиться в Усть-Каменогорске.

Вторая идея тоже очень плодотворна: разработать спецкурс по изучению на филфаке современного русскоязычного литературного процесса в Казахстане.

* * *

Ездили в Омск целым десантом: я, брат Петька, Данька. Навестили Димку. Устроился он неплохо: хорошее общежитие, комната на двоих. На четыре комнаты (это секция) — два туалета, кухня.

Спросил — «врубается» ли в учёбу? Говорит — наполовину. Старался его успокоить: я на своём журфаке не сразу во всё «врубался», а тут техническая специальность... Убедил ещё, что надо использовать выпавший ему шанс и по возможности «зацепиться» в Омске.

Жалко, мало побыли вместе, он надеялся, что Данька хотя бы заночует... Неуютно Димке одному в чужом большом городе, хоть он виду не показывает.

* * *

Повидался с Голубевыми. Володе предложили наладить в Омске выпуск клона нашего сверхпопулярного «Каравана». Деньги на раскрутку даёт его владелец Борис Пиллер с условием: через полгода после запуска проекта надо будет выйти на самоокупаемость.

Голубев должен стать директором и редактором в одном лице. Обещан оклад в тысячу долларов, а затем ещё и проценты от прибыли.

Володя уже набросал бизнес-план на 200 тысяч долларов. Начинает набирать людей. Я предложил ему взять Даньку на вёрстку. Володя как будто готов, Данька — тоже. Жили бы вместе с Димкой. И нам с Ольгой спокойнее, и им вдвоём лучше будет. Зарплата Даньке обещана в два с половиной миллиона рублей, или чуть больше 400 долларов. Примерно столько зарабатываю сейчас я.

* * *

Умер Г.Л. Осипян. До этого он несколько раз звонил мне, собирались встретиться, а пришлось попрощаться...

Рассказывают, утром встал, начал постель заправлять, упал и умер. Прожил 93 года, и судьба его была достойна увлекательнейшего романа. Григорий Леванович — один из самых интересных людей, с которым мне посчастливилось познакомиться в последние годы. До конца своих дней он сохранял ясный рассудок и поразительный интерес к жизни.

* * *

Н.А.Назарбаев в очередной раз реформирует правительство. Премьер (уже бывший) А.М. Кажегельдин подал в отставку, прислав президенту верноподданническое письмо. Неудобно было слушать, когда Н.А. его зачитывал. Сам Кажегельдин где-то за границей, лечится.

Новым премьером назначен Н.У. Балгимбаев. Он из нефтяников. У него будут два зама, в том числе наш А.С. Павлов, и 15 министров. Вот и всё правительство.

* * *

Нашу Кульпаш Конырову взяли нештатницей в агентство «Рейтер». Впрочем, обставлено всё солидно, с ней заключили контракт. Молодец она: когда-то почти ничего не умела, не ленилась учиться, много работала, и вот результат. От нас она не ушла, остаётся по-прежнему в корреспондентах, а «Рейтер» — просто совместительство. За информацию о ситуации на нашем химзаводе (ртутное заражение территории) «Рейтер» заплатил Кульпаш 50 долларов, или около четырёх тысяч тенге, а мы ей за материал на ту же тему, но куда больший по объёму — всего тысячу тенге, что считается очень высоким гонораром.

14 октября

Доклад Н.А. Назарбаева на собрании республиканского актива (публикуем)... В докладе подводятся итоги сделанному, анализируется нынешняя ситуация в стране, ставятся задачи на будущее. Н.А. говорит о том, на каких основах поднимались и становились процветающими страны:

«Эти страны объединяли:

правильно выбранная стратегия;

сильный лидер;

хорошо организованная группа людей, которая проводила в жизнь эту политику;

сильная политическая стабильность и устойчивость, консолидация общества, которые строились на совместно вырабатываемой политике, недопущении сильного расслоения общества, общности целей всех групп населения и, во многих случаях, внешней опасности, которая сплачивала людей;

строгая дисциплина в обществе и госаппарате, верховенство закона...

... Если в начале 70-х годов СССР, а значит и мы с вами, занимали 37 место в мировой классификации по уровню ВВП на душу населения, то сегодня мы откатились далеко назад, примерно на 75 место в мире, попав в разряд отсталых и развивающихся стран...

... Сегодня наш ВВП на душу населения составляет 1400 долларов США...

... Сокращается производство, теряются рабочие места, угрожающе растёт безработица и преступность. Снизился уровень жизни многих людей, а расслоение нарастает, создавая потенциал недовольства и вражды. Появились и распространяются бедность и нищета...

... Реальности же таковы, что ближайшие 3-4 года будем жить в тех же финансовых условиях, что и сегодня...

... В течение предстоящих трёх лет мы выдадим микрокредиты суммой 400 долларов США в эквиваленте порядка 150 тысячам наших граждан, находящихся в наиболее отчаянном положении, и обучим навыкам самостоятельно вести своё хозяйство...

... Я призываю организации-доноры, иностранные фирмы, наш национальный капитал оказать помощь в стране в борьбе с бедностью...

... Я обращаюсь к нашим согражданам, которые сегодня в силу ряда причин находятся за чертой бедности. Вы не забыты и президент знает и помнит о вас... Придёт время, страна начнёт богатеть и придёт на помощь многим из вас. Но пока, прошу вас, — помогите себе сами и стране...».

Значительная часть речи посвящена задачам вновь сформированного правительства. Всего их восемь: от своевременной выплаты пенсий, пособий и зарплат до компьютеризации школ.

Каждый член правительства и акимы областей будут присягать народу и президенту...

15 октября

КазТАГ цитирует часть прошения об отставке, направленного А.М. Кажегельдиным Н.А. Назарбаеву: «Он (Кажегельдин. — Ю.П.) ещё раз поблагодарил президента за доверие и сотрудничество, заверил в своей преданности руководителю страны. «Даю слово не подводить вас и всегда быть сторонником вашей политики, — говорится в прошении об отставке. — Вы всегда можете рассчитывать на меня в любом качестве и в любое время, когда посчитаете нужным. Уверен, что только вы можете довести до конца начатое вами дело. Кого-либо другого на посту главы государства я не вижу».

16 октября

Вчера схоронили А.Н. Острового — директора винно-водочного завода. До этого он перенёс тяжёлый инфаркт, из которого врачи его едва вытащили. Долеживался дома, на работу ему надо было где-то в декабре, но он, конечно же, лез во все заводские дела, да и его самого со всех сторон доставали. Александр Николаевич в буквальном смысле слова сгорел на работе: долго строил новый спирт-завод, на который деньги то давали, то не давали. Ему пришлось влезть в долги, были какие-то судебные разбирательства... Завод он построил и запустил, но работать ему всё равно не давали...

Чтобы хоть как-то отвлечься, поехал вопреки запретам врачей на охоту. Вышел из машины с ружьём, прошёл несколько шагов, присел и уже не поднялся...

Масса людей пришла его проводить, многие поехали на кладбище, был митинг... И день выдался совсем не октябрьский — светлый, солнечный, тёплый. На поминках предлагали выпустить новую водку с названием «Островой».

Жена вспоминала: строили какое-то здание, необходимое для производства, но не прошедшее все положенные бумажные согласования. Жена ему: «Тебя же с работы снимут за самоуправство». Он: «Нет, я узнавал — не снимут, а выговор дадут по партийной линии. Но выговор через год снимут, а корпус останется». Дома почти все разговоры были о работе, и даже дочь-студентка спрашивала в письмах: «Ну что там, наладилось у отца на заводе с паром?».

Теперь завод, конечно же, продадут...

* * *

Был у меня Володя Федосенко. Уезжает в Москву. Последний год в собкорах областного телевидения не получал зарплаты, был на полном самообеспечении. Валя, его жена, тоже осталась без работы... Тут не хочешь да уедешь.

Володя уже нашёл работу — в газете МВД «Щит и меч». Не бог весть что, конечно, но главное — зацепиться на первых порах. Снимают однокомнатную квартиру за 250 долларов в месяц. Рассказывал, как получала российское гражданство Валентина. Для этого ей надо было сперва отказаться от казахстанского гражданства, а от Володи требовалось нотариально заверенное согласие на этот её отказ.

Присматривают жильё в ближнем Подмоскowie. Стандартная «двушка» стоит не меньше 30-35 тысяч долларов. Таких денег у них, конечно, нет. Есть хорошая пятикомнатная квартира в Экибастузе, но продать её будет очень сложно: цены на жильё там без преувеличения бросовые.

17 октября

Кражи цветного металла в области уже давно перешли в разряд стихийного бедствия.

Вот очередная перечень (из нашей «Криминальной хроники») за одну только неделю. Лебяжинский район: разукомплектован трансформатор насосной станции, снято три километра провода; Павлодарский район: из котельной украдено три электродвигателя; Успенский район: с машинного двора украдено 60 метров сверхдефицитного медного кабеля. Правда, на этот раз в двух последних случаях из трёх злоумышленников задержали.

* * *

Творческий вечер В.Г. Семерьянова в областном драмтеатре, приуроченный к 60-летию Виктора Гавриловича. Полный зал народа, тёплая, душевная атмосфера — есть у Семерьянова свой читатель и слушатель. В ударе был и сам юбиляр.

* * *

Попросил помощи генеральный директор «Вторчермета» Г.А. Мамедов.

Меньше чем за десять лет он совершил на этом предприятии настоящую техническую революцию, превратив его из захудалого и вечно отстающего в одно из самых процветающих и динамично развивающихся в области. Мы много раз писали о «Вторчермете» и о том, что делал Гурбан Абасович для того, чтобы поставить его на ноги. Как заинтересовывал сдатчиков металлолома — от крупнейших предприятий до пенсионеров, привозящих «хлеб металлургии» на ручных тележках. Последних — тем, что сразу рассчитывался с ними деньгами или продуктами питания, первых — тем, что предлагал взамен сверхдефицитную продукцию — электроды.

Когда-то на «Вторчермете» работали 72 человека, сейчас 276. Начинали с выпуска пяти тонн простейших электродов в месяц, сейчас их производят до 300 тонн — самых разных видов. Все новые производства вводились за счёт собственных средств, как и другие, подсобные — собственные магазины, колбасные цеха, хлебопекарня с кондитерским цехом.

Электродами «Вторчермет» обеспечивает не только область, но и всю железнодорожную сеть Казахстана. Поставляет их в Узбекистан, Новосибирск, Омск, Томск, Тюмень. Заявок больше, чем завод может удовлетворить. Поэтому здесь решили сделать ещё один рывок: наладить выпуск нового вида электродов для сварки особых сплавов в особых условиях. Есть уже технология, приобретена часть оборудования, но не хватает средств. Нужен валютный кредит на три-пять лет, за который предприятие готово платить 15-16 процентов годовых. Ему же в лучшем случае предлагают деньги на год и под 12 процентов.

К кому только ни обращался за помощью Мамедов, в какие только двери ни стучался... Н.А. Назарбаев во время одного из последних своих визитов в Павлодар побывал на заводе и высоко оценил его достижения. Да и не рискуют ничем банки, если дадут «Вторчермету» кредит: предприятие высоколиквидно и в крайнем случае способно ответить по обязательствам собственным имуществом. В данном же случае ему важно выиграть время — занять ещё одну нишу на рынке СНГ.

Подробно описали в газете всю эту историю. Мамедов говорит, что очень ему этим помогли. Не потому, что банки враз одумаются и выдадут заводу кредит, а потому, что мы сэкономили Гурбану Абасовичу уйму времени, да и нервов тоже. Теперь вместо того, чтобы каждому новому собеседнику (который ещё «не в теме») долго объяснять суть дела, он будет сначала давать эту публикацию, а уж потом — разговаривать.

Теперь, если проект воплотится в жизнь, мы будем иметь полное право утверждать, что «и мы пахали».

18 октября

Написал очерк к предстоящему юбилею С.П. Шевченко. Назвал «Сопроотивление материала» — так называется один из его собственных рассказов. Судьба у С.П. впрямь нерядовая: сын «японского шпиона» мог остаться на всю жизнь инвалидом, мог погибнуть, мог опуститься и озлобиться. А он всё превозмог, многое пережил, стал по-настоящему крупной личностью.

Очерк вышел вчера, а сегодня С.П. звонит и заявляет:

— Хорошо написал... Целый день от телефона не отходил — звонили, поздравляли... Так что бутылка с тебя!

— Ну вы нахал, — отвечаю, — с меня-то с какой стати?!

— Ну как... Ты же на мне своё мастерство оттачиваешь!

* * *

Министром информации и общественного согласия назначен А.С. Сарсенбаев. Я мало что о нём знаю, но Ирина Круч, которая работала в одной из алматинских газет под его началом, отзывалась о нём хорошо.

* * *

Н.А. Назарбаев подверг жёсткой критике работу ГСК — Государственного следственного комитета, который явно не оправдывает возложенных на него надежд. Кстати, профессионалы-следователи с самого начала весьма скептически относились к созданию ГСК и не верили в его дееспособность.

* * *

Был на совещании у акима области Д.К. Ахметова, на котором подводились итоги работы за девять месяцев. Много чего наслушался. Например, что две трети промышленной продукции выпускается на предприятиях, которыми владеют иностранные компании. Считалось, что их инвестиции помогут вдохнуть вторую жизнь в наши стратегические предприятия. И вроде так оно и есть. На тех же алюминиевом и ферросплавном заводах растёт производство, людям платят зарплату. Но по итогам девяти месяцев оба предприятия числятся в убыточных. Выходит, инвесторы работают в ущерб себе? Или попросту умело прячут доходы?

А в целом по области в убыточных числятся 44 процента предприятий, при этом общие объёмы прибыли сократились по сравнению с прошлым годом в пять (!) раз. Разумеется, бюджет недополучил при этом не десятки даже, а сотни миллионов тенге. Есть над чем задуматься...

19 октября

Совсем легко стало вывести меня из равновесия. Позвонил в субботу утром И.Г. Кондратьев — редактор газеты из Аксу и сказал, что тамошний аким, обиравшись на нас за одну недавнюю публикацию, рекомендовал своим подчинённым не шибко усердствовать с подпиской на «ЗП». А она у нас и без того идёт «туго».

Хорошо ещё, что решил съездить на дачу. Приводил её в порядок перед близкими холодами. Хорошо там сейчас — умиротворённо. Но так и не отошёл от дурацкого утреннего звонка.

20 октября

В газетах и отдельным изданием опубликовано послание президента Н.А. Назарбаева народу: «Казахстан-2030. Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев». Это нечто совершенно особенное — стратегическая программа развития на ближайшие 30 с лишним лет. Она состоит из введения и заключения, а также разделов «Где мы находимся сегодня», «Миссия Казахстана», «Долгосрочные приоритетные цели и стратегии реализации» (всего их семь), «Повестка дня: 1998-2000», «Восемь конкретных заданий правительству на 1998 год». При этом каждому разделу и подразделу предшествует эпиграф: изречение выдающегося человека или народная мудрость. Тут и Гейне, и Шекспир, и Сенека, и Толле-би, и Сервантес, и Соломон, и Франклин... И неизвестные мне Даннинг, Холм, Годфрей, Боуви... И казахские пословицы...

Ничего подобного на просторах СНГ до сих пор заявлено не было.

Впрочем, документ слишком значителен, чтобы можно было оценивать его с ходу... Будем наверняка изучать — индивидуально и коллективно.

21 октября

Несмотря на все предпринимаемые правительством усилия и драконовские меры по отношению к должникам Пенсионного фонда, проблема своевременной выплаты пенсий до сих пор не решена. На селе их платят со средним отставанием в три с половиной месяца. Причина — не хватает «пенсионных денег». И вот область вновь обращается в правительство с просьбой вернуться к системе натуроплаты, то есть выдавать пенсии продуктами питания и другими товарами первой необходимости, топливом, коммунальными услугами. Уж лучше так, чем никак. От чего ушли, к тому и пришли.

Ольга Воронько открыла совершенно новую для «ЗП» (да и во многом для всей казахстанской прессы) тему: американцы активно усыновляют наших детей. Только за год ими было усыновлено 15 детей Качирского детского дома. Ольга приоткрывает завесу тайны с процедуры усыновления, где очень много всего намешано. Вроде благое дело делается, но, кажется, тут есть и явная материальная заинтересованность наших земляков, к нему причастных...

Опубликован указ президента об объявлении Акмолы столицей Казахстана.

В областном акимате презентовали нашу область 50 представителям банков Англии, США, Турции, Австрии, Швейцарии, Швеции, Нидерландов, Чехии, Коста-Рики. Они также побывали на предприятиях, которыми владеют иностранные фирмы. Цель представительного десанта — изучение инвестиционного климата в Казахстане вообще и нашей области в частности.

22 октября

История вполне в духе гангстерских боевиков. В одну из городских больниц привезли раненого мужика и, кажется, в подпитии. Он тут же стал дебоширить, ударил бутылкой медсестру. Вызвали милицию. По-хорошему мужика надо было арестовать, но, оказалось, нужна операция. Сделали её и оставили с ним двоих оперуполномоченных. А затем в больницу, прямо в хирургическое отделение, заявились трое и, убив одного опера и тяжело ранив другого, забрали своего раненого и скрылись. У оперуполномоченных даже оружия с собой не было.

Любопытнейшие заметки Сергея Кара-Мурзы в «Советской России». Он разбирает фильм Карена Шахназарова «Город Зеро», вышедший в 1988 году и завоевавший огромную популярность. Мне фильм тоже очень понравился. В заметках Кара-Мурзы много всевозможной чертовщины, но и очень точных, парадоксальных наблюдений — тоже. Он считает, что «в фильме сжато и талантливо изложена программа перестройки». Потому что «в нём показано, как можно за какие-то два дня довести нормального и разумного советского человека до состояния, когда он полностью перестаёт понимать происходящее, теряет способность различать реальность и продукты воображения, в нём парализована воля к сопротивлению и даже к спасению. И всё это без насилия, лишь воздействуя на его сознание и чувства».

«Вся перестройка Горбачёва, — пишет Кара-Мурза, — и была такой программой, и когда людей довели до такого состояния, как героя фильма, можно было безопасно сделать абсолютно всё: расчленив СССР, ликвидировать Советскую власть и все социальные права граждан... Всякой способности они были лишены... Фильм весьма точно предвосхищает процесс разрушения культурного ядра советского общества».

Вряд ли сам Карен Шахназаров согласится с такой трактовкой его фильма, но я, пожалуй, соглашусь с автором статьи в том, что ситуации абсурда возникали во время перестройки и позднее очень часто... Я сам часто не мог понять в иные моменты: кто же из нас неадекватен — иные мои начальники, предписывающие делать то, что делать с точки зрения обычной человеческой логики никак нельзя, или я, пытавшийся их переубедить? Театр абсурда порой напоминали транслируемые из дня в день заседания съездов народных депутатов СССР, а позднее — российских парламентариев. А награждение звёздами Героев Советского Союза трёх нелепо погибших молодых людей во время опереточного августовского путча 1991 года — разве не сцена из

спектакля театра абсурда? А примитивное переписывание истории, где главным принципом стало изменение всех прежних трактовок на прямо противоположные?

А чем отличается устроенная российскими либерал-демократами тусовка в прямом телеэфире во время парламентских выборов от вечера-презентации «клуба рок-н-ролла имени Николаева», показанного в фильме?

И таких параллелей реальных фактов нашей недавней истории с сюжетом фильма Кара-Мурза приводит очень много. Интересно было бы выслушать мнение на этот счёт самого Карена Шахназарова, отец которого, кстати, был помощником М.С. Горбачёва.

25 октября

Е. Евтушенко опубликовал в «Литературной газете» стихотворение, посвящённое Павлодару и написанное в нашем городе.

* * *

Какое-то время назад мы рассказали об одной павлодарской семье, заготовившей на зиму 300 литров солений-маринадов. Оказывается, и это далеко не рекорд: Раиса Петровна Козырева, которая живёт в своем доме с приусадебным участком, припасла этой осенью около 600 литров маринованных огурцов и помидоров, салатов и лечо, варений, желе и повидла... Живёт, кстати, 64-летняя пенсионерка одна и большую часть припасов раздаёт «за так» друзьям и знакомым.

* * *

Мой однокашник по университету Серик Матаев учредил в Казахстане национальный пресс-клуб — общественное объединение журналистов. В нём будут встречаться по разным поводам журналисты, проходить пресс-конференции.

Серик учился на журфаке КазГУ курсом ниже нашего. Одно время мы делили с ним секцию в университетской общаге: в одной комнате квартировали (подпольно) мы с Ольгой, а во второй иногда ночевал он. Потом мы пересекались как замы редакторов областных газет: я — «Звезды Прииртышья», а он — «Индустриальной Караганды». Потом он был собкором «Известий» по Казахстану, потом пресс-секретарём Н.А. Назарбаева.

Добавление из 2010 года. Через несколько лет Серик возглавит Союз журналистов Казахстана, и мы будем общаться довольно часто. Именно он убедит меня заняться воссозданием областной организации Союза журналистов, подтянет к участию в Конгрессе журналистов Казахстана. Благодаря ему я смог побывать на знаменитом Евразийском медиафоруме, больших журналистских сборах в Москве, Сочи, Анталье.

Помимо прочего, он принимал самое искреннее участие в моих творческих проектах, и не только на словах. Первая и вторая части «Хроники» были изданы при его финансовой поддержке. Говорит мне: «Ты пиши, а я, сколько могу, буду помогать выходу твоих книг в свет...».

Мы не так часто видимся, но это не столь важно — его дружеское участие я всегда ощущаю и на расстоянии.

27 октября

Неожиданно угодили с А.М. Мухамеджановым в Аксу на празднование Дня республики. Более всего впечатлило меня хождение по юртам, в которых нас с Алеко представляли как дорогих гостей. А кроме нас — господина Джеймса, представителя английской фирмы, управляющей заводом ферросплавов. Седой, неопределённого возраста, он мне показался синюшным от холода, когда мы начинали этот поход. Но по мере угощений и тостов, которые следовали один за другим, лицо господина Джеймса из синюшно-бледного постепенно преобразилось в розовое.

Во время одного из переходов (в четвёртую или пятую по счёту юрту) мы с английским гостем затерялись на улице и стали обмениваться любезностями (через переводчика, разумеется). Он сказал, что хотел бы пообщаться со мной особо, но, поскольку уже сегодня отбывает на родину, то непременно сделает это в следующий раз. Если, конечно, я не стану возражать. Я отвечал, что просто горю таким желанием и в знак особого расположения подарил ему визитку. После чего мы долго пожимали друг другу руки, и он вдруг произнёс «Спасибо...». Я не ударил лицом в грязь и выдал ответное «Сенкью». «Ду ю спик инглиш?» — изумился он. «Но инглиш!» — церемонно отвечал я...

Потом уже директор завода, уводя господина Джеймса, сказал, что нам с ним также надо как-нибудь встретиться. Я с энтузиазмом выразил готовность... Но тут меня нашли хозяева, и мы продолжили поход по юртам, где тосты становились всё длиннее и цветистее...

И вдруг акиму города доложили, что прибыла съёмочная группа агентства «Хабар». Приезд этот был настолько некстати, что сначала все даже расстроились: заснимут ещё, как мы тут пьём-гуляем. Но опасения оказались напрасными: «хабаровцы» легко и естественно влились в наши ряды.

Невозможно даже представить себе, сколько было всего выпито и съедено в тот день. Во всяком случае, почётными гостями.

28 октября

Следы человеческой «деятельности» землян хорошо видны даже из космоса. И прежде всего — дымовые хвосты наших электростанций. Вокруг ГРЭС образуются гигантские поля золоотвалов — отходов сжигания высокозольных экибастузских углей. А поскольку безветренных дней в нашем краю почти не бывает, золоотвалы эти пылят, отравляя атмосферу и засыпая пеплом округу. Проблемой их рекультивации много лет занималась профессор Павлодарского государственного университета Т.А. Прозорова. Тамара Аванесовна разработала специальный раствор полимера, который при распылении по поверхности золоотвала покрывает его плёнкой. В составе полимера семена трав и кустарников, питательные вещества. И он не только хорошо удерживает влагу и предотвращает пыление, но и способствует росту на золоотвалах травы и самых разных деревьев и кустарников — от облепихи до берёзы и сосны.

Новые хозяева Экибастузской ГРЭС-1 уже обработали по методу Прозоровой с помощью самолёта 300 гектаров золоотвалов, собираются высадить здесь позднее кустарники и деревья.

Надо будет самому съездить на золоотвалы и посмотреть на «Прозоровское чудо». А пока публикуем фоторепортаж Николая Кузнецова.

* * *

На заседании коллегии при акиме области обсуждали положение дел в животноводстве Железинского и Баянаульского районов. Особенно плохи дела у моих земляков, которые овцеводство уже свели на нет, а теперь «кончают» молочное животноводство. У баянаульцев ситуация чуть лучше, но отнюдь не благодаря реформам, а вопреки им: здесь всегда держали помногу скота (овец, лошадей) в личных хозяйствах, к тому же их пасут круглый год. И хотя практически всюду реформирование бывших совхозов-колхозов сопровождалось фактической экспроприацией скота (единственной платёжеспособной «валютой») за всевозможные долги, баянаульцы пострадали чуть меньше других именно благодаря подворью. Сельское же хозяйство, как таковое, погрузилось в глубочайший кризис, и выживаяют сельчане главным образом за счёт того, что выращивают на подворье.

30 октября

Хорошую книгу выпустил С.П. Шевченко к своему 70-летию — «Уходя, оглянуться...». Название — как бы прощальное. Так оно, наверное, и есть по сути...

Первый раздел сборника посвящён родным и близким С.П., его детским и юношеским воспоминаниям. Второй — очерки о знаменитых павлодарцах — Д.П. Багаеве, Г.Г. Берестовском, Косуме Пшембаеве.

Деньги на книжку добывали с Сергеем Павловичем сообща...

* * *

Павлодарский журналист Саша Васильев, обитающий теперь в Москве, прислал нам свои заметки о юбилее нашей бывшей общей столицы, часть которых посвящена его встрече с Майей Плисецкой. Саше посчастливилось побывать у Плисецкой дома, и он довольно подробно описывает это своё посещение: у Плисецкой, кстати, остались очень хорошие воспоминания о поездке в Павлодар.

* * *

Одно время взялся «коллекционировать» наиболее дурацкие способы погашения долгов по зарплате, о которых рассказывается в газетах. Вот некоторые из них.

В городе Донском Тульской области сотрудницы «Теплоэнерго» щеголяют в одинаковых босоножках. Ими местная обувная фабрика рассчиталась за тепло, полученное от этого предприятия. А мужчин-«тепловиков» можно узнать по матерчатым фуражкам — такова расплата за тепло здешнего универсама.

Ещё энергетикам платят зарплату мебелью, мотоциклами, музыкальными центрами, бензопилами и хлебом, отпускаемым по спискам. Денег в Донском уже давно не видели.

* * *

В Панинском районе Воронежской области часть долгов по зарплате учителям возмещают надгробными памятниками местного производства и могильными оградками. Желающих оказалось столько, что ни надгробий, ни оградок на всех не хватило.

Полиэтиленовой плёнкой выдали пособие по безработице в Афанасьевском районе Кировской области. Пособие «потянуло» в общей сложности на 14 километров, и, может, это тот самый случай, когда оно пойдёт впрок — для теплиц, в которых безработные смогут выращивать для своих семей овощи.

* * *

Учителя города Павлово Нижегородской области на свои деньги покупали методическую литературу, эти расходы им обещали компенсировать. И власти сдержали слово — два года спустя рассчитавшись с учителями водкой. Самым «продвинутым» (тем, кто на учебники не покупился) досталось по целому ящику сорокаградусной (20 бутылок!).

* * *

Рабочим Пензенского часового завода премию выдали туалетной бумагой. Некоторые транспортировали её домой целую неделю. Одна из часовщиц, М. Попова, попыталась расплатиться частью «премии» за квартиру, однако работники ЖКО посчитали эту «валюту» неконвертируемой и взяли её в качестве оплаты за коммунальные услуги отказались.

В сельхозпредприятии «Домозерово» Волгоградской области выдали каждому работнику 300 тысяч рублей зарплаты навозом. При этом предприятие обязалось само погрузить «зарплату» на тележки и доставить это добро ко дворам сельчан, независимо от того, требуется оно им или нет.

А в Смоленской области навозом вместо денег рассчитываются с безработными, которым полагается пособие.

* * *

Вот уже несколько лет работники акционерного общества «Амина» получают зарплату бюстгальтерами — в среднем по восемь штук в месяц. Даже материальную помощь на похороны выдают ими же.

* * *

В Архангельске социальные пособия несовершеннолетним выдают (по выбору) фуфайками, гвоздями и плоскогубцами...

И этот идиотский список можно продолжать до бесконечности.

1 ноября 1997 года

Аким области Д.К. Ахметов принял решение напечатать брошюру с посланием президента Н.А. Назарбаева «Казахстан-2030» тиражом в 200 тысяч экземпляров. Каждая семья получит брошюру, отпечатанную на двух языках, безвозмездно.

4 ноября

Дикий произвол творят власти едва ли не повсеместно, запрещая селянам самостоятельно реализовать выращенный хлеб. Тут и меры силового давления, и всевозможные препоны, и противозаконные решения. Так, например, в Западно-Казахстанской области установлен порядок, по которому никто в районе, включая и тех, кто рассчитался со всеми обязательными платежами, не имеет права вывозить зерно на продажу, пока не будут погашены долги по этим платежам всем районом. В этой и в некоторых других областях наладили принудительный сбор зерна в фонд поддержки органов внутренних дел. Где-то создали специальные комиссии, наделённые правом решать — кто может продавать хлеб, а кто нет.

Жалобы селян дошли до президента, и он поручил премьер-министру разобраться в ситуации и наказать виновных. Хотя дров уже наломали столько, что исправить удастся далеко не всё.

* * *

Большинство из нас, столкнувшись с произволом, чаще всего опускает руки. А вот наш журналистский собрат В.И. Катин (я его ещё по Железинке помню) проявил характер и победил. Ещё весной этого года экибастузское предприятие «Теплоэнерго», борясь с неплательщиками, получило от городских властей «добро» на действия по принципу «один за всех, все за одного». На практике это выглядит так: если в подъезде или целом доме неплатежи за тепло и горячую воду превышают 50 процентов, «Теплоэнерго» «отрубает» весь подъезд или дом. Хотите, мол, снова быть с теплом и горячей водой — воздействуйте на должников коллективно!

Остался без этих коммунальных услуг и Виктор Иванович, хотя платил за всё исправно. Сначала он хотел решить вопрос с начальником «Теплоэнерго» полюбовно, но тот ему ответил, что у предприятия нет возможности отключать горячую воду в каждой квартире по отдельности, потому оно вынуждено отключать подъезд или дом.

После этого разъяснения В.И. Катин обратился в городское общество защиты прав потребителей, а оно подало на «Теплоэнерго» иск в суд. Который и постановил возместить Катину моральный ущерб в 60 тысяч тенге. И хотя Виктор Иванович требовал за причинённые ему неудобства 300 тысяч, всё равно это победа. Надо полагать, теперь по его стопам пойдут другие.

* * *

Новый вид «бизнеса» на селе набирает обороты. В деревнях появляется всё больше брошенных домов. Односельчане тут же начинают их разбирать, унося самое ценное. Недавно один из таких «разборщиков» погиб под обломками обрушившегося на него здания.

* * *

В Качирском районе заканчивают выплату пенсий за апрель. Скоро начнут погашать долг за май. Июньская пенсия считается уже «текущей» (а не долгом), её тоже лишь начали выплачивать. Чёрт ногу ломает с этой программой погашения пенсионных долгов.

5 ноября

Отпраздновали 70-летие С.П. Шевченко. Вечер проходил в областном драмтеатре. Праздник удался, потому что готовили его от души. Доволен и сам С.П.

6 ноября

Большой, в полторы полосы, материал Э.Д. Соколкина о знаменитом павлодарском купце А.И. Дерове. Удивительнейшая судьба: от крайней нищеты в молодости до настоящего купеческого могущества и последовавшего в конце концов банкротства. Историю Павлодара, как, впрочем, и Экибастуза, невозможно представить себе без этой крупной личности. Батрак и приказчик, купец второй гильдии, городской голова и первый почётный гражданин Павлодара, купец первой гильдии и организатор первого акционерного общества... Отец большого семейства (шестеро детей) и меценат... Вершитель судеб и просто человек, следы которого затерялись в истории.

Э.Д. Соколкин изложил его запечатлённую в документах биографию. А хорошо бы написать роман...

* * *

Директор российской пограничной службы А. Николаев побывал в Казахстане и пообещал в своём интервью «Труду», которое мы перепечатали, что «граница с Казахстаном будет прозрачной». Впрочем, не только по доброй воле руководства двух стран, но отчасти вынужденно. Потому что протяжённость этой границы — 7,5 тысячи километров, и на её обустройство потребуется как минимум 7,5 триллиона рублей, а по стандарту — вдвое больше. Из Казахстана в Россию выходит 27 железных дорог, а число автомобильных дорог, пересекающих границу, не поддаётся подсчёту.

Так что никаких заградительных линий не будет. Но создаются пограничные подразделения с обеих сторон, которые будут работать совместно с милицией, таможенниками, спецслужбами и т.д. А.Николаев также заверил, что граждане России и Казахстана «будут пересекать границу там, где им захочется, в удобное для них время». То есть всё будет практически так же, как и на границе России с Беларусью.

А председатель Госдумы России Г.Селезнёв публично заявил, что в перспективе возможно создание единого государства в составе этих двух стран на конфедеративной основе.

* * *

Вернулся из Алматы с республиканского идеологического совещания скорее разочарованный и опечаленный, нежели настроенный на работу по-новому. Собирали нас, редакторов республиканских и областных газет, а также руководителей областных студий телевидения для того, чтобы в очередной раз идеологически зарядить. И, в частности, проинструктировать, как нам следует разъяснять народу суть послания президента и то, как мы будем претворять его в жизнь.

Если отбросить всю словесную эквилибристику, то происходило всё так же, как в недавние «партийные» времена — методами инструктажа и идеологических накачек.

Вот коротко суть даваемых нам разъяснений: годы советской власти изуродовали человека, деформировали не только его жизненные приоритеты, но и психику. Нам говорили: это плохо, что советское государство так заботилось

обо всех нас, обеспечивая равенство в нищете. Оказывается, коллективистские начала, прививаемые нам 70 лет, это тоже плохо, сегодня должны быть востребованы начала индивидуалистские. То есть не надейся отныне ни на кого — только на себя самого. Надо, наконец, объяснить человеку, что государство ему ничем не обязано, что он должен выживать сам. И т.д. и т.п.

Если и утрирую, то лишь отчасти. Потому что по сути речь шла о том, что всё, или почти всё, что ещё недавно считалось хорошим, на самом деле плохое, а многое из того, что было плохим, оказывается очень нужным сегодня. Возникает резонный вопрос: если государство нам ничем не обязано, то зачем мы ему платим налоги?

А более всего повергает в уныние тот факт, что в республике заново строится идеологическая вертикаль. Новое министерство информации и общественного согласия создаёт аналогичные управления в областях. И они, эти управления, станут либо соучредителями областных государственных газет, либо их кураторами. Во всяком случае, будут отслеживать и анализировать содержание газет и «делать соответствующие выводы на предмет соответствия редакторов возросшим требованиям». Главное для нас отныне — не информирование людей о жизни — какова она есть (об этом и слова не было сказано), а пропаганда и защита генеральной линии, обозначенной в послании.

С одной стороны, всё это до боли напоминает не лучшие советские времена, а с другой — всё правильно: вас кормит государство (республиканский или местный бюджет), вот и служите государству как положено. И хотя наша газета кормит всех нас сама, в данном конкретном случае это мало кого интересует.

* * *

В очередной раз пообщавшись с коллегами и редакторами, убедился, что живёт «ЗП» лучше многих. Некоторые собраты удивлялись, когда я называл им уровни наших зарплат (я не считал и не считаю их высокими), просили прислать нашу систему премирования.

С тревогой думаю о том, как очень скоро власти опять начнут «рулить» нами.

7 ноября

Какая замечательная осень стояла в эти дни в Алматы! Тепло, тихо, солнечно. Парки усеяны опавшими листьями. Жалко, что целый день прозаседали, и погулять почти не удалось. Зато повидались с Таней Назловой и Толей Устиненко. Наговорились от души, повспоминали прошлое, ну и «употребили», конечно, изрядно.

А вообще устал я за последние две недели: то юбилей несколько дней подряд, то командировка. И всё с нагрузками на печень. Надо переходить к здоровому образу жизни. Да как тут перейдёшь, когда Володя Голубев прислал с оказией из Омска бутылку водки «Октябрьская» с явным намёком на день бывшей Великой Октябрьской революции, который у нас теперь не празднуется. А Россия будет гулять аж три дня, пристегнув по традиции к праздничному день рабочий, перенесённый на выходной. И правильно делают, что гуляют, ведь дела у них в экономике и в жизни вообще просто блестящие...

И вот ещё о чём подумал: если бы мы дали в «ЗП» объявление — выходите на праздничную демонстрацию — на неё наверняка вышла бы масса людей, притом без всякой предварительной организации. Не митинговать и протестовать бы вышли, а побыть на улице в кругу сослуживцев, друзей, близких, зарядиться атмосферой праздника, может быть, «употребить втихаря» — прямо на улице, а потом, само собой, ещё и за праздничным столом...

Вот бы провести такой эксперимент!

Ольга, никогда не отличавшаяся особой любовью к прежней власти,

сегодня вдруг сказала за столом, когда завтракали:

— Если бы не советская власть, кем бы мы с тобой стали? Разве выучились бы?

— Крутили бы коровам да быкам хвосты — вот и вся ваша учёба, — заметила мать.

Тут можно, конечно, порассуждать: если бы большевики не прервали естественный ход российской истории, может быть, всё вообще было бы по-другому. Правда, и нас, может быть, не было бы, но зато те, что родились бы вместо нас, жили бы куда лучше и счастливее нашего. Но как люба теперь говорить, история не знает сослагательного наклонения. И как бы там ни было, именно эта (вернее, теперь уже «та») власть дала нам возможность учиться в столице, не платя за это ни копейки, практически бесплатно жить в общежитии, ещё и стипендию получать.

Ольга собирается символически отметить бывший праздник на работе с подружками. Наготовила голубцов, выцыганила у меня из заначки бутылку хорошего красного вина, нарядилась в парадный костюм строгих тёмно-серых тонов. Но главное не этот костюм, а ярко-красная кофточка под ним. Сядут они за стол в обед, она снимет пиджак — и вот он, демонстративный наряд. Шутка, конечно, но её наверняка оценят — возможно, так или примерно так поступали в своё время конспираторы-революционеры.

8 ноября

85 лет Дмитрию Петровичу Приймаку — краеведу, агроному, журналисту, поэту. И ещё моему главному шахматному сопернику. Иные считают Приймака чудачком и реликтом, но насколько бы обеднела без таких, как он, наша общественная жизнь.

Вместе с кратким изложением биографии и заслуг Дмитрия Петровича публикуем и подборку его стихов. В ней есть и недавно написанные им строки, которые мне очень по душе:

*Мне, может быть, и жить немного,
А сердце просится в дорогу,
Чтоб за селом, за большаком
Мне стать звенящим родником,
Спуститься с речкою в долину,
Разлиться морем у плотины
И песню о любви допеть,
Волной морскою прошуметь...*

* * *

Николай Марчевский анализирует в газете работу крестьянских хозяйств. Их сегодня в области около 2700. Это те, что имеют земли, в том числе пашню. Но сеяли в этом году далеко не все: в Иртышском районе осталось пустовать свыше 23 тысяч гектаров пахотных земель, не меньше в Качирском. И там, где в прошлые годы колосились хлеба, теперь взошёл бурьян.

После очередной волны реформирования по селу будто разрушительный вал прокатился. Бесхозными стали дома культуры, клубы, детские сады, бани, библиотеки и некоторые бывшие совхозные конторы. Всё это либо распродаётся за бесценок, либо разграбляется — даже вполне пригодные прочные постройки. Как будто они никогда больше не понадобятся.

Теперь вот придумали программу микрокредитования наиболее обездоленных семей. Хотя многие из них (по республике 150 тысяч) оказались в таком положении отнюдь не по собственной вине.

9 ноября

Б.Н. Ельцину сделали операцию на сердце. Длилась она семь часов, прошла штатно. Отличился российский хирург Ринат Акчурин, в ассистентах у которого (или консультантах) был знаменитый американский врач Майкл Дебейки.

Но без клоунады кремлёвские небожители и сопутствующие им средства массовой информации никак не могут. Перед самой операцией Б.Н. подписал указ о передаче президентских полномочий, включая контроль над ядерной кнопкой (которую, кстати, никто никогда не видел), главе правительства В.С. Черномырдину. И едва придя в себя после операции Б.Н., как только смог двигать руками (голова в это время, судя по всему, ещё не вполне «включилась», потому что эта спешка вряд ли была оправданной), тут же подписал указ обратного действия. И тут же нотки умиления в некоторых телевизионных комментариях: вот ведь как хорошо — и суток не прошло, а бразды правления Россией снова в надёжных ельцинских руках. Как будто верный сподвижник Черномырдин, а с ним и весь мир только и ждал, какую бы пакость устроить, пока «всенародно» избранный российский президент находится в беспомощном состоянии. Зато теперь полный порядок: хоть с «уткой» под задом, зато ядерная кнопка под рукой!

Дай Бог выкарабкаться Борису Николаевичу из этой передраги, но вряд ли при нём Россия доживёт до нормальной жизни.

А вообще не ценим мы своих лидеров! Вон Горбачёв уж как старался для всех нас: и ускорение затеял, и перестройку, и социализм с человеческим лицом строил, и гласность объявил, и демократию развивал... Нам всем на него впору Богу молиться, а россияне на последних президентских выборах отдали ему процент или полтора процента голосов.

Вот уж воистину — нет пророков в своём Отечестве! Потому что в Германии он был признан лучшим немцем года. А совсем недавно за книгой его мемуаров в США выстроилась очередь чуть ли не в тысячу человек. Некоторые занимали в ней места с четырёх часов утра. Книг всем не хватило, зато счастливым они достались с автографом самого Михаила Сергеевича.

11 ноября

Проводили в Омск Димку (приезжал на побывку). В воскресенье ходили на барахолку, покупали ему куртку на зиму. Проболтались часа два, и выбрал он наконец худшее, что мог: нечто едва прикрывающее живот стоимостью в 200 долларов. Говорю: ты же, мол, не на юг, а в Сибирь едешь и в этой куртке точно «хозяйство» отморозишь. Он отвечает, что не мне её носить, а ему.

Подергался я, подёргался, а куда деваться? Всё же ветер у него ещё в голове. Какой-то интерес появился к прибалтнённым песням, а к учёбе, как мне кажется, ни малейшего. Всё пытался его наставлять, но, боюсь, не очень успешно.

Может быть, в том и состоит мудрость жизни, что молодость должна быть отчасти легкомысленной? Иначе молодым совсем тяжело было бы жить, особенно в сегодняшнем бардаке.

* * *

Наш президент и государственные символы — отныне в новой столице. Придворные идеологи тут же нашли массу аналогий: Россия — Петербург (с ним Пётр Первый и другие русские цари, как свидетельствует история, изрядно накаруселили, потому-то и вернули столицу в Москву), Бразилия, Германия, Турция и т.д. и т.п. Нам говорят (а мы должны вторить), что, мол, потомки оценят мудрость и дальновидность этого шага. Наши предки жертвовали собой для счастья грядущих поколений, и мы теперь должны трудиться ради их блага... Хотя, может, это и есть главное заблуждение людей — откладывать свою собственную

жизнь на потом. Не так ли рождается цепная реакция жертвенности? Пусть не мы, так другие, те, что за нами, будут благополучны и счастливы. А те, что за нами, повторяют наш собственный путь.

В Акмоле — театрализованное представление на полудримнем ветру, шествие «воодушевлённых» горожан — действо, до боли чем-то напоминающее прежнюю октябрьскую демонстрацию.

Республиканская ономастическая комиссия выдала рекомендацию: вопреки расхожему мнению о том, что Акмола переводится некоторыми как «Белая могила», название это следует трактовать как «Белая святыня».

* * *

Посвящал ближний круг (редакторат, членов редколлегии) в суть новых задач, стоящих перед нами в соответствии с посланием президента и недавним идеологическим совещанием. И читал на лицах скорее скептицизм, нежели готовность трудиться засучив рукава.

Может, мы и впрямь не понимаем чего-то очень важного? Нам говорили в Алматы: едва ли не самое главное, что должен понять человек, это то, что отныне он должен заботиться о себе сам. Так весь цивилизованный мир живёт, а советская власть нас просто изуродовала — воспитывала гипертрофированные коллективистские начала, чересчур опекала, сделала иждивенцами. Рынок же требует совсем иного — развития частной инициативы, стремления к самообеспечению, опоры на собственные силы.

Может быть, отчасти так оно и есть. Хотя это ещё вопрос — что хуже и что лучше. И только история рассудит, кто прав. Но возникает другая проблема: что делать с этим «изуродованным социализмом» народом? Он ведь не способен враз изменить мышление на 180 градусов, разве что ему голову свернуть ровно на столько...

Приходит в голову и такое простое сравнение. Скажем, человек всю жизнь жил в городе, привык к благам цивилизации, а его бросают на выживание в дикий лес. Ведь пропадёт же — нет у него навыков выживания. И наоборот... Неужели же наши идеологи этого не понимают, творя над людьми очередное насилие?

Поделится с С.П. Шевченко своими сомнениями. И услышал в ответ: «Плюнь! И живи, сообразуясь со здравым смыслом». А в подтверждение своего глубокомысленного замечания С.П. сослался на одну из библейских книг, утверждающих: нет и не будет ничего такого, чего когда-нибудь уже не было бы... А посему смотри на жизнь проще, дорожи тем, что имеешь.

12 ноября

Ольга Фролова описала несколько историй о том, как сегодня дурят нашего брата. Супружеская пара предпенсионного возраста подъехала на своём стареньком «Москвиче» на автостоянку. К ним тут же подбежали двое молодых хорошо одетых, с виду интеллигентных парней.

— Вы пятисотые на этой стоянке. Вам полагаются подарки, — и суют две коробки, — получите! А теперь распишитесь в ведомости и оплатите доставку — 1800 тенге. Дороговато, но это потому, что подарки стоят десять тысяч.

Получив деньги, дарители тут же скрылись. Супруги открыли коробки лишь дома и обнаружили в них бельевую верёвку для ванны, настольную деревянную карандашоточилку и дешёвый китайский калькулятор. Весь этот подарочный набор не тянет и на 300 тенге.

По той же примерно схеме дурачили простодушных жильцов две девицы:

— Ваш дом выиграл премию (!). Всем жильцам полагаются подарки. Распишитесь, пожалуйста, в ведомости и оплатите доставку — 1800 тенге.

А в подарках опять же — дешёвенькие безделушки.

13 ноября

На «Богатыре» добыта миллиардная тонна угля. На это ушло 27 лет. «Богатырь» был и остаётся крупнейшим в мире угольным разрезом. Теперь он в собственности у американской компании «Аксес Индастриз», которой владеет югослав Лен Блаватник.

За первый год работы на «Богатыре» компания добыла 22,5 миллиона тонн угля, а рекорд советских времён — свыше 50 миллионов в год — вряд ли вообще когда-нибудь будет превзойдён.

Среди почётных гостей Экибастуза, прибывших отпраздновать добычу миллиардной тонны, был и последний министр угольной промышленности СССР М.И. Щадов, немало сделавший для выведения разреза в мировые лидеры по угледобыче.

15 ноября

Схоронили одноклассника Вовку Джумалинова — в Качирах, на мусульманском кладбище, что справа от дороги, ведущей в Михайловку, то есть на нашу с ним родину. Незадолго, пару-тройку недель до этого, он приезжал в Павлодар прощаться. Подняться ко мне наверх не смог, и я вышел на улицу, посидел с ним в машине. Оба мы понимали, что эта встреча последняя, и, может, поэтому ещё разговор не клеился...

Хоронить ездили вместе с Мейрамбеком Утеуовым. Масса людей, много наших — бывших совхозных. Поминали в спортивном зале какого-то училища, по-мусульмански. А потом, в узком кругу, ещё по-дружески, выпив водки. И тут близкий человек сказал: «Если бы все те деньги, которые ушли на Вовкины поминки, отдали ему на лечение, может быть, он бы и пожил ещё...».

* * *

Холодно дома, холодно на работе... Плохо работает ТЭЦ, обогревающая город. И вряд ли положение улучшится, уж хоть бы хуже не стало.

Люди нищают, особенно в селе, производство продолжает сокращаться. На этом фоне особенно раздражает бодрчество властей, уверяющих, что всё идёт как надо. Вот и Международный валютный фонд доволен: его рекомендации в республике неукоснительно соблюдаются.

Если бы ещё жизнь большинства людей от этого улучшилась.

16 ноября

Хороший портрет В.И. Видикера сделал Володя Бугаев. Публикуем его сегодня на первой странице. Повод — минувшая жатва была у Владимира Ивановича пятидесятой. Как жалко, что никто из нас, его современников-журналистов, не написал хорошего очерка о нём. Отчасти, наверное, потому, что В.И. не любит «светиться» в прессе, но и потому ещё, что не так он прост и не каждому откроется. Таких, как Видикер, Б.В. Исаев называет штучным товаром. Таких, как Видикер, много не бывает.

* * *

Аким области Д.К. Ахметов запретил веерные отключения электроэнергии в Павлодаре (по области они продолжаются). Ситуация и впрямь складывается абсурдная: компания, снабжающая город электричеством, ссылается на её нехватку и закупает недостающее количество электроэнергии в Усть-Каменогорске по два тенге за киловатт-час. А рядом Аксуская ГРЭС, где есть свободные мощности, и она готова поставлять энергию по цене ниже двух тенге за киловатт. Умом наш рынок не понять... Или, как говаривал один из умных людей: ищи — кому выгодно.

* * *

Связисты в очередной раз бьют в «ЗП» тревогу: только за девять месяцев этого года в области зарегистрировано 90 краж телефонного кабеля, в

результате чего они лишились 25 километров кабеля. Злоумышленников, как правило, не находят, во всяком случае, никого ещё не осудили. Воруют не только кабель, но и линии электропередач (в том числе высоковольтных), электрогенераторы и трансформаторы — всё то, что содержит цветной металл. Власти пытались навести «шмон» в пунктах по приёму цветмета, да где там...

* * *

Майкаинское золото отныне собирается добывать некая кипрская фирма, которая обязуется погасить долги прежних управленцев, вывести предприятие на полную производственную мощность, построить новые шахты. Впрочем, справедливости ради стоит сказать, что кипрских бизнесменов интересует не столько золото, сколько медь, процент содержания которой в здешней руде достаточно высок.

17 ноября

Брат Петька прислал короткую рецензию на мои творения. Заложил, если можно так выразиться, шурф глубокого бурения, обозначил место в литературе — своего рода систему координат, в которой я нахожусь. Звучит очень убедительно, к тому же хороши и язык, и стиль... Надо теперь, хочешь не хочешь — соответствовать.

* * *

Прочитал записки (мемуары) бывшего пресс-секретаря Б.Н. Ельцина Вячеслава Костикова. Есть интересные наблюдения, выводы, но главное ощущение — будто в дерьмо вляпался. Таковы уж нравы на Олимпе, вернее, при ельцинском дворе... И как же они все (Костиков и ему подобные) стремятся быть допущенными к телу властелина! А с каким пиететом пишет бывший пресс-секретарь о себе самом: и умён он, и интеллигентен, и независим. Посмотрите, мол, как я врезал «красно-коричневым», как пропесочил Черномырдина под псевдонимом Фердинанд Сирин. О своей дружбе с «главредами» тоже пишет, а ещё о том, как ему поручали готовить указ о закрытии «Правды» и «Советской России». И ни слова о том, что обращались с ним и «хозяин», и его ближайший круг — как с дворовым.

Неужели же сами мемуаристы — и Костиков, и предшествовавший ему бывший охранник Коржаков — не понимают, что саморазоблачаются своими писаниями?

* * *

Ездил в Иртышский район к Н.А. Миллеру. Хочу написать очерк о нём — человеке, возрождающем к жизни практически развалившееся хозяйство. Отлично пообщались «за жизнь», материала больше чем достаточно.

Николай Александрович становится мне и по-человечески близок.

18 ноября

Вечер, вернее, ночь уже... По всем каналам — фильмы Эльдара Рязанова, ему исполняется 70 лет. Как он напоминает мне отца: лицо, осанка, улыбка, кураж... Не все рязановские фильмы мне одинаково нравятся, особенно последние, но он великий труженик, и, кажется, талантлив во всём, за что ни возьмётся. Хотя иногда мне кажется, что на телеэкране его в разных видах становится многовато...

* * *

Читаю в «Просторе» Ивана Щеголихина — писателя, бывшего парламентария. По сути тоже хроника смутного времени — искренние и честные записки о нашем времени. В сущности и я должен делать то же самое... Но пока лишь записываю и не знаю, когда возьмусь приводить свои записи в божеский вид.

Получил нехорошие известия из Омска: Димкины однокурсники сказали, что он не сдал три коллоквиума и имеет вполне реальную перспективу не быть допущенным к сессии. Я сразу в это поверил: у меня всё время ощущение, что Димка не хочет учиться, учёба ему не интересна, он ею, скорее, тяготится. Пытался с ним говорить об этом, когда он недавно гостил у нас дома: судьба дала тебе шанс, используй его, это может определить всю твою дальнейшую жизнь. И вот... Может, всё дело в том, что он по складу ума больше гуманитарий, чем технарь? Хотя и в разгильдяйстве дело тоже...

Связь у нас с ним односторонняя, он время от времени звонит нам с переговорного. Да и разве по телефону воспитаешь?

Неприятное, тягостное впечатление после сегодняшнего заседания коллегии облминистрации. Председательствующий агрессивно-строг, нарочито-хмур. Отчитывающиеся акимы районов — как провинившиеся школьники: их подавливают, обрывают, не дают объясниться. Понятно, что дела в районах, за что ни возмись, плохи. Но не только (да и не столько!) акимы тому виной.

Сидел и думал: где, интересно, наши областные вожди набираются всем этим приёмам подобного «воспитания» подчинённых? Может, именно так с них самих на «самом верху» спрашивают?

19 ноября

В тяжелейшем положении весь этот год находился и продолжает оставаться канал Иртыш — Караганда. Всё дело в том, что это не просто рукотворное русло в степи, протянувшееся на 458 километров, а уникальнейшее гидротехническое сооружение. На протяжении сотен километров иртышская вода поднимается по руслу канала вверх — в высшей точке до 418 метров. Вверх её гонят 22 насосные станции, расположенные по ленте канала, и только ближе к Караганде вода начинает бежать самотёком. В свою очередь каждая насосная — сооружение, на семь этажей уходящее внутрь земли, с тремя гигантскими турбинами, вращающими огромные винты из специальной стали. И вот все эти насосные станции, которые по идее должны годами работать без остановки, простояли большую часть лета. Их то запускали, то останавливали, то снова запускали, что чревато ускоренным износом оборудования.

Ничего подобного на канале не было за 27 лет его эксплуатации. А главная причина технологической вакханалии — долги канала за электроэнергию (он очень энергоёмок). Канал должен около полутора миллиардов тенге, ему потребители — ещё больше. А нет денег — нет электроэнергии.

В беде сегодня не только сам канал, уровень воды в котором в этом году уменьшился на метр, что уже повлекло за собой многие неприятные последствия. Помимо прочего, практически исчерпаны запасы драгоценной влаги в резервных водохранилищах, устроенных вдоль русла канала. В последнем из них, которое поит Караганду и Темиртау, запасов воды осталось на десять-двенадцать дней. А общий дефицит воды в канале — почти сто миллионов кубометров.

В Павлодарской области ситуация ещё не столь катастрофична, а что будут делать через полмесяца карагандинцы, не знает сегодня никто. Тем более что зимой наладить полноценную эксплуатацию канала будет ещё сложнее.

В ближайшее время будут закрыты убыточные районные узлы связи — Актогайский, Успенский, Железинский и Баянаульский. Это уже что-то совсем запредельное по идиотизму: государству, что, почтовая служба не нужна даже в райцентрах?

20 ноября

Как всё же много может зависеть от человека! Когда повсюду за бесценок на селе раздаются направо-налево дома культуры, клубы, детские сады, бани, Н.А. Миллер в своей Голубовке всё сохраняет. И хотя нет у хозяйства лишних денег, оно содержит и Дом культуры, который когда-то строили всем миром, и детский сад, баню и врачебную амбулаторию.

Когда был в Голубовке, зашли вечером с Николаем Александровичем в здешнюю библиотеку, которая квартирует в Доме культуры. Всего в ней насчитывается около 700 тысяч книг, а в читателях двести школьников и более трёхсот взрослых. Приятно удивило ощущение домашнего уюта в этих двух комнатах, из которых не хотелось уходить.

Акомандует тут уже 18 лет Татьяна Зейнулловна Сенаторова, которая, можно сказать, выросла среди этих книг, потому что до этого 15 лет библиотекарем была её мать.

Надо будет написать об этой библиотеке отдельно.

* * *

ООН опубликовала отчёт о динамике народонаселения в мире. Ежегодно рождается примерно 80 миллионов человек, но рождаемость снижается. По данным 1950 года, среднестатистическая женщина рожала за свою жизнь около пяти детей, а теперь лишь 2,9.

Африканцев стало больше, чем европейцев. А Индия, по прогнозам, к 2050 году обгонит по численности Китай, который ограничивает рождаемость.

* * *

Устав бороться с должниками, руководство Аксуской ГРЭС отключило на один час от электроэнергии Аксуский завод ферросплавов и Костанайскую область. Подробности этой «акции устрашения» пока неизвестны. Но скандал наверняка поднимется очень большой.

Зато на алюминиевом заводе выплачивают дивиденды за прошлый год: только по привилегированным акциям, которые на руках у самих заводчан. Дивиденды получают 1 1352 человека на общую сумму 123 миллиона тенге. В среднем — чуть больше десяти тысяч тенге на брата.

22 ноября

В области выявлено 160 детей, не посещающих школу, главным образом потому, что им попросту не в чем туда ходить. Аким области издал распоряжение выделить на приобретение одежды и обуви для них 480 тысяч тенге.

* * *

Скандальный материал Н.Д. Марчевского «Молчание «Бобровки». Ещё не так давно процветающее хозяйство — гордость не только Качирского района, но и области — практически развалилось. Большинство полей, дававших прежде лучшие урожаи в округе, остались в этом году незасеянными, животноводство также сведено на нет, центр села — в руинах. За последние два года население трёх здешних сёл уменьшилось на 400 человек. А хлеб сегодня в «Бобровке» получают по карточкам (их выдают людям вместо зарплаты).

Не дошло сюда и послание президента, хотя чиновники давно отрапортовали: все 200 тысяч экземпляров доставлены — в каждую семью!

Каково было наблюдать этот разор Николаю Фадеевичу Мальцеву, отдавшему «Бобровке» больше 30 лет жизни? Хорошо он хоть теперь этого не видит — перебрался к детям в Омскую область.

23 ноября

Н.А. Назарбаев находится с официальным визитом в США. После его встречи с президентом Биллом Клинтоном объявлено о том, что «Казахстан и США выходят на стратегическое партнёрство».

* * *

До сих пор остаётся невыясненной судьба 1459 российских военнослужащих, попавших в плен в ходе боевых действий в Чечне. Пропавшими без вести считаются 70 гражданских лиц и 12 иностранцев. На днях к последним добавилось ещё четверо французов из международной благотворительной организации.

Торговля людьми (похищение и освобождение только за выкуп) становится самым выгодным бизнесом в Чечне.

* * *

Павлодарская область даёт около десяти (9,9) процентов общереспубликанского объёма промышленной продукции. По этому показателю она уступает лишь Карагандинской (20 процентов), Атырауской (14) и Восточно-Казахстанской (10) областям. При этом надо иметь в виду, что не так давно Карагандинская область вобрала в себя Джезказганскую, а Восточно-Казахстанская — Семипалатинскую.

24 ноября

Из-за развала водопроводных сетей осталась без водоснабжения Михайловская средняя школа Железинского района. И учеников её обязывают приносить на занятия по бутылке воды — иначе техничкам нечем будет мыть полы.

Моим землякам всё же проще, чем жителям села Зотино Курганской области. За каждого ученика здешней школы его родители должны доставить по два кубометра дров, потому что школу нечем отапливать.

* * *

В Рязани, пишет «Комсомолка», депутаты местного горсовета вернули не только демонтированный городскими властями памятник Ленину на прежнее место, но и название улицы, отменённое теми же властями города: недолго она называлась Астраханской, а теперь снова носит имя вождя мирового пролетариата.

25 ноября

Даньке 20 лет. Как быстро они прошли. Время скукоживается как шагреньевая кожа. Может статься, что следующие двадцать (то есть Данькины сорок) отметят уже без меня...

* * *

Всю субботу писал о директоре ТОО имени Абая Н.А. Миллере. В воскресенье дописывал, вычитывал, правил. Что-то получилось, а что-то нет. Характер самого Николая Александровича вырисовывается, а вот образы других героев — не очень. Может, ещё и потому, что рядом с ним поставить особенно некого. Надо было ещё покопать, когда ездил, но времени не хватило.

* * *

В субботу ударил мороз за 30 градусов. Второй день идёт мелкий снежок.

26 ноября

Тяжёлые времена переживает акционерное общество «Пульс» — то самое, что ещё недавно слыло в области синонимом предпринимательского успеха. Почти все его заводы, а всего их шесть, либо остановлены, либо на грани остановки. Во время их создания «Пульс» брал банковские кредиты, пришла пора их возвращать, а денег нет. Как нет помощи, ранее обещанной властями и бывшими руководителями алюминиевого и ферросплавного заводов (у них сегодня другие хозяева).

Основатель и бессменный руководитель «Пульса» Кенес Жумабеков остался один на один со своими многочисленными проблемами. Часть его

предприятий может быть продана за долги, часть ещё работает. Сам Жумабеков оптимизма не теряет и не отказывается от идеи наладить в области стекольное производство. А мы дали материал в поддержку «Пульса».

27 ноября

Был на сессии областного маслихата. Запомнилось выступление директора Песчанского племзавода А.А. Шрейдера, пообещавшего подать в суд на энергетиков. Песчанцы платят за электроэнергию регулярно, долгов не имеют, а племзавод столь же регулярно (притом всегда без предупреждения) отключают от электричества, парализуя работу этого уникального хозяйства.

28 ноября

Хорошая новость: наша авиакомпания «Иртыш-авиа» выписала на будущий год 200 экземпляров «ЗП». И теперь наша газета будет путешествовать с самолётами не только по всему Казахстану, но и в Россию, Германию, Турцию, Арабские Эмираты.

* * *

Отыскивали самую верную читательницу газеты. Это Анастасия Фёдоровна Фищук, которой в этом году исполнилось 80 лет, а нашу газету она получает уже 63 года. Говорит, что и читать во многом училась ещё по «Большевистскому пути» (одно из прежних названий «ЗП»). Потом читала газету уже своим детям, внукам.

Таких читателей, как сегодняшние старики, у нашей газеты не будет никогда.

* * *

Очень точное определение для описания жизни и душевного состояния многих людей нашёл Николай Марчевский — неприкаянные. Так он пишет о жителях бывшего совхоза имени Куйбышева, но то же самое могут сказать о себе люди в десятках других сёл.

29 ноября

Год уже занимаюсь подготовкой к перерегистрации газеты. Бумаги, наконец, согласованы: регистрируемся как учреждение, в соучредителях — аким области, областной маслихат и журналисты газеты. Наше журналистское учредительство — больше для подстраховки, чтобы хотя бы видимость защиты была от административного произвола.

Документы наши в «присутственных местах» подписали, почти не читая. Но один ритуал был всё же соблюден, и он заслуживает отдельного описания.

Пошёл я в канцелярию областного акимата печать ставить. Туда так просто не войдёшь: вход преграждают столы — от стены до стены. То есть стой и жди, когда тебе вернут бумаги. Меня, впрочем, усадили... И я мог насладиться великолепным зрелищем — спектаклем на тему, как место красит человека. Он не просто прикладывает печать к бумаге, он священнодействует: всё делает не торопясь, с расстановкой, а завершающий акт — с особой нежностью. И говорит с расстановкой: «У нас мастика густая... Ещё советских времён... Отменного качества... Теперь-то такой уже нет... — сокрушается: — Одна только бутылка осталась...».

И, ещё раз оглядев дело рук своих, передаёт мне бумаги уже с печатями, словно жалея о том, что приходится с ними расставаться.

Теперь осталось зарегистрировать учредительные документы в управлении юстиции. Даже не верю, что и это скоро произойдёт.

* * *

Плохо идёт подписка. Конкуренты поджимают. Над ними не довлеет статус, они не столь лояльны к властям, как мы. Ещё создаётся рекламная газета — тоже будет конкурент, если её грамотно раскрутят.

* * *

Посмотрел по ТВ фильм Чухрая-младшего «Вор». Фильм хороший, хотя смотреть его временами тяжело. Есть ощущение эпохи, жёсткая правда жизни, яркие характеры.

Смотрел и думал о своих детях: как они в жизнь войдут, кем станут? Нам всё же попроще было — жизнь была более предсказуемой.

30 ноября

Всё собираю и собираю, сам не знаю зачем, вырезки из разных газет, описывающие идиотизм и беспросветность сегодняшней жизни. Накопилась уже изрядная коллекция.

Работница совхоза «Смирновский» Кировской области пришла на приём к начальнику районной милиции и попросила посадить её в тюрьму.

«Как так? — удивляется милицкий чин, которого вообще трудно чем бы то ни было удивить. — За что?» — «Не знаю, за что, но посади! Там хотя бы кормят!».

В просьбе ей, разумеется, было отказано, и тогда она крадёт на ферме две фляги и сама признаётся в содеянном. Но милиция не возбуждает дело — ущерб слишком мал. И она, доведённая до отчаяния голодным существованием, идёт на настоящее преступление — подсыпает в корм телятам аммиачную селитру. К счастью, телятницы обнаружили «диверсию», и 130 телят остались живы. А работницу всё же посадили, и, по словам её адвоката, после первых полутора месяцев отсидки она заметно поправилась, лучше стала выглядеть.

Эту историю, описанную «Известиями», можно было бы посчитать выдуманной, но недавно другая работница этого же хозяйства (двое детей, мужу-трактористу зарплату не дают), вполне осознанно сожгла совхозный склад, чтобы также попасть в тюрьму...

* * *

Или вот такое: заключённые Сахалина решили ежедневно выделять по десять буханок хлеба участникам сидячей забастовки, начавшейся на центральной площади райцентра Смирных. Районные власти накормить бастующих женщин и детей не в силах.

* * *

Те же «Известия» рассказывают о трагедии, случившейся в посёлке Частые под Красноярском. Механизатор Г. Некратов, непьющий, уравновешенный мужик 45 лет, три недели добивался у директора выплаты долга по зарплате. Деньги Некратову были нужны на свадьбу дочери (в таких случаях их работникам в виде исключения выдавали). И когда ему в очередной раз отказали, он, выйдя из конторы, облил себя бензином и поджёг.

Некратова спасти не удалось. А деньги семье сразу выдали — уже на похороны.

* * *

В Брянской области свинарка Л., прихватив с собой вилы, взяла в заложницы главного бухгалтера и экономиста и почти сутки держала их в кабинете.

Директор совхоза пообещал Л. выплатить деньги, но слово сдержал лишь отчасти — денег в кассе было — кот наплакал.

Напечатавший информацию «Труд» ничего не сообщает о том, будут ли «террористку» судить.

* * *

Казахстанцы тоже не лыком шиты. Рабочий автобазы из Талды-Кургана С. Череповецкий, которому она задолжала 76 тысяч тенге, соорудил у ворот родного предприятия шалаш, рядом — печку, где и стал готовить себе еду. Жил так неделю, и никто не обращал на него внимания, пока на его счастье не проехал мимо один из «отцов города». Долг ему тут же вернули. А сослуживцы, доселе посмеивавшиеся над Череповецким, теперь раздумывают: не последовать ли им его примеру?

* * *

На необычную акцию протеста решился шахтёр-пенсионер из Краснодара Г.С. Смирнов. С помощью своих товарищей он принёс в шахтоуправление гроб, установил его в кабинете профсоюзного комитета и теперь почти полный рабочий день проводит лёжа в гробу. Тем самым он пытается привлечь внимание общественности и властей к бедственному положению шахтёров.

Пока что протест не помогает: уже и сороковины позади, и первые сто дней в гробу, а денег как не было, так и нет.

* * *

Ткачихи Ивановского текстильного комбината избили своего директора колбасой. Стоявшие в очереди за хлебом, они увидели, как он покупает дорогую колбасу. А они уже полгода не получали зарплату, ну и не выдержали...

* * *

На шесть часов перекрыли Транссибирскую магистраль омские мамы, которым местные власти попытались выплатить детские пособия российскими флагами. Блокада была снята лишь после того, как женщинам пообещали в ближайшие два дня выплатить половину долга наличными, а вторую — детскими товарами по согласованным ценам.

А в Ульяновской области пять безработных женщин оккупировали приёмную главы районной администрации и отказываются покидать её, пока им не выплатят «детские» и пособия по безработице.

И всё это — только малая часть моей день ото дня растущей коллекции «Хроники абсурда» наших дней.

* * *

Писал уже, что у нас в Казахстане повышенным спросом пользуются немцы и немки — женихи и невесты всех возрастов, с которыми можно эмигрировать в Германию. И вот читаю в «Комсомолке»: в Биробиджане (Еврейская автономная область) в ходу объявления такого типа: «В русскую семью срочно требуется еврейский зять. На выезд», или: «Женюсь на еврейке с самыми серьёзными эмиграционными намерениями».

Вообще же евреев в этой области уже быть не должно, потому что числилось их по последней переписи меньше девяти тысяч, а уехало по последним данным одиннадцать с лишним тысяч. А всё дело в том, что прицепом к евреям на землю обетованную едут все, кто способен заключить брак (нередко фиктивный) с евреем или еврейкой.

2 декабря 1997 года

В Грозном состоялся съезд общественно-политического движения «Кавказский дом», участники которого провозгласили своей стратегической задачей

создание единого Кавказского государства. В специальном обращении съезда говорится о том, что Россия и русский народ должны покаяться перед народами Кавказа за причинённые им страдания, зло и насилие. (Из сегодняшнего «Горячего телетайпа»).

* * *

В Экибастузе теперь есть заслуженный мастер спорта по самбо. Это Людмила Симутина — хрупкая обаятельная женщина, глядя на которую никак не подумаешь, что она победительница многих республиканских и международных соревнований в столь грозном виде спорта.

* * *

На днях весь Северный Казахстан остался без электроэнергии из-за аварии на Экибастузской ГРЭС-2. К счастью, её быстро устранили.

3 декабря

Смена власти в «Казахстанской правде»: многоопытный Г.Г. Дильдяев отправлен в отставку. Сменил его В.Ф. Михайлов, бывший его зам, человек, как мне кажется, всегда наименее стремившийся к власти. Смене предшествовала скандальная публикация в «Караване» (подсутились ребята!), изложившая 22-страничную справку финконтроля о всевозможных финансовых нарушениях в «Казправде». Характерная деталь: справка датирована 9 сентября 1996 года, а на свет её вытащили лишь теперь. Конечно, и «натасканного» в этой справки немало, но от некоторых фактов так просто не отмахнёшься...

У меня неплохие отношения с Г.Г. Дильдяевым — бывшим собкором «Правды» по Казахстану. Одно время он издавал новую интересную газету, названную по аналогии со скандально известной книгой Олжаса Сулейменова «Аз и Я». Кажется, Дильдяев хотел акционировать «Казахстанскую правду». Может, ещё и за это поплатился...

А с Михайловым мы знакомы ещё с моих корреспондентских времён. Это он благословил мой первый очерк в «Просторе» об агрономе М.И. Трусове, притом практически не правя его. А вычеркнул один единственный абзац — про то, что Трусов был и остаётся одним из лучших нештатных лекторов общества «Знание».

С Валерием Фёдоровичем нас познакомил С.П. Шевченко. Мы вместе ездили в Баянаул, много общались. О моём очерке В.Ф. высказался скупой: характер героя схвачен, но грубовато. К концу поездки я осмелел и выговорил Валерию Фёдоровичу за то, что именно он не пустил в «Простор» мой полурассказ-полуочерк «Пора сенокосная», который потом был опубликован в сборнике «Лик земли».

Та поездка нас сблизила, и я уже не боялся обращаться к Михайлову напрямую. Он всегда относился ко мне по-доброму сдержанно, что отнюдь не мешало ему «рубить» мои вещи, если он считал их слабыми.

Позвонил Валерию Фёдоровичу, поздравил с назначением. Бодрится, хотя, говорит, спит теперь не больше трёх-четырёх часов в сутки. Нелегко ему будет, конечно, но у него есть достойный пример для подражания — отец. Фёдор Прокопьевич Михайлов редактировал «Казправду» много лет и оставил о себе прекрасную память — и как о настоящем редакторе, и как о настоящем человеке.

4 декабря

Г.А. Бабин написал по моей наводке большую аналитическую корреспонденцию. Тема: село и послание президента. Речь идёт о трёх слоях населения: брошенных на произвол судьбы пенсионерах («Мы — лишние

люди», — говорит один из них), о тех, кто всё ещё находится на распутье, не зная, как жить дальше (таких большинство), и, наконец, незначительной прослойке сельчан, нашедших своё место в новой жизни. Нормальный в общем материал, ровный, спокойный, никакой не критиканский. Но в обладминистрации за него уцепились (мы опять упомянули, что послание президента туда не дошло), сформировали целую группу из чиновников, послали разбираться. А мне мои кураторы опять выговаривали: «Что вы всё акцентируете внимание на том, что послание не доходит до людей?!».

* * *

Проваливаем подписку. Набрали за два с половиной месяца десять тысяч экземпляров — это примерно 60 процентов к тому уровню, что имели на эту дату в прошлом году. Тут всё сразу сошлось: и статус газеты сказывается, и безденежье наших преданных подписчиков, и конкуренты появились... Сколько-то ещё, конечно, наберём, но на уровень прошлого года, наверное, не выйдем. Ругаюсь на планёрках, убеждаю (мол, рубим сук, на котором сидим), но без особого успеха. Одно пока утешает: почта рассчитывается с нами за подписку «живыми» деньгами.

5 декабря

Замечательной историей поделился с нашей газетой главный геолог горнодобывающего Майкаинского предприятия «Алпыс» В. Стебенев. Во время недавнего бурана рабочие обнаружили на борту карьера, где добывают руду, нескольких обессиленных розовых фламинго. Видимо, из-за непогоды они сбились с пути и сделали вынужденную посадку. Когда люди брали их на руки, эти очень осторожные птицы даже не сопротивлялись. Сперва их отогревали в кабине экскаватора, а затем перевезли в контору и разместили в одном из кабинетов. Всего птиц оказалось семь, но одна была сильно изранена и погибла. Зато остальные быстро пришли в себя и освоились настолько, что ничуть не стеснялись людей, позволяли себя гладить, брать на руки, не боялись, когда их фотографировали.

Через несколько дней, когда стих ветер и стало теплее, отдохнувших и набравшихся сил розовых фламинго (их тут и подкармливали) отпустили. Они, не торопясь, друг за другом вслед, вышли из конторы и, отойдя метров 15, остановились. Впереди стоял вожак, он помахал крыльями, будто разминаясь, неторопливо разбежался и взлетел. Остальные последовали за ним. Набрав высоту, маленькая стая взяла курс строго на юг..

* * *

Ольга написала о дворнике нашего дома, а Валера Бугаев сделал хороший снимок. Их материал украсил сегодняшнюю первую полосу. Одно плохо: ни разу не названа фамилия героини, только имя и отчество — Ирина Вадимовна. И никто этого не заметил: ни я, ни замы, ни корректоры. Кстати, у нашего и вправду очень добросовестного дворника высшее образование, и она всю жизнь проработала библиотекарем.

6 декабря

Только заголовки из сегодняшней страницы писем: «Изломанная жизнь», «На обочине», «За пенсией чуть не на носилках», «Так скажите, чьи мы?».

* * *

Производственный кооператив «Ивановский» Качирского района подписал своих работников на «ЗП» «под зарплату» (46 экземпляров), а рассчитывается с районным узлом связи колбасой собственного производства. В кооперативах «Фёдоровка» и «Коммунар» подписной валютой стала мука первого сорта.

* * *

В области создан дисциплинарный совет, призванный выводить на чистую воду чиновников. Мы с А.М. Мухамеджановым также включены в его состав. А председателем назначен бывший директор алюминиевого завода, а затем аким Индустриального района Б.К. Акимкулов. Неблагодарное нам предстоит занятие — копаться в чужом грязном белье...

* * *

Составлены списки детей, не посещающих школу. В них внесено 160 детей, которых прежде всего надо одеть и обуть. Нам передали записку из пресс-службы акима области, в которой фигурируют Актогайский район (38 таких детей), Павлодарский (15), Баянаульский и Успенский (по 12). Почему-то вовсе не указан Железинский район, где мне называли цифру 75. Так что областной список наверняка неполон.

* * *

Уменьшается число переселенцев в Россию из республик бывшего Союза. В прошлом году их было 640 тысяч, на треть меньше, чем в 1995. Хотя и 640 тысяч — это больше, чем вся наша Караганда, или два Павлодара. А едут меньше, потому что многие уже уехали, потому что уровень жизни в России тоже невысок, найти нормальную работу очень трудно, а жильё очень дорогое.

9 декабря

Власти долго думали, что делать с заражёнными ртутью конструкциями, оборудованием, инженерными сетями бывшего химзавода. И вот, наконец, принято решение: они будут демонтированы и захоронены в специально построенном могильнике. Задача эта не такая уж сложная. Но, если верить специалистам, остаются ещё 900 тонн ртути, просочившиеся в землю, и эта ртуть медленно, но неуклонно движется с грунтовыми водами к Иртышу. И чтобы поставить ей надёжный заслон, будет построено специальное сооружение — глиняная «стена в грунте», уходящая в землю на глубину 18 метров. Эта стена должна закольцевать заражённый участок и преградить движение ртути к Иртышу.

12 декабря

В некоторых номерах «ЗП» теперь может быть до десятка и более соболезнований. Мы зарабатываем на них, а частные газеты — на объявлениях с «клубничкой». Такое у нас сложилось разделение труда.

Между тем при советской власти публикация соболезнований была жёстко регламентирована. Их могли давать лишь трудовые коллективы в связи со смертью их работников (или бывших работников). Соболезнования кому-то персонально по поводу смерти родственников, как правило, не полагались. Исключения составляли члены бюро обкома партии и исполкома облсовета. Им соболезновать можно было в связи с кончинами близких от имени обкома и облисполкома. И, наверное, ни одна такая публикация не обходилась без возмущения «нетитулованных» граждан: почему им это можно, а нам нельзя даже за деньги?

Помню, С.П. Шевченко отбивался от одного такого звонка: «Но ведь и хоронят у нас по-разному — одних на безымянных кладбищах, а других у Кремлёвской стены». Но и этот аргумент не срабатывал...

Помню, как обиделась на меня Ольга, когда я, будучи уже первым замом редактора, так и не смог «пробить» соболезнование ей в связи со смертью отца, хотя Николай Андреевич числился в ветеранах Великой Отечественной войны.

И вот пришли свежие ветры перемен. Соболезновать через газету может теперь кто угодно, кому угодно и сколько угодно раз.

Вот мне звонят из отдела объявлений:

— Принесли пять соболезнований в связи со смертью человека, настаивают, чтобы дали все сразу...

— Что, от одной организации столько?

— Нет от пяти разных фирм, но платит один, наличными.

Оказывается, разбился на своём автомобиле «новый русский», и его компаньоны хотят, чтобы их скорбь по этому поводу была публично запечатлена в массовом, так сказать, масштабе. И ничего не поделаешь — «уплочено», имеют право!

Публикация соболезнований в наше время стала настоящей ярмаркой тщеславия. Тут иногда бывает как на аукционе — кто больше? Притом, если «деловые» платят за соболезнования из собственного кармана, то многочисленные чиновничьи конторы скорбят обычно за государственный счёт. Но и тем и другим важно ещё успеть это сделать раньше других.

Как-то ко мне прибежала запыхавшаяся работница местного филиала одного из столичных банков.

— Вы знаете, у президента нашего банка умер в Алматы родственник... Нам нужно дать соболезнование...

— У нас?

— Нет, в «Казахстанской правде».

— Ну так давайте!

— Пока мы передадим текст, пока оплатим, пройдёт не один день... А нам не хотелось бы оказаться последними...

То есть последними в списке соболезнующих.

Посмотрел потом «Казахстанскую правду». Соболезнования в ней президенту банка шли больше недели: от всех его областных филиалов, от других столичных банков, от фирм-партнёров, от крупных предприятий-клиентов.

Так у нас даже смерть превращают сегодня в фарс.

14 декабря

Читал вчера конкурентов. «Новое время» объявило свой тираж — 26400 экземпляров. Не знаю, можно ли ему верить, но это уже больше, чем у нас во вторник и в субботу (23200), но меньше, чем в четверг (29700). Рекламных полос у нас шесть, а у них десять, правда, и реклама у нас стоит дороже.

Что же до содержания, то местная «событийная» часть у нас получше, побогаче будет. Что не удивительно. У них больше «развлекаловки» — кроссворды, сканворды, притом простенькие (разгадаешь такой и чувствуешь себя весьма умным), анекдоты, перепечатки, «обнажёнка».

Мне не вполне понятен секрет популярности газет такого рода. Понятно, что времена изменились, и газета перестаёт быть «коллективным пропагандистом, агитатором и коллективным организатором», но какую-то пищу для ума она должна давать.

Наверное, надо смириться с тем, что часть людей уже не воспринимает «серьёзную» (иногда даже чересчур) прессу, им надо нечто менее официальное, с «развлекаловкой» и желтизной. Мы же всё сеём «разумное, доброе, вечное...». Конечно, через статус «ЗП» не перепрыгнешь — мы не можем целую первую полосу занимать рекламой или дать голую бабу на всю страницу, но «чтово» можем и должны давать. Хотя и тут мнения расходятся: я, к примеру, считаю, что это должно быть качественное чтово, а многие в конторе со мной не согласны, говорят, не стоит бояться самой

обычной «развлекаловки». С.П. Шевченко считает, что в «ЗП» стало слишком много национально-патриотического, что тоже отталкивает некоторых читателей, тоскующих по бывшему Союзу и, скорее, отождествляющих себя с Россией, нежели с Казахстаном.

Набирает обороты и голышкинская «Версия» По содержанию как будто ничего особенного, но зато безошибочно найдена читательская ниша. Народ уже приучили к тому, что, если в телевизионных новостях никого не убили, ничто не взорвалось и т.д., то это и не новости вовсе. Требуются всё новые и более сильные «страшилки», и на этом тоже играют наши конкуренты. И нам тоже надо находить свою линию в этом меняющемся мире спроса и предложения и разумно корректировать содержание газеты в зависимости от обстоятельств. Задача гораздо более сложная, чем может показаться, потому что очень часто мы не вольны в своих действиях.

Зато никому не напишут такого письма, которое принесли мне сегодня: «Я подписался на «ЗП» на весь 1998 год, потому что люблю свою «Звёздочку». У меня два брата уехали в Германию, а я не уезжаю, потому что всегда хочу видеть свою «Звёздочку». В газете ничего не пропускаю. Д.Д. Вагнер, г. Аксу».

Как говорится, и смех, и грех... Не исключено, впрочем, что столь проникновенное письмо написано с дальним прицелом — редакция проводит розыгрыш призов для подписчиков, вот наш читатель и решил «подсуетиться» подобным образом, чтобы обратили на него внимание.

* * *

Добываю деньги на новую книжку Ольгиных стихов. Пока что не очень получается.

15 декабря

Расшифровал и опубликовал часть диктофонной записи В.Н. Васильева, в которой он рассказывал мне о своём брате поэте Павле Васильеве. Виктор Николаевич, наверное, последний из живых, кто слышал, как читает стихи Павел. Может, поэтому ещё и сам их великолепно декламирует, ту же «Тройку», например. В.Н. цитировал мне и шутливо-иронические стихи Павла, на которые тот также был мастер.

Вот строки, посвящённые деду, сочинённые Павлом буквально мигом, в присутствии героя:

*Когда не знал я счёта лет
И не носил подштанников,
Стегал меня верёвкой дед —
Матвей Васильич Ржанников.*

А вот дерзкое посвящение М. Горькому, ревниво следившему за моральным обликом молодых поэтов:

*Выпил бы я горького,
Да боюсь я Горького —
Горького Максима...
Эх, невыносимо!*

* * *

По моей просьбе принесли таможенную распечатку торговых партнёров области. В ней страны всех континентов, за исключением, правда, Антарктиды. И хотя львиная доля нашего экспорта-импорта приходится на Россию и другие страны СНГ, в списке также фигурируют большинство стран Западной Европы, США, Япония, Китай, Турция, Иран, Афганистан, Израиль, Иордания, Алжир, Тайвань... А также такие экзотические

государства, как Буркина-Фасо, Камерун, Лесото, Руанда, Эквадор, Багамские острова, Доминика, Уоллис и Футуна, французская Полинезия, Сан-Марино... За границу отправляем главным образом сырьё: уголь, ферросплавы, галлий, но также и тракторы, пшеницу, пищевой спирт. А к нам везут продукты питания, автомобили, оборудование, одежду.

* * *

Масса читательских писем пришла в редакцию после того, как мы объявили предновогоднюю лотерею для подписчиков с розыгрышем призов. Публикуем сегодня их обзор, подготовленный Людмилой Гришиной. В этих письмах столько добрых слов, адресованных нам.

* * *

Замечательно трогательные воспоминания моей землячки Б. Камбарово́й о том, как она жила в семье Демиденко в «Весёлой роще», что по соседству с нашим «Михайловским». Её дед с бабушкой твёрдо решили, что учиться внучка должна в русской школе, хотя русского она совсем не знала. Обстановка в доме была такой, что она очень скоро стала называть Антонину Петровну мамой, а Егора Андреевича папой, потому что так называли их собственные дети. В этом доме она никогда не чувствовала себя чужой и до сих пор считает чету Демиденко своими вторыми родителями.

Безусловно, у Бахыт Камбарово́й есть литературный дар, особое поэтически-художественное восприятие действительности. И хотя пишет она не без ошибок, читать её тексты для меня всегда большая радость.

16 декабря

День независимости. Главные торжества впервые проходят в новой столице. Там праздник, а в большинстве сёл нашей области свет дают на несколько часов в сутки.

Н.А. Назарбаев издал указ о создании национального благотворительного фонда, призвав перечислять в него деньги. Он сам и премьер-министр уже сделали это.

Дело, вроде, хорошее, и перечислять деньги будут, но у меня эта очередная пропагандистская шумиха вызывает смешанные чувства. Сначала надо было довести огромную массу людей до нищенского состояния, чтобы потом заняться благотворительностью... В то время как часть сограждан уже едва ли не купается в роскоши, при том, что никого из власть имущих не интересует происхождение капиталов новых хозяев жизни. Может, потому и не интересуется, что они чаще всего заодно?

* * *

Был на барахолке, встретил одноклассницу, с которой мы не виделись несколько лет. Торгует китайским ширпотребом — это называется «брать под реализацию». Я её сразу даже не узнал: этакая бабища в тёплых штанах, «дутым» пуховике... А была одной из самых красивых девчонок в нашем классе.

Обычная, в общем, история. Предприятие, на котором она проработала лет пятнадцать и была не последним человеком, развалилось, другой работы не нашлось и теперь торгует. Покупателей мало, стало быть, и выручки тоже. На улице в тот день было под 30 градусов мороза.

Шёл с барахолки домой в растрёпанных чувствах, бросилось в глаза объявление — крупно, через трафарет, текст: «Секс на дому: круглосуточно». Указан точный адрес, кроме, почему-то, телефона.

Так и не понял, что это — действительно рыночная «услуга» или просто чья-то месть кому-то?

18 декабря

Бывший советник российского президента Сергей Станкевич, ставший известным на первом съезде народных депутатов СССР, скрывается от российского суда в Польше. На родине его обвиняют в получении взятки в 5,5 тысячи фунтов стерлингов «за содействие в организации концерта на Красной площади». Было это ещё в 1992 году, когда Станкевич работал одним из заместителей мэра российской столицы.

Поляки Станкевича, разумеется, не выдали. Хотя и россияне хороши — спохватились пять лет спустя.

* * *

Начальник Павлодарской археологической экспедиции, неугомонный В.К. Мерц вновь уверяет в нашей газете, что в Экибастузском районе, неподалёку от посёлка Шидерты, найдены следы стойбища древних охотников и скотоводов. Это стойбище времени строительства египетских пирамид. И таких древних сокровищ, пишет Мерц, наша павлодарская земля хранит великое множество, но до них пока никому нет дела.

* * *

Б.В. Исаев, возглавляющий благотворительный фонд области, действующий с 1994 года, вывел его в число лучших в республике. Только за первые два года в него было собрано более 70 миллионов тенге, и тут свою роль, конечно, сыграл высокий авторитет Исаева. Большая часть этих средств ушла на благотворительные цели.

В связи с указом Н.А. Назарбаева о создании общенационального фонда по поддержке малообеспеченных граждан Б.В. Исаев вновь обращается через нашу газету к павлодарцам с призывом помочь фонду.

20 декабря

Опять большие перемены. Нашего акима области Д.К. Ахметова переводят акимом Северо-Казахстанской области, а к нам назначен Г.Б. Жакиянов. Любопытно, что примерно с полмесяца назад мы опубликовали большое интервью с Д.К. Ахметовым и вынесли в заголовок его слова: «Вне Павлодарской области я себя не мыслю».

В том, что делается, на первый взгляд логики мало. Зачем строителя-промышленника Ахметова «бросают» на преимущественно сельскохозяйственную область с лежащей на боку «оборонкой», которая (т.е. «оборонка») вряд ли вообще способна подняться? Г.Б. Жакиянов, хоть и прослыл реформатором, также не стяжал себе славы на посту акима Семипалатинской области. Зато, правда, проявил характер — подавал в отставку с поста акима, не согласившись с выводами правительственной комиссии, критически оценившей работу его команды. Но президент его «не отдал», назначив какое-то время спустя руководителем Агентства по контролю за стратегическими ресурсами. В последнее время Жакиянов был нештатным советником президента.

Кто-то считает, что за «большой рокировкой» стоят политические цели: президенту надо было сохранить бывшего акима Северо-Казахстанской области немца В.К. Гартмана, получившего назначение на аналогичную должность в Акмолинской области. Кто-то за всеми этими решениями видит новую волну передела собственности.

Может быть, больше всего не повезло нашему теперь уже бывшему акиму, считавшемуся патриотом области, находившемуся, как многие не без основания считали, в фаворе у президента, и получившему теперь не лишком престижный и подзапущенный регион.

Дела, конечно, и у нас не блестящи, но по сравнению с североказахстанскими,

бесспорно, куда более благополучны.

Помимо прочего, Д.К. Ахметов достаточно лояльно относился к «ЗП», и у нас с ним сложились вполне нормальные отношения. Что будет дальше — большой вопрос. Ведь новая метла всегда метёт по-новому, а Жакиянов, хоть наверняка и запомнил меня по встречам в Семипалатинской области, может иметь на редакторский пост совсем другие виды. Лёня Резников, редактор из Семипалатинска, с которым мы ездили в Америку и основательно сдружились, сразу сам позвонил, успокоил: «Да не переживай ты, Жакиянов журналистов любит!». Журналистов, может, и любит, но не факт, что захочет иметь в редакторах бывшего члена бюро обкома партии, задававшего ему каверзные вопросы в Семипалатинске (было такое). Кстати, там на меня Жакиянов произвёл очень хорошее впечатление: молод, не зашорен, открыт для общения, обладает чувством юмора. Но на той встрече он был хозяином, желающим произвести благоприятное впечатление на гостей, среди которых был и я. А теперь он будет руководителем, у которого таких подчинённых, как я, пруд пруди. Хотя не думаю, что редакторский пост будет на периферии его внимания. Интересно, читал ли он мой материал по итогам той поездки «Реформы «по-семипалатински», вызвавший неудовольствие в нашей обладминистрации?»

А в ней страшный переполох, суета. Все ожидают своей участи. Одна из чиновниц простодушно призналась мне: мол, уже таблички на кабинетах меняем. Вот это оперативность, ведь не было ещё актива, на котором должны представить нового акима.

Говорят ещё, что президент дал своего рода квоту вновь назначенным акимам — они могут взять с собой трёх или четырёх высших чиновников. И, якобы, наш бывший аким увозит Никандрова, зама по социальным вопросам, Вербняка, первого зама акима Павлодара, и Набитовского, акима Ильичёвского района, в прошлом бизнесмена. Соответственно, придётся также уйти, уступив место «жакияновцам», некоторым другим нашим чиновникам высокого ранга.

Любопытно, что даже некие высшие силы как будто противятся всем этим переменам: двое суток бушует буря, не давая возможности президентскому самолёту добраться до пунктов назначения. Ну да что нам, не знающим преград ни в море, ни на суше, какая-то погода!

22 декабря

В субботу нас собирали на заседание актива два раза. Первый раз проболтались около двух часов и были отправлены восвояси. Второй раз велено было прибыть к 15 часам, а началось собрание областного актива около пяти вечера. Шло оно всего 20 минут.

Наш бывший аким выглядел отчасти расстроенным, отчасти растерянным, хотя и пытался скрыть это. Н.А. Назарбаев поблагодарил его за работу (без всяких, кстати, оговорок) и заметил: для того, чтобы руководить сельскохозяйственной областью, совсем не обязательно самому быть агрономом, важнее быть хорошим управленцем, а именно таковым показал себя Д.К. Ахметов.

Г.Б. Жакиянов произнёс свою вступительную речь на казахском языке, переводя её затем на русский. Кроме обычной в таких случаях благодарности президенту новый аким сказал, что будут востребованы все, кто показывал и покажет себя профессионалами.

Уходя домой, обратил внимание на роскошную ковровую дорожку на ступеньках облминистрации и на одинокую фигуру аксакала — отца Д.К. Ахметова, как будто всеми забытого в вестибюле.

В тот же день состоялись аналогичные собрания с участием президента в Петропавловске и Акмоле, на которых были представлены новые акимы регионов Д.К. Ахметов и В.К. Гартман.

23 декабря

Несколько дней назад неизвестные украли пятидесятикилограммовую бронзовую звезду, украшавшую памятник Победы с Вечным огнём. Мародёров-отморозков не нашли. Может быть, это были те самые, кто изуродовал несколько плит с фамилиями погибших на войне, которые установлены здесь же, в парке Победы.

И в эти же дни ограблена православная церковь в Павлодаре. Украдены серебряные крестики, деньги, собираемые на строительство нового храма.

Поскольку злоумышленников теперь вряд ли найдут, только на то и остаётся уповать, что Бог их накажет.

24 декабря

Вчера заходили (каждый сам по себе) П.А. Побережников и П.И. Бородихин. Пётр Арсентьевич жаловался: его Кирилловне (жене) стало хуже, почти не встаёт, горбик растёт... П.А. теперь сам готовит, убирает, стирает. Говорит: «Уставать стал, иду и чувствую — отяжелел... И то сказать — уже за семьдесят... А не хочется стареть!».

П.И. Бородихин как будто ссохся весь, зарос седой щетиной, и даже рот у него запал... Говорит: «Помирать собрался... И чувствую себя плохо, и особого смысла жить не вижу...». Успокаивал его, успокаивал, а нужных слов не находил. Пообещал разобраться с какими-то его материалами, которые мы не опубликовали.

* * *

В последнее время уменьшился поток рекламы в «ЗП», что для нас смерти подобно. Но процесс этот вполне закономерен: появились новые газеты, которые явно «демпингуют» на рекламном рынке (то есть дают рекламу по заниженным ценам, отбивая таким образом клиентов у нас). Есть уже и газета бесплатных объявлений, то есть борьба на рекламном рынке идёт жестокая, беспощадная. Мы держимся за счёт высокотиражного (по нынешним, разумеется, временам) «толстого» четвергового номера и за счёт того, что выходим также во вторник и в субботу, в то время как все остальные газеты — еженедельники.

25 декабря

Джафару Джафаровичу Махмутову присвоено звание почётного гражданина Павлодара. Вот уж кто действительно заслужил! Возглавляемое им трамвайное управление, несмотря ни на какие кризисы, работало и работает как часы. А трамвай в Павлодаре по-прежнему самый надёжный вид транспорта. Впрочем, об этом я уже упоминал не единожды.

* * *

Прочитал в «Караване» — как рекламируют себя предприятия сферы услуг в Таразе. Ресторан: «Приглашаем гостей. Свет и тепло гарантируем!» Тепло имеется в виду не со стороны обслуживающего персонала, а натуральное, так сказать... А вот баня: «Низкие цены. Свет и пар гарантируем!». Тут вовсе комментариев не требуется.

Да, какое время — такая и реклама.

* * *

Нашёл в старой «Советской России» забавное четверостишие:

*«Готовят новые расправы
Для наших дедов и отцов
Два друга — рыжий и кудрявый
По имени Чумцов».*

Чумцов — этой Чубайс и Немцов, реформаторы команды Ельцина.

* * *

В прошлом году в Костанайской области покончили жизнь самоубийством 376 человек. Десять лет назад, в 1986 году, самоубийств было в десять раз меньше...

26 декабря

Записываю, записываю — едва ли не ежедневно — в надежде, что всё же возьмусь за книгу о смутном времени, в котором мы живём. И всё время думаю: а надо ли это кому-нибудь будет?

Добавление из 2010 года. Когда читал эти строки, готовя вёрстку третьей книги «Хроники», позвонил В.Р. Гундарев и шуточно заметил: «А ты, оказывается, фальсификатор...». Суть дела: ему написал известный учёный-аграрий Мехлис Сулейменов и в изящно-ироничной форме обратил внимание редактора «Нивы» на допущенную мной неточность. Привожу это письмо, опуская несущественное: «В «Ниве» наткнулся на интересную деталь в «Хронике смутного времени» Юрия Поминова. На стр. 70 он написал: «Запомнилась одна фраза, приписываемая Олжасу Сулейменову: «Образовался тонкий слой толстой буржуазии». На самом деле эту фразу сказал я. Павлодарский депутаты Елисеев и Галенко не могли приписать её Олжасу, так как они слышали её от меня. Есть два варианта. Первый: в записках осталась только фамилия Сулейменов, и Поминов, не будучи уверен, какой это Сулейменов, написал, что фразу приписывают Олжасу. Второй: в записках была фамилия Мехлис Сулейменов, но Поминов подумал, что тут какая-то путаница, мол, не мог агроном выдать такую фразу, и, вероятно, депутаты что-то напутали. И внёс свою поправку в виде «приписываемую Олжасу». То есть, фразу в 1994 году сказал Мехлис, но Поминов через 16 лет приписал её Олжасу, которому она больше к лицу. Поминов может всё уточнить у Елисеева или Галенко, если они в Павлодаре. Или у того же Олжаса.

С приветом, Мехлис Сулейменов».

Поскольку дело было давно, я действительно не помню подробностей, однако решительно не согласен с тем, что не зная — какой именно Сулейменов выдал эту образную и очень точную формулу — я тогда подумал, будто «не мог агроном выдать такую фразу». Потому что уже тогда хорошо знал, кто такой Мехлис Сулейменов, следил за его публикациями и интервью, явно выбивающимися из общего ряда, призывающими отказаться от стереотипов в земледелии.

Как бы там ни было, признаю свою ошибку и пусть с опозданием в 16 лет хочу восстановить законное авторство Мехлиса Касымовича. Сожалею, что мы не знакомы лично, но я давно испытываю к нему глубочайшее уважение.

27 декабря

Н.А. Назарбаев выступил на республиканском совещании акимов. Публикуем его речь под заголовком «1998 год должен стать годом начала реализации стратегии «Казахстан-2030». В ней кроме изложения первоочередных задач президент, сославшись на получаемые им письма людей,

жёстко прошёлся по акимам всех уровней: «...Не стеснясь, строят себе роскошные особняки, ездят на дорогих машинах, раздают места во власти своим родственникам, захватывают вместе со своими приближёнными лучшие земли...».

Н.А. подчеркнул, что спрос с акимов отныне станет более жёстким, в том числе и за их моральный облик.

28 декабря

Премьер-министр Н.У. Балгимбаев высоко оценил новый образец павлодарского трактора, представленный на выставке в Акмоле вместе с другой техникой. Этот опытный образец изготовлен по германской лицензии на Костанайском заводе двигателей.

Надо будет поподробнее узнать, что это за трактор, чем отличается от других наших опытных образцов.

29 декабря

Вырвался на день в Железинку, чтобы поздравить Лихановых с Новым годом. Давно не был у них и теперь сам увидел, каково это — жить во тьме. Приехали мы вечером, уже темнело. Света нет, а к электричеству в их доме «привязан» и водопровод. Уже к ночи свет появился, но только в части Железинки, а у Лихановых и многих других его не было до утра, вернее, до обеда. То есть часто его не бывает целые сутки, потом на несколько часов включают, и снова жди...

Дом у Лихановых много лет отапливался централизованно, в последнее время всё хуже и хуже. Не надеясь на котельную, зять Николай установил мини-котёл для подогрева. Сжигает в сутки до пяти вёдер угля, и всё равно в доме прохладно.

Бывший совхоз «Железинский» продолжает скукоживаться. Коров (оставшихся) ещё доят, но молоко не отправляют на маслозавод, а раздают людям в счёт зарплат. Типовая мастерская, где прежде работали десятки людей и готовили зимой тракторы и комбайны, практически бездействует. Будут ли сеять весной, чего и сколько — неизвестно.

В моём родном «Михайловском» предпринимают героические усилия, чтобы не разморозить школу. В нескольких классах наскоро соорудили печи и топят их углём, а трубы вывели в окна.

В «Озёрном», «Советском Казахстане» школы разморожены, ученики через пень-колоду занимаются в других помещениях, кое-как приспособленных для этой цели.

«Село уже кончили, — в сердцах сказал мне знакомый железинский журналист, — теперь очередь за райцентром...». Но если в райцентре свет дают хотя бы на несколько часов в сутки, то в большинстве сёл царит полная беспросветность — и в прямом, и в переносном смыслах. Сколько лет понадобится, чтобы восстановить порушенное? Можно ли вообще будет восстановить всё, что было?

Ну выдадут микрокредиты беднейшим — по 400 долларов. Что можно сделать на эти деньги? Говорят, объединяйтесь, кооперируйте капиталы... Как можно всё это воспринимать всерьёз?

Мылись у Лихановых в бане при свете керосиновой лампы, а парился я и вовсе в полной темноте. Живут Лихановы по большей части натуральным хозяйством, благо сено и зерноотходы не покупные, их Николаю выдают вместо зарплат. Какие у них могут быть радости в жизни?

* * *

Из коридоров новой власти ни слуху ни духу. Все там затаились, ожидая первых кадровых решений акима области. Нас тоже пока не трогают —

видно, не до нас. Но перемены, конечно, будут. Всё же Ахметов и Жакинов — очень разные люди.

31 декабря

Вот и ещё один год прошёл-пролетел. Был он для нашей семьи всякий, но больше хороший. Обошлись без серьёзных болезней, Димка стал студентом, а Пашка поступил в элитную школу. Ольга написала новую книжку, а Данька её оформил на компьютере, и она уже на выходе, деньги я добыл...

Приехал на праздники Димка из Омска. Все в сборе, готовим праздничный стол.

Вместо послесловия

Готовя этот том «Хроники» к печати, подумал: уж очень буднично он заканчивается. Как, впрочем, теперь уже и вся «Хроника смутного времени» — противоречивого и, наверное, самого драматического десятилетия нашей новейшей истории.

Некоторые из тех, кто уже успел ознакомиться с третьим томом, а это требовательные и доброжелательные мои читатели, говорили мне, что им нелегко давалось чтение — настолько тяжёлые и беспросветные описываются времена. Они предполагают, что некоторые другие читатели по этой причине тоже не станут читать книгу.

На это я могу сказать лишь одно: конечно, мне очень важно, чтобы она была прочитана. Что же до тягот нашей жизни, которая уже стала историей, то описывал я её такой, какой она мне в ту пору виделась, и так, как я её чувствовал. Наверное, мне не хватало масштабности мышления и социального оптимизма, чтобы заметить, как закладывается фундамент грядущих добрых перемен, по достоинству оценить многосложную работу архитекторов политических и экономических реформ... Может быть, я ещё чего-то не увидел, не понял, не осознал и не запечатлел. Но тут поделаться ничем не могу: «кочка сидения» определяла точку зрения. Что написано — то написано, и менять я ничего не буду. Напомню лишь то, что уже говорил в предисловии к первому тому: я не судья и не адвокат описываемым событиям, а также многочисленным героям «Хроники». Я лишь свидетель, хотя и не беспристрастный.

Сошлюсь ещё на А.С. Пушкина:

*«...В уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слёзы лью,
Но строк печальных не смываю».*

Можно ли сказать лучше!

Я благодарен всем, кто откликнулся на мою «Хронику»: и тем, кто поддержал эти записки, и тем, кто их за что-то критиковал. А тем читателям, кто спрашивал меня (подчас не без иронии): «Что дальше? Когда у тебя закончится «смутное время?» — отвечаю: «Хронику смутного времени» я третьим томом завершил. А что будет написано дальше — я пока и сам не знаю. Может быть, это будут просто «Записки», может, что-то ещё... Поживём — увидим.

г. Павлодар.

Куаныш АЛПЫСБЕКОВ,
председатель совета ветеранов г. Астаны

На заре независимости

Каждый человек в повседневной жизни про себя подмечает, что время бежит неумолимо, час за часом, день за днём. Таким образом складываются года и десятилетия. Сменяются поколения людей, из их судеб создаётся история страны.

И вот как-то незаметно для нас настал год двадцатилетнего юбилея независимости родного Казахстана. Подобный юбилей в этом году отмечается и во всех других государствах, образовавшихся на территории бывшего Советского Союза.

За эти годы все пятнадцать республик заняли в мировом сообществе своё достойное место. Их суверенитеты признаны практически всеми государствами мира, все они стали членами Организации Объединённых Наций. Все они, за исключением прибалтийских республик, объединились в Содружество Независимых Государств. Правда, позже Грузия приостановила своё членство в СНГ.

Казахстан стал членом региональных международных организаций, таких как ЕврАзЭС, Шанхайской организации сотрудничества, Исламской конференции, Таможенного союза и других. В становлении своей независимости Казахстан и страны СНГ проделали за этот период то, на что другим государствам понадобились столетия. Эти бурные события прошли через судьбы буквально всех граждан этих республик. Думаю, что у каждого человека моего поколения есть что вспомнить из тех лет, полных драматизма и трудностей в созидании нового общества. Многим тогда казалось, что молодые государства не выдержат тех колоссальных испытаний, с которыми они столкнулись в ходе самостоятельного движения в суверенном статусе.

В этом была немалая доля истины. Ведь за многие десятилетия жители бывших царских окраин, а затем после революции – союзных республик, привыкли к тому, что все вопросы политики и экономики решались в Москве. Это порождало не только иждивенчество, но и неумение, а порой и нежелание самостоятельно действовать и мыслить. Дескать, всё равно последнее слово будет за Москвой. Поэтому люди по любому поводу, в том числе и для справедливого решения своих вопросов, обращались в Москву. Она особо не поощряла подобный способ решения проблем, но и не препятствовала ему. К тому же такие обращения давали Центру лишний повод одёрнуть руководящие кадры на местах, а также в очередной раз показать их неспособность правильно и грамотно решать вопросы. Это была тактика центральных органов власти, которая позволяла держать в узде союзные республики. Люди ещё больше утверждались в своём убеждении, что если хочешь справедливости – обращайся в Москву. При этом во многих случаях это было надёжным инструментом расправы с неугодными

кадрами. В те времена государственными органами очень внимательно и скрупулёзно рассматривались анонимные письма, их называли «сигналами с мест». Нечистоплотные люди знали, что можно не называя своего имени, бездоказательно очернить руководителя, не понеся за это никакой ответственности. Люди моего поколения могут привести сколько угодно случаев, когда таким образом расправлялись с толковыми людьми.

Считаю, что непредвзятый и объективный рассказ моих ровесников о событиях не такого далёкого прошлого будет способствовать тому, что молодое поколение получит правильный ориентир в жизни, и даст ему возможность самостоятельно оценить судьбы своих отцов и дедов в тоталитарном государстве.

За годы независимости выросло уже новое поколение людей, не знающих о недавнем прошлом своей страны. Мы же были не только свидетелями, но и непосредственными участниками этих событий, тех изменений и реформ, которые во многом затронули каждую семью, каждого жителя республики. В то время это был не просто механический выход из состава Советского Союза, а практически – его развал. До этого все мы жили в едином государстве, составляющем одну шестую часть суши земного шара. Не стало не только сверхдержавы, но и существовавшей тогда общественно-политической системы. Вместе с ними ушла в небытие и Коммунистическая партия Советского Союза – определяющая и направляющая сила в экономике, политике, безраздельно владевшая поведением, сознанием и умами всех граждан. И это было сделано на наших глазах, при этом надо отметить: на свалку истории ушло не только всё ненужное для строительства нового общества, но, к сожалению, и многое полезное, что было наработано в старой жизни.

К концу 80-х годов становилось всё тревожнее за судьбу Советского Союза и социалистической системы в целом. Отставание от развитых капиталистических стран по многим параметрам человеческой жизни катастрофически нарастало. Это стало невозможно скрывать от советских людей, так как «железного занавеса» уже не существовало. Восточная Европа бурлила, бывшие социалистические государства здесь один за другим решали свои судьбы уже самостоятельно.

То, что идеологически выглядело безупречным, на практике оказалось невыполнимым. Марксистско-ленинская теория построения коммунизма превратилась в красивую утопию. Общественная собственность на средства производства, государственное планирование на деле не давали ожидаемого эффекта. Социалистическая экономика буксовала, с годами её недостатки приобрели хронический характер. При этом вожди партии на съездах КПСС убеждали народ об очередных победах социалистической системы. Однако люди видели, что поступательное движение вперёд отсутствует. Космическая держава не обеспечивала свой народ простейшими товарами народного потребления. То, что производилось, заметно уступало по качеству зарубежным аналогам, что вызывало справедливое возмущение и недовольство населения. Это уже хорошо осознавали крупные учёные-экономисты страны: социалистическая форма хозяйствования не выдерживала конкуренции с рыночной, в которой всё определяли

спрос и предложение.

В те времена очень популярными были комиссионные магазины. Люди, имеющие возможность ездить за границу, выставляли здесь на продажу купленные в поездках товары. Несмотря на высокие цены в этих магазинах, те, у кого были деньги, всё равно быстро раскупали иностранную электронную технику, одежду, обувь и другой ширпотреб. В первую очередь «улетали» вещи, популярные среди молодёжи: японские магнитофоны и фирменные джинсы.

Ко всему прочему с прилавков магазинов постепенно стали исчезать и вскоре превратились в острый дефицит мясные и молочные продукты, фрукты и овощи, даже спиртные напитки. Помнится, как в Москву в выходные дни приезжали жители близлежащих областей и скупали всё, что лежало на прилавках продуктовых магазинов. Это сильно раздражало жителей столицы.

В такой ситуации лидерам оппозиции не составляло большого труда выводить на главные площади Москвы, Ленинграда и других крупных городов многотысячные толпы недовольных людей. На ускорение процесса непосредственно повлияли и съезды народных депутатов СССР. Буквально всё население страны не отходило от экранов телевизоров, по которым шла прямая трансляция с заседаний в Кремлёвском Дворце съездов. Это стало своего рода общенациональным шоу. Работая в ЦК КПСС и курируя Северо-Западный регион РСФСР, я был непосредственным участником этих заседаний народных депутатов. В то время, особенно в конце 1990 и в начале 1991 года, мне, практически еженедельно, приходилось выезжать в Ленинград. Здесь на Дворцовую площадь местный Народный фронт выводил на демонстрации сотни тысяч горожан. На аппаратных совещаниях в ЦК КПСС уже стали поговаривать о работе партии в нелегальных условиях. Всё это было сигналом о приближающемся конце Советского Союза. Но что это случится так легко и стремительно, никто не предполагал. Ведь совсем недавно был проведён референдум, на котором советские люди проголосовали за Советский Союз, и предполагалось, что представителями республик будет подписан новый союзный договор.

По всей стране, как гром среди ясного неба, прозвучала весть о том, что в Беловежской пуще руководители трёх славянских республик – РСФСР (Б.Ельцин), Украины (А.Кравчук) и Белоруссии (С.Шушкевич) подписали соглашение, в котором от имени своих республик заявили о выходе из состава Советского Союза. Затем последовал указ Ельцина о запрете Коммунистической партии. Так просто и обыденно завершилось существование великой страны – Советского Союза, и началась новая эра для пятнадцати новых государств, неожиданно для себя получивших независимость.

В общественном сознании укоренилось мнение, что виновниками развала Советского Союза являются М. Горбачёв и Б. Ельцин. По моему глубокому убеждению, крах СССР имеет объективные причины, а ход истории – свою закономерность. Вышеуказанные лидеры в борьбе за власть лишь ускорили этот процесс. Причём надо отдать им должное за то, что дело не дошло до гражданской войны. Всё произошло мирно. Каждый раз

Горбачёв подчёркивает, что он осознанно не допустил кровопролития. Мне думается, что это на самом деле так и есть. Горький опыт трагических событий Алма-Аты, Тбилиси и Вильнюса, где были использованы вооружённые силы для подавления народных волнений, не прошёл для него даром. Тогда за эти действия он получал немало упреков у себя дома и за рубежом. Таким образом, мечта многих поколений народов советских республик получить свободу и независимость внезапно и неожиданно стала реальностью. Хотя Конституция СССР и декларировала право наций на самоопределение, вплоть до отделения, все знали, что это было практически невозможно. По этой причине многие республики, особенно центральноазиатские, не спешили объявлять о своём суверенитете. А вдруг всё вернётся обратно? Прибалтийские же республики воспользовались возможностью выхода из Советского Союза незамедлительно. Украина, Белоруссия, Молдавия и закавказские республики сделали это чуть позже.

Как известно, сохранить суверенитет бывает ещё сложнее, чем его получить. Здесь, конечно, большие трудности ожидали все республики. Объективности ради надо отметить, что многое зависело от позиции России, которая в своё время объединила всех.

Казахстан к моменту развала СССР оказался самым сложным регионом в силу сложившегося здесь национального состава. Он был единственным среди пятнадцати субъектов СССР, где коренное население оказалось в меньшинстве. По итогам последней переписи в республике проживало менее 30 процентов казахов. Поэтому, чтобы несколько сгладить ситуацию, советская пропаганда преподносила Казахстан как лабораторию дружбы народов. Казахстанцы гордились этим обстоятельством. Теперь же большинство населения республики оказалось волею судьбы за пределами своей исторической Родины. Вчера ещё они были гражданами единой страны и чувствовали себя комфортно. Слова известной в своё время песни «Мой адрес не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз» – теперь звучали как издевательство. Как тут не растеряться и правильно определиться с будущим? Даже самый неисправимый интернационалист вынужден был вспомнить о своей национальной принадлежности.

Не будет преувеличением, если скажу: все мы стали мгновенно другими.

Быстрыми темпами, иногда люди даже не успевали это осмысливать, начался демонтаж привычных устоев жизни. Происходившие изменения вызывали бурный восторг одних и глухой протест других. Неоднозначно воспринималась замена «серпастых и молоткастых» на национальные паспорта, советских рублей – на казахстанские тенге. Были приняты новые флаг, герб, гимн. Особенно болезненным для представителей некоренной нации стало внедрение в качестве государственного – казахского языка. Все эти действия происходили на фоне массового оттока из республики миллионов русских, украинцев, немцев, белорусов и представителей других наций на свои исторические места. Дошедшая до стагнации ещё в советские времена экономика была развалена до самой низшей точки, разрушились товаро-денежные отношения. Пенсии и заработная плата

выдавались товарами и продуктами, вместо денег в ходу были уголь, мука, сахар, мыло, соль и другие товары. Это вызывало злорадство тех, кто не воспринимал суверенитет и происходящие изменения. В то время мало кто верил в перспективы новых государств.

Некоторые апологеты возврата к старому Союзу язвительно говорили: «Всё равно приползут обратно, там мы посмотрим, что с ними делать». Однако, как показал опыт двадцати лет, никто не приполз. Оказалось, что чувство свободы и независимости выше, чем державное. Образно говоря – тесная, неудобная, но отдельная квартира лучше просторной коммуналки.

Попытки реанимирования бывшего Союза не прекращаются и сегодня, однако идея создания союзного государства на новых условиях оказалась по нраву только России и Беларуси. Союз этих двух стран других не вдохновил, кроме критики друг друга ничего положительного, что заинтересовало бы другие страны Содружества, пока не видно.

Те процессы, которые происходили в Казахстане, были характерны и для других республик. Разница лишь в скорости перемен и результативности. Многонациональность была характерна для всех нас. Из России, Узбекистана, Туркменистана и из всех других республик за эти годы в Казахстан переселились сотни тысяч наших сородичей. И это вовсе не означает, что будто бы в этих республиках создавали невыносимые условия для казахов. Этот естественный процесс надо рассматривать по житейским меркам и не политизировать. Я никого не осуждаю за то, что в исторически сложный момент своей жизни многие покинули Казахстан и уехали на постоянное место жительства в свои национальные республики. И даже после такой массовой миграции людей всё равно Казахстан остаётся многонациональным. Здесь продолжают жить в дружбе и согласии представители более чем 100 этносов, и нам надо крепить единство и сплочённость людей разных национальностей и вероисповеданий.

Итак, Казахстан о своей независимости объявил последним из бывших республик Советского Союза в декабре 1991 года. Это событие застало меня на посту заместителя министра транспорта Казахстана. Сюда меня пригласили в апреле 1991 года из Москвы, где я был ответработником ЦК КПСС. Вновь образованное министерство, созданное ещё в феврале 1991 года, в советское время, должно было объединить все транспортные ведомства республики. На деле же вся эта работа шла сложно. До этого все транспортные ведомства были самостоятельными, и каждое из них входило в состав Совета Министров отдельно. Понятное дело, что объединение под одну крышу воспринималось руководителями этих ведомств, мягко говоря, болезненно. А некоторые из них открыто игнорировали новое министерство. Все эти руководители позиционировали себя как министров, одновременно они были депутатами Верховного Совета республики и членами ЦК партии. Особенно упорствовали руководители автомобильного и воздушного транспорта, другие без лишних слов следовали их примеру. К сожалению, эти руководители получали негласную поддержку и понимание в отделе транспорта Совета Министров республики, работники которого тоже не восприняли это новое ведомство. Небольшой аппарат

министерства был сформирован из опытных транспортников, но крайне малочисленные отделы и сектора по видам транспорта фактически не были способны перевести на рыночные рельсы транспортный комплекс молодого государства. Перед министром – Нигматжаном Исингариным и его заместителями стояла архисложная задача: в короткое время превратить аппарат в работоспособный и влиятельный орган государственного управления этой важнейшей сферой. Подобные министерства давно существуют в странах с рыночной экономикой и решают эти задачи. Нам как воздух нужен был иностранный опыт. В такой ситуации Исингариным было принято решение – надо выезжать и знакомиться с работой транспортных министерств зарубежных стран. Но как это сделать, если в бюджете ведомства на эти цели не было предусмотрено никаких финансовых средств? Нигматжан Кабатаевич выдвигает предложение – находить самостоятельно средства для поездки работников министерства в зарубежные страны. Благо что республику интенсивно посещали транспортные делегации многих стран, и они в ходе визитов любезно оставляли приглашения посетить их страны. И мы искали всякие способы нахождения денежных средств, кроме, естественно, криминальных и коррупционных, о чём всех строго предупредил министр.

Хочу вспомнить первую свою поездку за рубеж во главе делегации министерства в Германию. В эту поездку должен был отправиться министр. Но он по некоторым объективным причинам не смог выехать и поручил эту миссию мне. Приглашающая сторона знала о наших финансовых возможностях, поэтому министр транспорта ФРГ господин Краузе в своём приглашении оговорил условия: все затраты во время пребывания в Германии принимающая сторона берёт на себя. Нам надо было найти средства на транспортные расходы до Берлина и обратно. Исходя из этого, я начал формировать состав делегации.

В первую очередь, в эту важную поездку надо было пригласить самых подготовленных специалистов. Прежде всего, выбор пал на начальника отдела министерства Хайрата Карибжанова. Следующим членом делегации мы определили Виктора Вербицкого – генерального директора АО «Межавтотранс», осуществлявшего международные автомобильные перевозки. У этой организации были свои небольшие валютные средства. Четвёртым членом делегации должен был быть человек, владеющий немецким языком, поэтому я дал задание Хайрату найти такого специалиста в нашем аппарате. И он его быстро нашёл. Делегация была сформирована. Теперь надо было выбрать маршрут. Я собрал делегацию и обсудил с ней ситуацию с финансами и варианты нашего маршрута.

В первые годы независимости почти никто даже понятия не имел, что можно обменять рубли (казахского тенге ещё не было) на немецкие марки. Предприятия небольшую инвалютную выручку держали у себя в кассах.

В предприятии Вербицкого инвалюты тоже было немного. Её даже не хватало для приобретения нам билетов на поезд Москва – Берлин и обратно. И тут я вспомнил, что в Бресте работает заместителем председателя облисполкома мой однокашник по Академии общественных наук

Владимир Гетманчук. Объяснив ситуацию, я попросил по телефону своего белорусского друга забронировать четыре билета от Бреста до Берлина и обратно. Он так и сделал. Одновременно Вербицкий вспомнил, что у него есть партнёры в Германии, и он может договориться с ними, чтобы те на машине нас встретили на границе Белоруссии и Польши в Бресте. Таким образом, «план Барбаросса» – так шутя мы называли свою командировку в Германию, на наш взгляд, был решён до мельчайших подробностей. И вот мы на самолёте прилетаем в Москву, затем с Белорусского вокзала на поезде отправляемся в Брест. Там нас по договорённости встречает Владимир Николаевич Гетманчук. В разговоре с ним мы просим отвезти нас на границу с Польшей. Согласившись, тем не менее он посоветовал нам, на всякий случай, пока не отказываться от забронированных билетов на поезд. Это был праздничный день – 1 мая 1992 года. Подъехав к границе – ужаснулись. Перед нами было скопище автомашин, которые многокилометровыми вереницами ожидали перехода границы с той и этой стороны. Водители, озлобленные и измученные многодневным ожиданием перехода границы, с монтировками кидались на тех, кто хотел объехать без очереди. Зная эту ситуацию, мой друг предусмотрительно взял с собой майора милиции, иначе вряд ли мы добрались бы до границы. С великим трудом, преодолев все преграды, подъезжаем к зоне контроля. К большому сожалению, не обнаруживаем перед собой партнёров Вербицкого из Германии. Что делать? Решаем вернуться в город и оформить билеты на поезд. Но тут происходит неожиданное. Воистину, само провидение решило нам помочь. Пока мы обсуждали в приграничной зоне наши ближайшие перспективы, возле нас остановилась легковая машина. Из неё вышел какой-то военный и тепло поздоровался с Владимиром Николаевичем. Оказалось, что это начальник погранотряда, и он едет с польской стороны. Гетманчук объяснил ему, что вот, дескать, приехали из Казахстана друзья, и их должны были забрать немцы. В ответ пограничный начальник ему говорит, что на том берегу реки Буг, на польской стороне, какие-то немцы ожидают казахстанцев. У нас не было сомнений, что это наши немцы! Связаться с ними уже не было большой проблемой. Оказалось, что мы не ошиблись. Время шло к обеду. Мы возвратились в город отведать, что бог пошлёт. А бог послал – белорусское гостеприимство. Довольные, в хорошем настроении, в сопровождении милиции, пограничников и моего друга Володи Гетманчука пересекаем границу, затем они передают нас на другой стороне реки в польском городе Тересполь другу Вербицкого, Рихарду Байеру. Здесь, тепло попрощавшись с белорусскими друзьями, сев в автомашину немецкого друга «Мерседес-600» представительского класса, въезжаем в глубь Польши. К вечеру приехали в город Ополе и там заночевали в гостинице. Утром выехали в направлении Берлина. Тут надо внести ясность для освещения дальнейших событий. Мы ещё в Москве дали телеграмму в филиал министерства транспорта Германии в Берлин о том, что приедем в поезде Москва – Берлин, в вагоне № 10. После воссоединения двух Германий немцы в Берлине организовали филиалы всех министерств и ведомств. Нас должны встречать, поэтому необходимо было успеть приехать к прибытию этого поезда на вокзал в Берлине, иначе

разминёмся с немецкими коллегами. Времени, как нам казалось, было достаточно. В пути восторгаемся высоким качеством дороги, неожиданно для себя узнаём, что автобаны начали строиться в Германии ещё в 30-е годы прошлого столетия. Об истории строительства автодорог нам рассказал Рихард, отлично владеющий русским языком. Также было интересно узнать от него, что автодорога до госграницы Польши построена ещё в 1939 году. Не доезжая до Берлина километров 60, наш новый знакомый с горечью произносит: «Штау», что означает «пробка». Впереди нас виднелась многокилометровая колонна автомашин. Наше движение замедлилось, а затем и вовсе прекратилось. Время шло быстро, мы все устали и боялись не успеть приехать вовремя. Но благодаря огромным усилиям и водительскому мастерству Рихарда мы, наконец, подъезжаем к вокзалу. Тут видим, что и поезд одновременно с нами прибывает к перрону. Повыскакивали из машины и что есть духу мчимся к десятому вагону. К тому моменту все пассажиры уже вышли, а возле вагона одиноко дефилирует тучный здоровый немец. Рихард спросил у него, кого он ждёт. Оказалось, что нас, к его удивлению. На следующее утро нашу маленькую делегацию приняли в филиале министерства, где вручили программу пребывания в Германии. Там же были выданы деньги на проживание в гостинице в Бонне и на командировочные расходы. По программе в тот же вечер мы должны были вылететь в Бонн. Неожиданно для меня в ходе переговоров выяснилось, что наш «переводчик» практически «не шпрехает» по-немецки. У сотрудника нашего министерства так велико было желание выехать за границу, что он переоценил возможности своего уровня знания языка в объёме школьной программы. Таково было психологическое состояние многих людей бывшего Советского Союза. Действительно, все мы, жители страны «за железным занавесом», всегда мечтали побывать за границей, особенно в развитых капиталистических странах, таких как ФРГ. Сейчас понимая это, по прошествии времени у меня не осталось к нему никаких претензий. Но тогда, тем более в тех сложных обстоятельствах, мы все были сильно возмущены легковесным поведением своего коллеги, что открыто ему и высказывали. Если бы не Рихард Байер, ситуация для нас была бы более чем плачевной. Но тогда он одновременно был нашим гидом, переводчиком и хлебосольным другом. Без лишних слов добровольно взял на себя бремя шефствования до завершения нашего пребывания в Германии.

Несколько слов о нём. Рихард со своим близнецом Питером были владельцами автотранспортной фирмы, занимающейся перевозками гуманитарного груза из Германии и других западных стран в Россию и Казахстан. Название фирмы «Periba – Bayer – Bayer» означало Питер, Рихард Байер. Крупнотоннажные фуры «MAN» с символикой этой компании в те времена достаточно часто встречались на дорогах Казахстана. В ходе своей поездки мы посетили это предприятие в городе Бохум.

Итак, согласно графику наша делегация находится в аэропорту Шёнефельд в Берлине. Ждём рейсовый самолёт на Бонн, однако по техническим причинам вылет рейса задерживается. Мы узнали о том, что после объединения Восточной и Западной Германии утром и вечером между двумя столицами регулярно курсировал самолёт, который перевозил

государственных чиновников. Это было очень удобно. Но в нашем случае в авиалайнере обнаружили техническую неисправность. Через час гражданский самолёт заменили на... десантный самолёт бундсвера. Немецкие госслужащие на это среагировали бурным восторгом, да и мы тоже не огорчились. Ещё бы: летим на военном самолете НАТО, ещё год назад – военного противника Варшавского договора и Советского Союза. В ФРГ в это время бастовали транспортники, поэтому наш самолёт посадили на военном аэродроме, недалеко от Бонна, где нас встретил шеф международного департамента Минтранса господин Мюллер. Нас поместили в маленькой уютной гостинице «Парк отель». На следующее утро нашу делегацию принял министр транспорта ФРГ господин Краузе. При подъезде к министерству видим толпу людей с плакатами «Wir streiken», что означает: «мы бастуем». Оказалось, что на забастовку вышли авиаторы и железнодорожники, а также, к нашему удивлению, и технические работники самого министерства. Нам показалось, что бастующие транспортники получают удовольствие от своей акции. Они радостно улыбались всем и приветливо здоровались с коллегами – работниками министерства. Также дружески поприветствовали и нас. Тогда впервые мы стали свидетелями, как трудящиеся капстраны борются за свои социальные права.

Министр после короткого обмена приветствиями поручил заняться дальнейшей программой нашего визита сотрудникам управления по эксплуатации автобанов Германии. При этом он не забыл извиниться, что в стране проходят забастовки. В течение нескольких дней мы знакомились с деятельностью управления, к которому нас прикрепили. Немецкие коллеги показали нам весь дорожный цикл: от проектирования, строительства, затем приёмки и в конечном итоге – эксплуатации автомобильных дорог страны. Следует отметить, что автомобильные дороги Германии – это национальное достояние и гордость немцев. Нас поразили глубина и масштаб подхода к решению коммуникационных вопросов, имеющих стратегическое значение для практической реализации экономических и социальных задач страны.

В Германии мы постигли ещё одну истину – хорошие дороги нужны для хороших автомобилей. Поэтому один день посвятили знакомству с ещё одной гордостью немцев – автопромом. Для этого они повезли нас в маленький городок неподалёку от французской границы. Здесь расположен завод по сборке крупнотоннажных автомобилей «MAN». Мы обошли весь сборочный конвейер. После этого немцы предложили нам испытать только что собранную машину на полигоне завода. Тут Виктору Вербицкому пришлось доказывать, что он настоящий автомобилист. В кабину грузовика сели Виктор, испытатель завода и я. В результате мы дали свою личную высшую оценку автопрому Германии, а Вербицкий получил заслуженную похвалу заводчан за хорошее вождение автомобиля.

Когда мы были на приёме у министра, к нам присоединился сотрудник российского посольства. В то время казахстанской дипмиссии ещё не было, эти функции по договорённости наших правительств выполняли россияне, по существу они были советскими дипломатами. Он поставил нас в известность, что будет помогать нам, пока мы будем находиться на

территории Германии. Кроме того, от него мы узнали, что здесь ожидается визит премьер-министра Казахстана Сергея Терещенко. В последующем, в ходе нашей поездки он нашёл меня по телефону и сказал, что Сергей Александрович попросил нас вылететь в Алма-Ату вместе с ним на его самолёте. Вылет должен был состояться 9 мая из аэропорта города Мюнстер. Он находится недалеко от города Ганновер, где в это время проводится ежегодный автосалон. Совпало, что по программе пребывания наша делегация должна была его посетить. Поэтому мы отметили очередное своё везение и были очень рады этому.

В ходе ознакомления с работой проектировщиков, заказчиков, строителей и эксплуатационников автобанов мы убедились: в этой многогранной деятельности достойно представлены самые лучшие черты немецкого характера, такие как основательность, педантичность, скрупулёзное отношение к качеству труда, а также трепетная забота о природе.

Например, проектировщики нам рассказали, что, прежде всего, при прокладке автодорог максимально сохраняется окружающая среда, учитываются пути миграции диких животных и даже насекомых. На проекте новой дороги показали предусмотренные для этих целей трубы, а также другие искусственные сооружения. Такой детальный и тщательный подход обеспечивает высочайшее качество верхнего строения дорог и других инженерных сооружений.

Особое отношение уделяется безопасности движения автомобилей. Для этого предусмотрены дорожные развязки на разных уровнях, на всём протяжении автобаны огорожены, останавливаться на них можно только в аварийных случаях. На каждом километре пути установлены телефоны, а также дорожные знаки и указатели с исчерпывающей информацией. Дороги проведены в обход крупных городов и населённых пунктов. Там, где они проходят недалеко от них, можно видеть ограждения из шумопоглощающих щитов-стен. Короче, ездить по таким дорогам безопасно и комфортно. Такое личное впечатление мы вынесли от одного из национальных достижений немцев, которым они законно гордятся.

После посещения автосалона в Ганновере в назначенное время подъезжаем к аэропорту. К нашему изумлению, в этом аэропорту небольшого города имелись два терминала: внутренний и международный. По незнанию мы приехали к внутреннему терминалу и пока разобрались, вплотную подошло время отлёта. Подъезжая, на лётном поле увидели самолёт «Ту-134» с флагом Казахстана. Въехали в ворота аэропорта, и тут видим – самолёта на стоянке уже нет. Хорошо что приехали на представительской машине — охрана без лишних слов пустила нас на территорию аэропорта. Подъехали к стоявшей там группе людей. Они сказали, что самолёт уже вылетает. На наше счастье, у охраны была прямая связь с командиром экипажа. Я представился и попросил, чтобы связали с ним. Командир экипажа категорически отказался вернуть самолёт с взлётной полосы. Тогда я очень требовательно и в приказном тоне сказал, что мы задержались по уважительной причине, а также сообщил, что Терещенко об этом знает. В таком отчаянном порыве, а другого способа у нас просто не было, я возвратил самолёт премьера на взлётную полосу.

До сих пор удивляюсь, как удалось совершить такое. Самолёт подруливает к нашему автомобилю, и мы, как будто с барахолки, нагруженные громоздкими сумками, садимся в салон самолёта. Сопровождаемые неодобрительными взглядами Терещенко и членов его делегации, от стыда в тот момент нам хотелось провалиться под землю. Это был самый неприятный момент нашей поездки, полной неожиданностей и приключений. В общем, позор на всю Европу!

Но на этом наши приключения не закончились. В расстроенных чувствах сижу с ребятами в последнем салоне самолёта. После набора высоты ко мне подходит помощник премьер-министра Серик Тезекбаев и приглашает к Терещенко. Про себя думаю, что сейчас предстоят неприятные разборки. Хотя в своё время мы с Сергеем Александровичем были коллегами, вместе работали инспекторами ЦК Компартии Казахстана, однако на тот момент служебная дистанция между нами была огромна. С такими грустными мыслями подхожу к его салону. Захожу туда, а там накрыт стол. За ним сидят Тлеухан Кабдрахманов – в то время министр экономики, Анатолий Ботов – председатель «Казсельхозтехники», Берлин Иришев – президент АО «Алембанк». Виновником торжества оказался Берлин, который родился 9 мая 1945 года. Поэтому родители дали ему такое имя, и в день нашего полёта у него был день рождения. Так на высоте 10 тысяч метров над землёй мы отметили торжественную дату Берлина Иришева. Затем была посадка самолёта в 3 часа ночи на дозаправку в г. Уральске. Глава администрации области Нажметдин Искалиев не только организовал заправку самолёта, но, несмотря на глубокую ночь, устроил дружеский приём с бешбармаком. Вот с такими приключениями совершила первую зарубежную поездку делегация Министерства транспорта суверенного Казахстана, оттого все перипетии её до мелочей запечатлелись в памяти, я думаю, всех членов делегации.

На этом месте я должен сам себя поправить, потому что была ещё одна история, непосредственно связанная с суверенитетом республики.

Дело в том, что после обретения государственной независимости резко увеличилось число наших сородичей, желающих возвратиться на историческую Родину. Так уж сложилось, что они в разное время и по различным причинам оказались за пределами Казахстана. Как известно, этнические казахи проживают практически во всех государствах мира. Особая активность в стремлении вернуться к нам проявлялась у казахов, проживающих в Монголии. Так, в конце сентября 1991 года на границе России с Монголией скопилось около пяти тысяч казахов, желающих возвратиться в Казахстан. Поскольку у Казахстана с Монголией отсутствует общая граница, это был для них кратчайший путь до Родины. В связи с этим я, как заместитель министра транспорта, получил задание срочно выехать на границу в место их сбора. Получив необходимые полномочия от правительства, 2 октября вылетел в г. Усть-Каменогорск. Был тёплый солнечный осенний день. Он знаменателен и памятен для Казахстана ещё и тем, что с Байконура стартовал космический корабль с первым казахским космонавтом Тохтаром Аубакировым. Это историческое событие мы наблюдали по телевизору в аэропорту г. Усть-Каменогорска.

Оттуда я выехал на границу с Россией вместе с депутатом монгольского Великого Хурала – Тауке, бывшим руководителем Баян-Ульгийского аймака. В райцентре Кош-Агач Алтайского края меня уже ожидал коллега – заместитель министра труда Владимир Романов, а на монгольской стороне руководитель аймака – Мизамхан. То, что мы увидели на границе, на всех произвело тягостное впечатление. Из-за неготовности к приёму большого количества людей и отсутствия условий для их нахождения наши сородичи терпели большие лишения. Собравшиеся там несколько тысяч человек, в том числе старики и дети, выдерживали колоссальные испытания, однако они выражали готовность ради осуществления мечты всей жизни – оказаться на своей исторической Родине, преодолеть сколько угодно трудностей. Об этом они прямо говорили нам: «Чего бы нам это ни стоило, будем терпеть».

Это событие происходило после августовского путча и фактического развала Советского Союза.

В такое смутное время мы собрались для решения вопроса, что же делать с этой огромной толпой потенциальных переселенцев. Вроде бы находились на границе России, а на самом деле ещё Советского Союза. К тому же пограничники российские, но ещё одетые в форму советских военнослужащих, а действия их регламентируют старые инструкции, введённые в СССР. Да и мы, по существу, всё ещё советские люди. Естественно, и привычки старые. Поэтому можно было видеть как на диком поле, которое называется государственной границей, пограничники очень жёстко и бесцеремонно, словно нарушителей пограничного режима и шпионов, проверяли этих несчастных людей. Они заставляли разворачивать все тюки и баулы, которых у каждой семьи было несметное множество. Ведь люди брали с собой практически всё, что могло пригодиться на новом месте.

В результате за световой день границу проходило небольшое количество людей. С такими темпами эта процедура тянулась бы ещё много месяцев. Мы интересовались у пограничников: «Что же вы ищете в этих домашних вещах?». Нам отвечали: «Вдруг они везут оружие, наркотики, культурные ценности и другие запрещённые вещи». Спрашиваем: «Что-нибудь нашли?». Конечно же, нет. Связываемся с правительством и объясняем ситуацию.

В результате предлагается следующее решение: к границе с Монголией подгоняем автобусы и грузовые машины, доставляем на них людей и грузы в г. Усть-Каменогорск. Затем оттуда самолётами «Ил-86» и «Ту-154» переселенцы направляются в крупные города республики. Уже отсюда люди рассредоточиваются к местам постоянной дислокации другими видами транспорта. Правительство принимает наше предложение, и в течение 15-20 дней сообщая разрешаем эту проблему.

Теперь о своих впечатлениях о Монголии, точнее об аймаке, где компактно проживают казахи. Он представляет собой территорию около 125 тысяч квадратных километров, где проживало сто с лишним тысяч человек. В их собственности было свыше одного миллиона овец и коз, от 250 до 300 тысяч голов крупного рогатого скота, примерно столько же лошадей.

Имелось небольшое количество посевов пшеницы и огородов. Сено здесь не принято заготавливать на зиму, так как скот круглый год пасётся в степи. Дороги здесь только просёлочные, поэтому к основным видам используемого автотранспорта относятся советские «УАЗы» и мотоциклы. Центром аймака является город Ульгий с 30-тысячным населением. В городе работали мясокомбинат, ковровая фабрика и небольшие предприятия по обслуживанию населения. Электричество подавалось только в центре аймака, поэтому в других местностях телевизоры и другая сложная бытовая техника были в диковинку.

Вечером в местном Доме культуры, битком набитом людьми, состоялась наша встреча с местным населением. Мы с Романовым отвечали на вопросы и разъясняли порядок возвращения на Родину. Так как встреча проходила на казахском языке, основная нагрузка легла на меня. Затем нам силами местных самодеятельных артистов показали праздничный концерт. Мы отметили очень высокий артистический и художественный уровень исполнителей.

Люди в основном просили решить два вопроса: урегулировать порядок переезда и открыть прямой авиарейс Ульгий – Алма-Ата.

Первый вопрос обещал отработать Романов, а решение второго, естественно, оставалось за мной.

По возвращении в Казахстан мы обо всём подробно доложили правительству. Я проинформировал своего руководителя – министра Исингарина о своём обещании организовать прямой авиарейс. После его одобрения и поддержки приступил к непосредственной работе по решению этой проблемы.

Сформировав группу из специалистов КУГА (Казахского управления гражданской авиации), я вместе с ними поехал ещё раз в Ульгий. Посмотрев аэропорт, мои коллеги пришли в ужас. По сути это было только название воздушной гавани: нет элементарной взлётно-посадочной полосы, даже отсутствовало простое ограждение, уж не говоря о сложном аэродромном оборудовании. Но тем не менее я обязал наших специалистов составить список необходимого оборудования, в основном аэронавигационного. С этим списком по возвращении обратился к начальнику КУГА. Сообща решили, что всё оборудование надо выделить в порядке шефской помощи. Шефствующей организацией определили Бурундайское авиапредприятие города Алма-Аты. Так как материальные ценности безвозмездно не могли передать от КУГА аймаку, было подписано соглашение, которое предусматривало, что за это оборудование монгольская сторона должна была рассчитаться мясом.

После окончания монтажа оборудования и его опробования настал день, когда с Алма-Атинского аэропорта взлетел самолёт «Ан-26» Бурундайского авиапредприятия. На его борту вместе со мной находились Жибек Амерханова – председатель общества дружбы с зарубежными странами, Турыскалы Мадигожин – заведующий сектором гражданской авиации Министерства транспорта, заслуженный пилот СССР, бывший первый заместитель начальника КУГА, Ильдус Назмутдинов – главный штурман КУГА, заслуженный штурман СССР, а также другие специалисты,

необходимые для этой поездки. Также были журналисты, в частности – Ермурат Бапи, главный редактор газеты «Дата недели», тогда он был корреспондентом республиканской газеты «Социалистик Казахстан». Кстати, по возвращении он на страницах этой газеты дал подробный материал об этом неординарном событии. И вот мы снижаемся, подлетая к аэропорту Ульгий. Пилот делает круг над ним, и мы видим, что внизу собралось несколько тысяч человек. Кто пришёл пешком, кто на лошадях. После остановки самолёта люди были готовы на руках перенести не только людей, прилетевших сюда, но и само воздушное судно. Как сейчас помню: людскому ликованию не было предела, люди плакали от счастья, целуя нас и говоря слова благодарности.

Я, как заместитель министра транспорта Казахстана, генеральный директор Монгольской авиакомпания (МИАТ) Аюрзана и руководитель Баян-Ульгийского аймака Мизамхан подписываем межгосударственное соглашение о регулярных полётах между Алма-Атой и Ульгием. В этом документе определили все обязанности сторон для осуществления международных авиарейсов, а также точку пересечения границы в небе России и Монголии. С россиянами этот вопрос нами был согласован заранее.

Как-то недавно, будучи в аэропорту Алматы, слышу по громкоговорящей связи объявление: «Начинается регистрация билетов и оформление багажа на авиарейс Алматы – Ульгий». И я вспомнил о том, как всё это начиналось двадцать лет тому назад. Сердце переполнилось от гордости, что у истоков этого небольшого, но очень важного для казахов, проживающих в Монголии, события, пришлось мне быть.

В мае 1991 года, когда новое министерство начало функционировать, Н.К. Исингарин каждому из своих заместителей поручил курировать отдельные виды транспорта. Первому заместителю Теодору Каплану, как бывшему автомобилисту, досталась автомобильная отрасль, бывшему начальнику Западно-Казахстанской железной дороги Юрию Панову дали стальные магистрали Казахстана. Виктору Дмитровскому, как бывшему авиатору, естественно, была поручена гражданская авиация, а я стал курировать водный транспорт. Дело было для меня совершенно новое, тем не менее взялся за него с большим энтузиазмом. Поскольку речной транспорт был под эгидой АО «Казречфлот», и имелись все структуры управления и функционирования, я ограничился ознакомительной поездкой в основные речные порты и три речных пароходства.

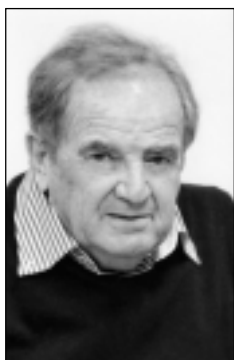
А созданием морского транспорта на Каспии пришлось заниматься основательно и практически с нуля. Имеющийся морской порт Актау находился в плачевном состоянии, также как и сам урановый комбинат, в составе которого он значился. Посоветовавшись со специалистами НИИ морского транспорта в Москве, а также морфлотовцами на месте, совместно с руководством Мангистауской области мы приступили к созданию морской транспортной компании

«Актау». Хочу подчеркнуть, что тогда областью руководили толковые и основательные люди. С первых дней с главой области Фёдором Новиковым, его первым заместителем Насипкали Марабаевым мы нашли общий язык и у нас установились хорошие деловые отношения. Для этой работы мы вошли в контакт с аналогичными министерствами Голландии, Ирана, Турции, а также завязали отношения с паромоходом «Волготанкер» в Самаре и Каспийским паромоходом в Баку. На проектирование и строительство порта через правительство страны привлекли Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР). Таким образом, мы приступили к большой и ответственной работе по созданию новой отрасли транспорта для Казахстана на Каспии.

Сегодня в самом центре новой столицы Казахстана – Астане, в одном из красивых небоскрёбов располагается Министерство транспорта республики. Масштабы проектов и объёмы дел, реализуемых работниками в этом величественном здании, конечно, несравненно выше, чем масштабы той работы, которую мы начинали в своё время. Государство для решения проблем транспортной инфраструктуры ежегодно выделяет многомиллиардные финансовые средства. Строятся железные и автомобильные дороги, приобретаются самолёты, морские суда, современные автобусы, крупнотоннажные автомобили. В республике совместно с иностранными компаниями освоено производство локомотивов, вагонов и автомобилей. Министерство транспорта является членом многих авторитетных международных организаций.

Оценивая должным образом прошедшие за эти годы позитивные изменения, без ложной скромности и с большой гордостью хочу отметить: двадцать лет тому назад именно мы заложили твёрдую основу всему этому. Отрадно, что пришедшие нам на смену руководители министерства достойно продолжили добрые традиции первопроходцев.

Вспоминая о том, как всё начиналось в те небылые теперь времена, я назвал имена людей, которые сами, не осознавая того, стали творцами новой истории Казахстана. А их было, конечно, гораздо больше. И теперь, когда подводятся итоги прошедших 20-ти лет, можно без всякого сомнения утверждать: каждый из них на своём месте внёс посильный вклад в становление независимости республики.

**Моисей ГОЛЬДБЕРГ,
заслуженный работник культуры РК**

Он видел день завтрашний

Год назад в журнале «Нива» напечатан мой очерк «Хлеб растёт трудно» («Нива», № 9), посвящённый памяти светлого человека Е.Р. Блоха. Многие читатели прислали свои отзывы, в которых благодарят за эту публикацию. Вместе с тем в этих письмах и звонках по телефону просьбы рассказать об этом знаменитом управленце огромным аграрным регионом более подробно. Оставленный им свет – могучая борозда для новых жизненных размышлений и свершений. Среди откликов были и такие: человек за годы работы на целине многое сделал, но почему-то вы не пишете о тех, кто разрушил уже после Блоха то добро, что было накоплено и в экономическом, и в социальном плане в той же Акмолинской области. В частности, об этом написали Анатолий Жерлицын, Светлана Козуб и Николай Грищенко.

Пожелание многих целинников заставило меня вернуться к судьбе этого удивительного человека.

* * *

Признаюсь, мне хотелось обозначить публикацию другим заголовком – «С тобой и без тебя», чтобы контрастнее высветить весь кошмар, который принёс «девятый вал» бездарных реформ сельчанам. Но у меня не хватило духу столкнуть нежность и божественную любовь симоновской лирики с банальной глупостью, принёсшей селу много бед. Тем более что мне посчастливилось встречаться с женщиной, которой когда-то были посвящены эти строки во время гастролей театра имени Ленинского комсомола на целине. Появление на малюсеньких сценах сельских клубов Валечки Серовой вызывало бурные эмоции.

В те годы спорили, кто значимей: физики или лирики. Ефим Романович Блох рассуждал по-своему:

– Насчёт физиков, дай Бог им ньютоновской прозорливости, а что касается труда крестьянского – то это, мне кажется, больше лирика. Не зря Пушкин и Есенин воспевали красоту деревенской природы. Земля пробуждает самые солнечные чувства у человека, даёт ему мудрость. Выйдешь в поле – молодеешь. Степь наполняет бодростью. Сколько в ней энергии и щедрых нераскрытых благ для цивилизации. Я говорю о казахстанских прериях, как часто на различных симпозиумах называют нашу степь. Этот хлеборобский опыт сейчас признан во всём мире.

Помню, однажды неожиданно мы повстречались с Ефимом Романовичем в Жангизкудуке, в знаменитом ордена Дружбы народов совхозе, гремевшем на всю тогдашнюю великую страну экономическими успехами. Деревня была озарена талантом немецких хлебопашцев Майнгартами, Римерами, Финками, Шнарами и примкнувшим к ним Шопеном, главным хранителем всех урожаев. Тогдашний директор совхоза Давид Бурбах

доверял хлебоприёмный пункт только милому беспокойному казаху Шоптыбаю, которого потом по-простецки прозвали Шопеном.

Был май. Шла посевная. Над степью висела сизоватая дымка, напоминавшая нежную фату невесты, святую первозданность труда сеятеля. Ефима Романовича всегда тянуло в степь, и эта великая ширь наполняла его особой энергетикой. Не думали-не гадали мы, что на обеденном столе может оказаться фаршированный карп, да такого размера, что им можно было накормить полбригады. Рыбину выловили в ближнем озере. Немецкие и казахские поварахи, оказывается, могут приготавливать не только штрудели и пышущие жаром куырдаки, но и рыбу по-еврейски. Довольно часто за такими встречами, как сейчас принято говорить, без галстуков, открываются истинное лицо человека, его скромность, дружелюбие к другим национальностям, близость сердец.

– В корне я не согласен с утверждением некоторых «знатоков» об известной лениности казахов. Зачем казаху столько трудиться, как другим? У него всё есть, и всё под ногами. Сколько земли! Вышел в степь, поймал барашка и съел. Всё экологически чистое и натуральное. А у евреев никогда не было столько земли. Что и было, то разве под сапожной или часовой мастерской. И потому сидит еврей и думает: «Сколько раз ударить по гвоздю – то ли десять, то ли пять». Этот разговор часто вспоминает один из известных учёных, доктор сельскохозяйственных наук, автор многих книг Галим Кудайбергенов, человек, разделяющий убеждения Блоха. Именно в нём Ефим Романович увидел человека в высшей степени справедливости, чести и совестливости и истинного академика-пахаря, которому можно было доверить полеводство огромного приишимского региона.

– Понимаешь, Галим, никто из нас не избавлен от дурости и ошибок, но не всем дано их исправлять. Многим мешает гордыня. Это уже грех, как указывают божьи заповеди. Помнишь Петра Великого, царя российского? Он говорил: «И я подвержен погрешностям и часто ошибаюсь. Не буду сердиться, кто захочет меня в таких случаях остерегать, показывая мне мои ошибки». Почему сегодня многие процессы с реформированием села идут со скрипом? Не потому, что крестьянская душа консервативна, а потому, что многие потеряли чутьё к переживаниям сельчан. Мужики терпеливые, но всему есть предел. Нельзя десятилетиями валить на деревню тяготы, формируя так называемую рыночную экономику, а фактически, разграбляя одних, разоряя крестьянство, набивать свои личные кошельки. При этом прикрываться законами, которые принимались снова-таки скоропалительно, в условиях хаоса и цинизма, вдобавок к этому зашкаливающее тщеславие у многих государственных чиновников, которые сегодня сидят в парламенте.

Мы видим, что некоторые обременены такими пороками, как угодничество, лесть. Будь моя воля, давно бы высек на скрижалях времени слова Абая: «Лентяй всегда ханжа и лицемер».

А вот как охарактеризовал Кудайбергенов своего тогдашнего руководителя Блоха:

– С Ефимом Романовичем у меня сложились нормальные отношения ещё с той поры, когда его назначили председателем областного

агропромышленного комитета после того как Сергея Витальевича Кулагина перевели ещё на более высокую должность в восстановленную Тургайскую область.

Мы с ним часто беседовали на различные темы, большей частью – исторические. Будучи евреем, свою национальность он никогда не скрывал. Без чванства, высокомерия. Никогда никого не опекал по мелочам. С заместителями, в частности со мной, был очень даже лоялен. Зная, что работаю над докторской диссертацией, он не ревновал и не давал никакого повода для интриг.

Особенно его интересовала история Израиля, в которой, по моей оценке, он был слабоват. Похоронив отца, тогда ему было уже под 60, в порыве откровенности как-то признался мне: «Всю жизнь мечтал жить большой семьёй, с отцом, в большом доме. Пусть бы он ничего не делал, а просто восседал за большим столом. И теперь вот его нет. Осиротел я!».

Думаю, это типичные рассуждения всех сыновей-стариков.

Влияние Ефима Романовича на огромный приишимский аграрный комплекс было колоссальное, его решения были вескими, авторитетными, потому что основные векторы развития села тогда наполнялись глубоким смыслом. Возникающие вопросы он решал с поразительной мудростью, не побоюсь добавить, с еврейским темпераментом. Никто не слышал от него окрика, унижительного слова. Он умел всё просчитывать наперёд.

– Глубоко презираю временщиков, тех, кто проявляет в отношении деревенщиков снобизм, забывая, что хлебопашец – главный кормилец человечества. Это профессия от Бога, и поэтому люди села должны жить комфортно, со всеми прелестями городского уюта. – Такую точку зрения

высказывал он не однажды Николаю Николаевичу Косенку, посвятившему себя сельскому строительству.

– Наша дружба с Ефимом Романовичем завязалась ещё в ту пору, когда он работал экономистом Алексеевского райсельхозуправления. Мы дружили семьями. Он был щедрым, остроумным, обладал чувством юмора. Не пьющий и не влюбляющийся многократно еврей – это какое-то недоразумение, говорил он, пытаясь поднять настроение компании у человека, скованного какими-то переживаниями.

В те времена на каждого директора совхоза доводилось задание за лето построить минимум 25 домиков. «Освоишь больше средств, скажу молодец», – рассказывал мне Косенок. – А как же? Заклинаниями и пафосными речами не вырастишь хлебушек и не получишь на ферме продукцию. Нужны работяги, квалифицированные рабочие села, жадные к работе и влюблённые в своё дело. Строительный размах в те целинные годы был огромен. Ежегодно строились 17 животноводческих комплексов, 10-12 школ, 5 домов культуры, 15 детских садов. Это считалось нормой. В области действовали 33 кирпичных завода с производительностью 1 млн. кирпичей в сутки. Получалось, что в каждом районе было от 3 до 4 предприятий по производству кирпича. Работали известковые карьеры. На промышленном потоке изготавливали строительные материалы на знаменитом «Красном горняке».

Строительство жилья на селе, по мнению Ефима Романовича и Николая Николаевича, в прежние времена стало хорошим якорем закрепления

молодёжи на отцовской ниве. Дети были достойными продолжателями традиций деревни. Смотришь сегодня на опустевшие дворы, где в целинные годы пахари и животноводы были охвачены трудом – их личным счастьем, и тебя невольно наполняют тревожные переживания. Песенку за околицей не услышишь. А ведь пели:

*... Прокати нас, Петруша, на тракторе
До околицы нас прокати...*

Только круглые идиоты говорят: нам это сейчас не нужно. Сколько любопытных историй возникает в памяти, когда заезжаешь сегодня в порушенные сёла.

В Новодолинке в своё время была построена одна из самых красивых школ в Приишимье. Дело в том, что у почтеннейшего директора совхоза возникли утончённые чувства к одной из молоденьких учительниц. Но как покорить её сердце? Он бросил на кон всю свою директорскую щедрость. Красивейший, дорогуший паркет, мрамор, хрусталь, фантастические фрески на стенах актового зала. Ухаживая за миленькой учительницей, он часто предлагал ей, краснея при этом: «Прокачу вас сегодня по всем полям, хочу показать вам своё хозяйство». А она ему с иронией отвечала: «У моего мужа своё хозяйство». Вот что делают истинные нежные чувства. И что вы думаете? Ныне в этой знаменитой школе расположилась конюшня, и кони выбивают копытами паркет. И только поблёкшие фрески в актовом зале напоминают, что здесь когда-то веселились дети.

Огромное уважение к строителям проявлял сам Никита Сергеевич Хрущёв. На одном из слётов целинников тогдашнего края он поблагодарил директора целинного хозяйства Власенко, который уже в первый год строительства посёлка отгрохал Дом культуры, перед ним соорудил фонтан и даже возвёл памятник В.И. Ленину. Он спросил, находится ли этот замечательный директор в зале, в ответ услышал: «Он сидит». Хрущёв рассвирепел: «Сажать надо тех, кто не строит, а таких, как Власенко, надо награждать». И уже через пару часов горемыка директор всё-таки оказался на свободе.

По личной инициативе Ефима Романовича в Красноярском крае и в Бурятии заготавливался лес в 11 лесопромхозах. Из Сибири шли сотни вагонов со строительным лесом. Всё было отработано как часы. Ни я, ни сам Блох не знали, что такое отдых. Он мотался по ближним и дальним сёлам области, а я не вылезал из сибирских лесов. По 210 дней в году находился в командировках. Мне было 27 лет, когда я стал возглавлять «Тяжстрой» в областном центре. Я считался самым молодым руководителем в этой системе. Всё это делалось, конечно, ради увеличения производства продуктов питания. И генератором новых идей и подходов был Блох, который, в то же время, как мне кажется, был истинным романтиком.

Ефим Романович, по определению Виталия Сергеевича Кулагина, был активным проводником новаций и зарубежного опыта. Все удачи, которые достигал Блох, происходили потому, что он проверял мысль делом, а дело – мыслью.

В своё время Василия Докучаева, когда он учился в духовной семинарии, называли «Башкой». Точно так же по простому, по-крестьянски

сельчане области окрестили Ефима Романовича «Башкой». Всё, о чём мы говорим, делалось во имя достижения больших экономических результатов во благо улучшения жизни всех тружеников области.

Свои личные действия, прогнозы он сверял прежде всего с ориентирами учёного люда. С академиком Александром Ивановичем Бараевым он часто делился своими замыслами, встречался с другими научными деятелями не только Казахстана, но и России. Он был убеждён, что любовь и вера к науке и истине способны сдвигать горы.

Собирая часто у себя сельхозруководителей всех районов, самых различных специалистов, он возмущался штампами, фактами примитивного копирования опыта, высказывал свои убеждения о том, что Акмолинская область, да и другие территории Казахстана не похожи друг на друга в смысле плодородия. Поэтому он был убеждённым проводником зонального подхода в производстве сельхозпродукции.

Бывая в районах, он внимательно для себя отмечал, какова растительность, особенности почвы, даже интересовался, сколько и откуда дуют ветры. При этом он в разговоре с пахарями говорил о том, что между трудом хлебороба и самой землёй в отношениях должна быть гармония. А что касается карты полей области, то они должны расцвечиваться разными красками, чтобы выпячивать разность этих территорий. К тем, кто шёл против научных разработок зернового института, не учитывал рекомендации учёных, он был достаточно жёстким. Напоминал лихому директору совхоза, который не следил за дорогами, состоянием водоёмов, слова великого Франклина Рузвельта. Думаю, что их следует процитировать в этом очерке: «Народ, который разрушает свою почву, уничтожает сам себя». С этим не поспоришь, ведь 99 % продуктов питания человечество получает, используя почвы для земледелия и скотоводства. Но мы не вполне осознаём, что почвы – живые, они могут менять своё состояние под влиянием различных причин, в том числе антропогенных. То, что сейчас и происходит. Состояние болезни нашей кормилицы не столь заметно, как разрушение рек и озёр, исчезновение некоторых животных и птиц. Почва погибает незримо, и этот процесс один из крупнейших зодчих мира Кисё Курокава назвал «тихим кризисом планеты».

Вот здесь позвольте сделать ремарку. Именно архитектурный проект Кисё Курокава лежит в основе нашей теперешней столицы Астаны. В тот день, когда знаменитый японец передал Нурсултану Абишевичу Назарбаеву первые планшеты будущих застроек, он вручил Президенту очень важный, на мой взгляд, документ о своём видении сельского хозяйства Казахстана в будущем, о неограниченных возможностях этой страны. Позвольте дословно привести хотя бы один фрагмент его письма главе государства. Тем более что никто из казахстанцев об этом факте пока не знает.

Вот как должна выглядеть стратегия будущего аграрного Казахстана:

«Зерновое сельское хозяйство с очень высоким уровнем производительности и высокого качества всегда было хорошо развито в Казахстане. В настоящее время, однако, ситуация ухудшается в связи с долговременным использованием земель только под одну культуру, что повлекло процесс обеднения почв. Кроме того, разнообразные социальные изменения

привели к потере власти и полномочий сельскохозяйственными союзами и другими организациями. Также опаздывает в развитии процесс замены инженерных инфраструктур (например, водопроводные сети для сельскохозяйственных нужд), а также необходима коренная замена машин и оборудования. Вышеназванные причины привели к снижению сельскохозяйственного производства. Для оживления производства зерновых, картофеля, фруктов, овощей необходимо вкладывать инвестиции и тем самым улучшать плодородность земель, а также улучшать сельскохозяйственную инфраструктуру и развивать производство по переработке продуктов сельского хозяйства.

Моё предложение заключается в разработке новой сельскохозяйственной отрасли, ранее не имевшей развития в Казахстане. Это сельское хозяйство по производству зерновых и бобовых для питания скота, основными продуктами которого являются бобы и кукуруза.

В настоящее время спрос на зерновые растёт в азиатских странах очень быстро, что связано с процессами экономического развития. В послевоенный период в Японии индекс потребления мяса на человека вырос. Показатели производства риса в Японии достигают 9 млн. 800 тыс. тонн в год. Таким образом, Япония обеспечивает национальный рынок рисом полностью, несмотря на то, что рисовые заливные поля подвергаются сокращению ежегодно. В связи с этим 25 млн. тонн кормовых бобов и кукурузы импортируются из Америки каждый год.

В других азиатских странах потребление местных продуктов на человека также растёт. В этой связи внимание всего мира обращено на процессы в Китае. В настоящее время Китай полностью обеспечивает себя кормовыми бобами и кукурузой, но через 5-10 лет он столкнётся с проблемой недостатка этих продуктов. Пока производительность зернового сельского хозяйства в Америке имеет резервы для роста, и возможности для импорта существуют. Тем не менее, в Китае индексы потребления местных продуктов будут быстро расти в связи с наличием тенденции к развитию экономических регионов от линии свободной экономической зоны вдоль побережья к востоку, в глубь страны. Кроме того, предполагается, что снабжение мирового рынка и особенно азиатских стран продукцией зернового сельского хозяйства будет зависеть не только от главного поставщика-экспортёра зерновых в наше время Америки. Это время – смена ориентиров – придёт через 5 лет, самое позднее – через 10.

Обрабатываемые земли в Казахстане исторически занимают очень обширные территории. Более того, Казахстан очень выгодно расположен географически, имея границу с Китаем. Ввиду всех вышеназванных причин начало разработки новой сельскохозяйственной отрасли в Казахстане по производству кормовых для экспорта в Китай и другие азиатские страны стратегически очень наполнено смыслом и важно».

Кисё Курокава поставил под своим письмом дату: 15 июля 2000 года. Согласитесь, с каким опозданием, набив себе многочисленные шишки, проявляя неуклюжесть, наконец-таки приходим к осуществлению замыслов, о которых японский гений рассуждал десять лет назад. Этого гениального человека наполняло беспокойство в связи со многими негативными

процессами, которые происходят на нашей планете. Может, поэтому, задуманная им новая столица должна была быть гармонично увязанной с красотой самой степи. Его беспокоила деградация почв, которая сейчас приняла глобальный характер. Сегодня в разной степени деградации подвержено около 2 млрд. гектаров почв, и примерно столько же гектаров некогда плодородных земель за последнее десятилетие выведено из оборота. Современная же площадь мирового земледелия составляет 1,5 млрд. гектаров, а весь пахотно-пригодный слой – чуть более 3 млрд. гектаров. При этом ежегодно человечество теряет около 15 млн. гектаров продуктивных угодий. Мы создаём мегаполисы, гигантские города, где нужно и не нужно, ради каких-то высоких политических амбиций при этом умерщвляя природу, способствуем развитию эрозии почв.

А сколько бед принесли аграриям так называемые новые «хозяева», их дилетантство, их безграничное прикаrmанивание всего, что можно выкачать из села. Ну никак не стыкуются капиталистические подходы к жизни наших сёл. Подтверждается опасение Александра Николаевича Энгельгардта, учёного и знаменитого помещика, который был всегда убеждён, что сами крестьяне понимают, что коллективное хозяйство несравнимо выгоднее индивидуального. Их природный индивидуализм находится в постоянной борьбе со стремлением устроиться разумно, добиваться максимальных результатов в своём нелёгком труде. Вот здесь и надо помочь пробуждать то чувство общности, которое дремлет в глубине любой здоровой крестьянской натуры. В России «кнехтов» быть не должно. Эту точку зрения многократно утверждал Энгельгардт. Мы же, к сожалению, в последние десятилетия сумели сельский люд во многих населённых пунктах превратить в крепостных.

... Пустующий луг – дикость невероятная. Неоглядный простор без пасущихся гуртов и табунов, без лошадиного ржания и овечьего блеяния – бред чудовищный, если не сказать – грех перед самим боженькой. Дышащая солнцем и травой степь истосковалась по тому, что у неё отняли. Посвист ветра как укор путнику: что, просвистели несметные стада знаменитого казахстанского скота, былую славу и доблесть скотоводов? ... Позарасти пути-дорожки, где утренние зори встречали многие доярки-подружки?

Журналистская судьба занесла меня осенью 53-го года прошлого века в Кургальджинский район. Нужны были отклики ТАССовцев на решение сентябрьского пленума ЦК партии. Первая остановка – Сабынды. Скота – тучи, спустившиеся с небес. У каждого двора личная отара или косяк коней. Телята на подсосе материнского молока росли как опара на дрожжах. В какой бы дом ни зашёл – аромат свеженького бесбармака. Пенистый кумыс. Чем дальше пробирались в степь, тем тучней становились гурты и отары. Воистину чудеса чудные творила степь и её скотоводы. Ныне от былого не остались даже рожки и ножки. Коргалжин похож на пустой барабан. Акимы который год рьяно барабанят, но это бабаханье остаётся пустым звуком. Свернув животноводческую отрасль, люди побросали аулы, подались куда глаза глядят.

Известный политический долгожитель Анастас Иванович Микоян

был крупнейшим специалистом в сфере пищевой индустрии. При нём продукты питания, выпускаемые на многочисленных отечественных комбинатах, получали в мире самые высокие оценки. Марка «советская» считалась верхом качества. Сырокопчёные колбасы, окорока по-тамбовски, чёрная икра Каспия из Гурьева, московский шоколад, армянские коньяки – мечта Черчилля, массандровские вина приносили людям блаженство и наслаждение. Микоян несколько раз приезжал в нашу республику. Казахстанский скот на первозданных джайляу он считал божьим даром. Увидев лоснящихся бычков на шалкарских лугах, он долго любовался гуртами.

– Я объехал всю Аргентину и Бразилию, но такого симпатичного скота не видел. Рубенса не хватает, чтобы нарисовать эту идиллию.

В те годы шалкарцы выращивали и откармливали до 12 тысяч бычков белоголовой породы. У этой породы мясо из нежнейших волокон. Сегодня поездка в Шалкар вызывает горечь. Знаменитая белоголовая испарилась, как утренний туман, а умелые, хваткие в работе животноводы поневоле стали безработными. Молодой аким аула Кайрулла Ташетов на вопрос, как живётся нынче людям, ответил:

– Как солдату без махорки... Не знаю, что и делать – всё грозитя отключить свет и подачу воды, если не погасим задолженность. А где брать деньги? Мужики работают только летом, считайте полгода. По скотобазам ветер гуляет, откуда деньги взять?

Один из ветеранов сельского хозяйства Акмолинской области Николай Николаевич Грищенко прислал мне документ с цифрами производства мяса в 1985 году. В том году шалкарцы, как он пишет, продали стране почти 1200 тонн говядины. Бычки в этом хозяйстве откармливались по высшему классу. В соседнем – Красноярском совхозе – было продано 1133 тонны мяса. И так почти в каждом хозяйстве Целиноградского района. К сожалению, в сегодняшних сёлах за околицей нигде не увидишь даже нормальной животноводческой базы, за исключением, конечно, знаменитой агрофирмы «Родина», которая специализирована на производстве молока по канадской технологии.

А что же произошло в знаменитом хозяйстве, бывшем совхозе «Красноярский», которое попало в цепкие руки агроцентра «Астана»? Сельчан просто обманули. Они доверили свои земельные паи некоему господину Чальшеву, сопредседателю Аграрной партии. Лидеры этой партии утверждали, что село может поднимать экономику, не прибегая к игле дотации. Во всём мире мужику государство помогает сохранять плодородие почвы, приобретать уникальные семена, лучшие породы скота. В странах Европейского союза господдержка (дотации) на гектар сельхозугодий составляет 800 долларов, в Швеции – 3200 долларов, в сотни раз больше, чем у нас в Казахстане. С одной стороны, щедрый миллиардный поток нефтедолларов в казну государства, с другой – плюшкинское отношение правительства к сельским товаропроизводителям.

Вот что рассказал нам о судьбе Жангизкудука К. Омарбеков, который проработал в полеводстве почти 20 лет:

«Началось с того, что в селе появился отряд ОМОНовцев, как бы для охраны различных объектов, чтобы не допустить растащиловки.

«Агроцентр» занял откровенную захватническую политику и тактику, как мы поняли сразу. Из села вывозились все намолоты зерна, катастрофически стала уменьшаться численность скота, начали разбираться капитальные строения. В своё время площадь хлебной нивы превышала 20 тыс. гектаров, на фермах было 1,5 тысячи голов крупного рогатого скота, полутысячное поголовье свиней, имелось много лошадей и овец, насчитывалось 700 работающих. На всём этом был поставлен крест. Шесть лет подряд поля вообще не засеваются и на них сейчас сплошные заросли бурьяна. А самое главное – некому пожаловаться. Мы под гнётом беззакония. Деятели из «Агроцентра» каждый раз говорят: «Закон теперь – это мы. Вы теперь принадлежите «Агроцентру» со всеми потрохами». Нынешним летом нагло разобрали крупнейший зернозавод, где можно было подрабатывать и хранить тысячи тонн зерна».

Весьма искренние и любопытные записи зафиксировал дневник Ларисы Авиловой, бывшего личного секретаря Ефима Романовича.

«Он требовал от аппарата внимания, чтобы никто не уходил от нас, не решив своих вопросов. «Если узнаю, что руководитель совхоза, особенно специалист, крестьянин или фермер не получил поддержки – пеняйте на себя. Люди должны знать, что в нашем учреждении можно всё решить», – многократно предупреждал он всех – и своих заместителей, вплоть до машинисток и работниц канцелярии.

Сравните эти высказывания с тем, что сегодня происходит в различных департаментах. Волокита, грубость, чёрствость госчиновников. Сплошное отфутболивание. «А зачем пришли?» – спрашивает вас аппаратчик, не отрывая глаз от монитора, на котором разложены игровые карты.

«Вам надо обратиться в другое место», – сквозь зубы процеживает этот чинуша. И начинается марафонская нервотрепка.

Атмосфера многих учреждений пронизана явным цинизмом к человеку, который нигде толком так и не будет выслушан. Готовые фразы в ответ: «Это ваши проблемы», «Жалуйтесь, это ваше право». Хотя тресни, никто тебя не услышит и нет, на мой взгляд, силы, которая могла бы остановить поток издевательства, глупость и самодовольство чиновников.

«Мы созданы для обслуживания сельчан, – часто повторял на аппаратных совещаниях Блох, – а не для показа своих амбиций и высокомерия». Приезжая в деревни и аулы, он ко всем обращался уважительно: «Дорогие братья-крестьяне! Приехал посоветоваться. Одолеем эту задумку с вами. Дайте «добро»? Если да – вперёд, пахарь!».

И ещё несколько строк из дневника Ларисы Авиловой:

«Степь тянула его к себе, к вечеру после работы обязательно выедет хотя бы на часок куда-то. Хотя дождь, хоть буря, хоть грязь и бездорожье. Любовался закатами. Радовался каждому летнему дождю. Как бы ни был занят, находил время приезжать в Степногорск, на могилу отца. Обязательно с букетом живых цветов. Разговоры заводил с ним, как с живым. Это были исповеди сына перед отцом.

«Знай, отец, я с тобой, а ты – со мной. Продолжаешь жить уже в сердце внуков».

Согласитесь, не о каждом начальничке секретарши напишут вот такие строки.

... Минувшим летом вместе с тысячами казахстанцев мне посчастливилось провести часть отпуска в небольшом городке Сиде вблизи Анталии. Всё турецкое курортное побережье превращено в фантастическую сказку, в которой растворяются все человеческие проблемы, а что касается столового сервиса, он пока непревзойдён: повара готовят пищу на любой вкус. Даже самые щепетильные дамочки, ограничивающие себя во всём, не в силах сдержаться, проходя мимо запечённого прямо при вас ягнёнка или огромнейшего тунца. Тем не менее в кулинарии, в ресторанах и кафе, да и в домашней кухне у турок доминирует индейка. Откроешь никелированную жаровню, и набирай себе на тарелку столько вкуснятины, сколько хочется, как выражаются турецкие повара: индюшка, индюшка, индюшка. Ешь, сколько осилишь. Во всём мире, на всех континентах мясо индейки считается королевским продуктом. Оно постное, без жира, в нём нет холестерина, различных стимуляторов роста, гормонов, которыми напичканы стэйки в ресторанах, изготовленные из заморской говядины.

Израильяне давным-давно питаются деликатесным мясом индейки. В то же время в большинстве европейских стран на столе она появляется лишь в сладостных грёзах. Аппетитная, зажаренная индейка побывала в космосе. Экипаж американских астронавтов, возвращаясь с Луны, отметил, точно не припомню, не то Рождество, не то Новый год аппетитной земной индейкой.

Кандидат технических наук Вадим Ефимович – сын Блоха – с истинным упорством целинника продолжает начатое дело отца, воплощая в Московской области инновационно-аграрный кластер по производству мяса индейки.

Сейчас в России производится примерно 80 000 тонн индюшатины, а завозится из Америки почти 40 000 тонн. Так что простому россиянину индейка недоступна. Вот и питается народ картошкой или различными эрзацами. Наполнить прилавки магазинов говядиной – задача трудная. Нужно время. Не хватает кормов. Выжидать, надеяться на доброго дядю – безнравственно.

Правительство России в лице заместителя премьер-министра В.А. Зубкова поддержало инициативу Ефима Романовича, и теперь его сын Вадим с целой группой единомышленников-энтузиастов строит в Подмосковье фабрику по производству 83 000 тонн мяса индейки в год и по 10 тысяч тонн гусятины и утятин. Заказчиками проекта выступили сразу четыре района – Зарайский, Каширский, Шатурский и Серебрянопрудский. Стоимость предприятий с инфраструктурой – около 600 млн. евро. С пуском фабрики в будущем году появится 10 тысяч новых рабочих мест. Предусмотрена поставка кормов с полей Тульской и Рязанской областей. Всё научное обеспечение, включая подготовку кадров, возложено на Российский научно-исследовательский институт птицеводства, расположенный в Сергиеве Посаде. Приглашены израильские знатоки этой отрасли. Как говорится, всё увязано, всё предусмотрено – от логистики до хранения мяса в холодильных терминалах и транспортировка его во все крупные города европейской зоны России. Большим потребителем мяса индейки станет Санкт-Петербург.

Исполнение работ, приобретение монтажа ультрасовременного оборудования финансируется государством и частными инвесторами. Так что заранее предусмотрено равенство доступа каждого к его доле этого продовольственного пирога. Я имел честь быть приглашённым на пуск этого особо важного продовольственного конвейера.

«Думаю, что и в Казахстане есть огромные возможности для развития этой отрасли. Зерна – некуда девать, площадей – сей, что хочешь. Нужно только отведать вкус индюшатины, продукта экологической чистоты и здоровья. Знаю, что сейчас в республике восстанавливается производство говядины. Самолётами завозят скот из Австралии, Канады. Это дорого, но обилие высококачественного мяса можно и нужно создавать, используя все мировые разработки. Наша фирма готова для сотрудничества, тем более что Казахстан для меня был и остаётся страной романтиков, страной восхищения, – говорил нам Вадим Ефимович. – Отец любил Казахстан, его дивное многоцветие. Казахи были его лучшими друзьями. Он часто с улыбкой повторял своим друзьям: «Казахстан без евреев, как Америка без негров». Оказавшись в Израиле, мой отец увидел, как в этой малюсенькой стране реализуются замыслы цивилизации будущего. Например, едешь по пустыне, и вдруг перед тобой высоченная стена люцерны. Растёт эта трава на песке. Оказывается, вблизи можно увидеть площадку с солнечными батареями, которые производят электричество. Ток приводит в действие глубинные электродвигатели с насосом, и так круглые сутки орошается это люцерновое поле. Выходит, пески и любой клочок мёртвой земли можно превратить в щедрое поле жизни. Нет, совсем неспроста в годы папиной молодости по радио часто звучала песня, которую он очень любил: «И на Марсе будут яблони цвести».

Так он мыслил, так он жил, видя день завтрашний, и таким ушёл в вечность.

Астана – Хайфа – Москва.

100-летию Чеслава Милоша

Великий летописец эпохи

Министерство культуры и народного наследия Польши провозгласило год 2011-й Годом Ч. Милоша в связи со столетием со дня рождения классика польской литературы. Он родился в Шетени, в сердце литовской земли. Был изгнан отсюда вследствие трагических событий начала XX века, жил последовательно в Варшаве, Кракове, Париже, США, чтобы в конце столетия вернуться в Польшу. Он являлся не только поэтом, прозаиком, переводчиком и известным эссеистом, но также был очень внимательным наблюдателем и свидетелем эпохи. Надемся, что столетие со дня рождения Ч. Милоша станет поводом для знакомства с его трудами, которые издавна вдохновляют деятелей культуры на творческие поиски в отображении реалий современного мира.

Знаменательно, что 2011 год является годом польского председательства в ЕС (с июня по декабрь), которое дало импульс восстановлению культурной программы, продвигающей Польшу и её культуру. Создатели проекта **I.Culture** в рамках различных мероприятий пытаются ответить на вопрос: как понять современных поляков, их сильный индивидуализм наряду с привязанностью к обмену духовными и материальными достижениями, а также к общим европейским знакам и символам. Ответ на этот вопрос они усматривают в культуре – общем и повсеместном добре, лежащем в основе продолжения жизни народов и мира.

Эти два события – председательство Польши в ЕС и Год Чеслава Милоша являются в текущем году главным направлением культурной политики Польши, и кроме аспекта продвижения заключают в себе поощрение более обширной дискуссии на тему состояния современного человека, а также культуры и её роли в мире глобальных связей и зависимости.

На призыв министерства отозвался большой круг субъектов, выступивших инициаторами различных мероприятий как в Польше, так и за рубежом. Столетие со дня рождения выдающегося польского поэта стало поводом для проведения многих конференций, фестивалей, концертов, занятий и семинаров в академических центрах всего мира. Год Ч.Милоша изобилует также новыми публикациями и изданиями, посвященными жизни и творчеству польского писателя. Большое количество событий, посвященных Милошу, не позволяет описать их все в небольших рамках этой статьи. Желая представить казахстанскому читателю ясный и понятный образ торжественных мероприятий, проведенных в год Милоша, мы ограничиваемся описанием лишь самых значительных событий, имеющих место во всём мире. Но самое главное для нас – это познакомить со всеми акциями, которые проводились в Астане.

Самым важным мероприятием Года Милоша является литературный фестиваль, первым пунктом которого стали поэтические вечера, объединяющие плеяду выдающихся поэтов из разных стран и культурных кругов. Вечера проводятся в Кракове, городе, который был близок Милошу – он прожил там последние годы своей жизни. Каждый из вечеров был посвящён разным темам, получившим свои названия от разных произведений Чеслава Милоша – начиная с биографии и заканчивая восприятием творчества польского поэта. Среди гостей поэтических вечеров можно встретить таких известных писателей, как Томас Венцлова, Хелен Вендлер, Адам Загаевски, многих профессоров, таких как М. Залески, С. Бересь, С. Каванах, А. Фиут, а также других научных работников, переводчиков и т.д.

Другими событиями Года Милоша являются разные междисциплинарные проекты («Сон Евридики» – который соединяет такие сферы искусства, как театр слова и движения, современный танец, живая музыка, видеозапись); семинары, посвящённые переводам произведений Милоша (*Милош 365*), просмотры фильмов (*Европейский Экспресс 2011*), выставки и концерты (*Made in Poland – Milosz Sounds* – первое исполнение произведения «electrified memories of bloody cherries. Extended Landschaft von Musik»); выставка «Подневольный ум» – *ужасающие* картины польских фотографов, которые были сделаны после 1945 года – портрет поколения артистов, испытывавших на себе тоталитаризм. Ссылаясь на свидетельство Милоша и отработанных им историческо-литературных категорий, организаторы выставки рисуют портрет эпохи, а также дают художественный ответ требованиям социалистического реализма.

Все перечисленные выше мероприятия – это только небольшая часть акций, приуроченных к столетнему юбилею польского лауреата Нобелевской премии. А теперь о том, что предпринято в связи с этим в Астане.

Культурно-языковой Польский центр, стараясь принять активное участие в мероприятиях Года Милоша, взял на себя ответственность за реализацию ряда проектов, чтобы приблизить творчество польского писателя к казахстанскому читателю. И начали мы с Первого Диктанта Польского языка, который был проведён в феврале этого года в Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилёва. Диктант был выбран из фрагмента «Долины Иссы» – произведения, в котором Милош описывает своё место рождения, а также мифическим образом воскрешает время своего детства. Важным фактом является то, что мы воспользовались казахским и русским переводами учёного-филолога Мухита Ардагера.

Следующим событием, посвящённым столетию со дня рождения Чеслава Милоша, стала научная конференция, в которой принимали участие гости из Польши, а также из других стран (России, Украины и др.). В рамках проекта «Милош в Казахстане» студенты Польского центра языка и культуры сделали ряд переводов стихотворений Милоша на русский и казахский языки (часть из которых представлена в этом номере журнала). Более того, в Польском центре демонстрируются фильмы и документы, посвящённые памяти Чеслава Милоша, а также, учитывая польское представительство в Евросоюзе, наш центр знакомит молодёжь с польскими кинофильмами, созданными выдающимися режиссёрами Польши (Полянски, Кешловски, Вайда).

Планы, которые мы собираемся реализовать в дальнейшем, зависят от наших финансовых возможностей – это, в частности, проект «По следам Милоша», предполагающий посещение мест, где жил и творил Чеслав Милош: от Шетени в Литве, через Вильнюс, Варшаву и Краков (проект предназначен для отличников из Казахстана, изучающих польский язык, всех возможных спонсоров просим контактировать с нами!). Следуя за создателями проекта «Милош – аудиокнига», в знак уважения к великому поэту мы решили записать его стихи, которые будут прочитаны казахстанскими студентами. Уже в следующем году мы планируем реализовать крупный проект под названием «Поэзию на улицу!», целью которого является ознакомление с поэзией польской, казахской, русской, и, наконец, любой, просто великой поэзией, независимо от языка и культурного окружения.

Ежи Игл, один из директоров литературного фестиваля, сказал: «В день столетия Чеслава Милоша мы станем свидетелями важного исторического события, посвящённого председательству Польши в Евросоюзе. Это символическое совпадение чисел: рождение великого поэта и триумф свободы Польши. Пусть все те, кто празднуют, вспомнят о тех людях, для которых слово «родина» прежде всего ассоциируется с такими понятиями, как «отчуждение», «эмиграция», «убожество», а не с теплом домашнего уюта. Пусть величие труда и мудрость поэта

позволят нам с любовью принимать участие в переменах мира».

Вспоминая слова Ежи Игла, будем стараться распространять творчество Чеслава Милоша в Казахстане, раскрывая его личность и величие.

**Томаш ПИОНТЕК,
преподаватель польского языка в ЕНУ.**

P.S. Выражаю сердечную признательность пану Павлу Ессе, советнику посольства Польши в Астане, благодаря которому нам удалось осуществить большинство проектов. Также благодарю представителей Евразийского национального университета за оказанную помощь.

Отдельное спасибо студентам Максату Маликову, Назерке Серикбаевой и Юлии Нугмановой за помощь в переводе этой статьи.

г. Астана.

Строки биографии

Чеслав МИЛОШ

родился 30 июня 1911 г. в Шетени в Литве. Поэт, прозаик, переводчик. Лауреат Нобелевской премии 1980 г. и многочисленных других престижных литературных премий. Его произведения переведены на 42 языка. Милош – доктор honoris causa многих университетов в США и Польше, почётный гражданин Литвы и города Краков.

Школьную и университетскую юность провёл в Вильно, где состоялся его поэтический дебют. Немецкую оккупацию пережил в Варшаве. После второй мировой войны работал на дипломатической службе ПНР в США и во Франции. В 1951 г., будучи в Париже, попросил политического убежища.

В 1960 году уехал в Калифорнию, там в течение двадцати лет был профессором университета в Беркли, где преподавал славянские языки и литературу. До 1989 г. публиковался главным образом в эмигрантском издательстве парижской «Культуры» и в польском самиздате. С 1989 г. жил в Беркли и в Кракове. Скончался 14 августа 2004 г.

По мнению международной литературной критики и поэтов-современников (достаточно вспомнить Иосифа Бродского), поэтическое творчество Милоша – одно из самых значительных явлений нашей литературной современности. Наряду с насыщенными метафорами, символическими стихами, в которых идиллия соседствует с апокалипсисом, мы встречаем написанные практически обнажённой прозой философские или религиозные эпифании. Наряду со стихами-песнями – теологические трактаты, например, написанный в оккупированной Варшаве и выдержанный в стиле «детских рифм» цикл «Мир». «Наивные поэмы» или цикл «Шесть стихотворных лекций» из тома «Хроники». Милош возвышается над жанрами, как поэт и как переводчик обращается ко всей совокупности поэтической традиции – от современных ему американских поэтов до Библии (фрагменты которой заново переводит на польский).

Как прозаик получил известность за роман «Захват власти» (1953) об установлении коммунистического режима в Польше, но сам Милош и его читатели особенно ценили квази-автобиографическую «Долину Иссы» – изобилующий философскими подтекстами роман о взрослении. Личные мотивы с новой силой возвращаются в эссе автора: в «Подневольном уме» – книге, относящейся к классике литературы, повествующей о феномене тоталитаризма, в «Родной Европе» – до сих пор лучшей книге о судьбах «центральноевропейской» ментальности, в своего рода интеллектуальной и литературной автобиографии «Земля Ульро». Эти и другие произведения, например, «Свидетельство поэзии» и «Жизнь на островах», вводят в самую суть явлений бытия и литературы.

Чеслав МИЛОШ

Долина реки ИССА

Отрывок

Особенностью долины реки было большее чем где-либо количество чертей.

Может быть, трухлявые вербы, мельницы, заросли на берегах особенно удобны для существ, которые появляются перед очами людей только тогда, когда сами этого пожелают.

Те же, которые их видели, рассказывают, что чёрт невелик, ростом с десятилетнего ребёнка, носит небольшой зелёный фрак с воротником жабо, волосы заплетены в косичку, на ногах белые чулки, а с помощью туфель на высоких каблуках он старается скрыть копыта, которых стыдится.

К этим байкам необходимо относиться с решительной осторожностью. Весьма правдоподобно, что черти, зная суеверное удивление человечества, стараются придать себе серьёзности перед немцами – людьми торговли, открытий и науки – одеваясь как Иммануил Кант из Кёнигсберга.

Недаром другое имя нечистой силы на побережье реки Иссы – «Немец», означающее, что дьявол на стороне прогресса.

Однако трудно предположить, что они носят такое убранство ежедневно. Например, излюбленным их развлечением являются танцы на лугу, в пустых сараях, где треплют лён, стоящих обычно в стороне от построек: ну как они бы могли во фраках поднимать клубы пыли и трухи, не заботясь о соблюдении приличного внешнего вида? И с какой стати, если им дан какой-либо вид бессмертия, они бы одевались в костюмы восемнадцатого века?

Не известно точно, до какой степени они могут менять свой облик. Когда девушка зажигает две свечи в ночь гаданий перед праздником святого Анджея и смотрит в зеркало, то может увидеть будущее: лицо мужчины, с которым будет соединена её жизнь, иногда – и лик смерти. Не чёрт ли так переодевается, что здесь начинают действовать иные магические силы? (...)

Может быть, дьяволы облюбовали себе реку из-за её воды? Говорят, что она имеет свойства, влияющие на характер людей, которые рождаются у её берегов. Они склонны к эксцентричному поведению, далеки от спокойствия, а их голубые глаза, светлые волосы и немного полноватые фигуры являются образцом нордического здоровья.

Перевёл с польского Мухит АРДАГЕР.

“Всё же останется слово...”

Смысл

Когда умрём, увидим другую вселенную.
Другую сторону, за птицей, за горой и закатом,
Взывающие прочесть правду нетленную.
То, что не сходилось, сойдётся навеки.
Непонятое станет понятным человеку.

— А если нет другой стороны?
Если дрозд на ветке вовсе не является знаком,
А только дроздом на ветке, если день и ночь
Сменяют друг друга, не заботясь о смысле,
И нет на земле ничего, кроме этой земли?

Если так и есть, то всё же останется
Слово, однажды пробуждённое хрупкими устами,
Которое бежит и бежит, вестник неустанный,
На межзвёздные поля, в коловороте галактик
И протестует, призывает, кричит.

1991.

Встреча

Мы ехали по росистому полю перед рассветом.
Красное светило вставало, отгоняя ночь.
И заяц пробежал перед нами вдруг прочь,
А один из нас указал рукою в направлении этом.
То было давно. Теперь никого уже нет,
Ни зайца, ни того, кто рукой указал.
Любовь моя, где же они, куда ушли, мне не понять:
Взмах руки, линия бега, шелест листьев?
Не от тоски вопрос я задаю, а задумался просто опять.

В Варшаве

Поэт, что делаешь ты у развалин
Кафедры Святого Яна
В этот тёплый весенний день?

О чём ты мыслишь, где ветер,
От Вислы вея, приносит
Красную пыль этих руин?

Покаялся бы ты, что никогда не будешь
Плакать в печали,
Что никогда не тронешь
Ран своего народа,
Чтобы не превратить их в святость,
В проклятую святость, что тянет
Через века в будущее?

Но этот плач Антигоны,
Которая ищет своего брата.
Поистине, это сверх меры
Выдерживаемого, а сердце —
Есть камень, в котором как овод
Скрыта любовь несчастной земли.

Не хотел я так любить,
Это не было моим намерением,
Не хотел я так сожалеть —
Это не было моим намерением.
Моё перо легче,
чем перо колибри. Это бремя
Нести не в моих силах.
Как же мне жить в той стране,
Где ноги ступают по костям
Непохороненных близких.

Песенка о конце света

В день конца света
Пчела над цветком настурции жужжит,
Рыбак починит блестящую сеть.
Группа дельфинов в море кружит,
Воробьи цепляются за провода,
И змея выглядит так, как всегда.

В день конца света
Женщины с зонтами полем идут,
На краю газона заснувший пьяница.
К продавцам овощей люди бегут,
Лодка с парусом к берегу тянется.
Мелодия скрипки в небе звучит
И звёздная ночь в окошко стучит.

А те, что ждали громов, молний и пламени,
В недоумении себе задают вопросы.
А те, что ждали ангельских труб и знамений,
Не верят, что всё уже началось.
Пока солнце и луна сменяют друг друга,
Пока шмель над розой, как и повелось,
Пока дети рождаются у семейного круга,
Кто поверит, что всё уже началось.

Только седой старичок, который мог быть пророком,
Однако не стал им, чтоб закончить дела свои с проком,
Скажет, подвязывая помидоры:
Другого конца света не будет,
Другого конца света не будет.

Никогда от тебя, мой город...

Никогда от тебя, мой город, я не мог уехать.
Вновь и вновь меня возвращало назад, как шахматную фигуру.
Я убегал по Земле, вращавшейся всё быстрее.
Я всегда был там: с книгами в холщевой сумке,
Заглядевшийся на холмы за башнями Святого Якова,
Где движутся маленький конь и маленький человек за плутом,
Те, что, конечно, давно не живы.

Да, это правда, никто не постиг ни общества, ни города,
Кинематографов «Люкс» и «Гелиос», вывесок «Гальперн» и «Сегал»,
Пешехода на Швентоерской, названной потом Мицкевича.
Нет, никто не постиг. Не удалось никому.
Но если жизнь одною надеждой будет поглощена:
Что однажды уже только пронзительность и прозрачность,
То бывает, очень часто, жаль.
Беркли, 1963.

*Перевёл с польского Максат МАЛИКОВ,
студент второго курса филологического факультета
Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилёва.*

Резо МАХАТАДЗЕ

МУДРОСЛОВИЯ

Максимы

(Окончание. Начало в № 11 за 2011 год)

*

Похвал ищет тот, кто их не заслуживает. Тот же, кто достоин, получает их и без искательства.

*

Фундамент требуется и успеху, чтоб сохранить и укрепить себя. Им могут служить трудолюбие и терпение.

*

Если тебе не доверяют, не обвиняй других. Ты виноват сам – не заслуживаешь доверия.

*

Выборы, как и реки, бывают прозрачные и мутные – и в них обитают рыбы совершенно разных видов.

*

Местный руководитель, где бы он ни был, анфас своего народа, в профиль же у него лик главы страны.

*

Талант надобен и лжи. Если с девятью из десяти людей ложь удастся выдать за правду, я стану рядом с тем одним, кто догадался о твоём ловкачестве и не поверил тебе.

*

Если не напрактиковаться и не набраться опыта на малых делах, в схватке с большим можно потерпеть поражение.

*

Иди вперёд, и обретёшь счастье. Ленивому и неподвижному же его никогда не достичь.

*

Ты не благодарен судьбе и грешен перед Господом Богом, если прожитой жизни, даже если она длилась сто лет, предпочитаешь один будущий день.

*

Было бы очень смешно, если б летящая на спине орла мошка выдавала себя за победительницу царя птиц.

*

Прошедший день никогда не вернётся назад. Поэтому, пока он не миновал, означь его чем-нибудь полезным.

*

У сердца человека, в отличие от других существ, есть врата. Насколько шире они отворены для любви и добра, настолько лучше работает сердце.

*

Даже царь зверей, если он лишён свободы, беспомощен. Вот и не дорожи после этого свободой.

*

Как бы высоко ни прыгнуть, до неба нам не достать, – всё равно упадём на землю. Так что... лучше уж прыжку в высоту предпочесть прыжок в длину – и продвигаешься вперёд, и не опасаясь падения.

*

Конечно, отягчённому разумом и опытом человеку нелегко носить голову и тело, но всё же легче, чем легковесному и неопытному.

*

Не теряй времени на поиски вокруг себя завистников и врагов, – всё равно ты их не сможешь обнаружить. Придёт время, и они проявятся сами.

*

Ярмо, будь хоть золотым, всё равно ярмо, – сказал бык, – оно лишает свободы. Добровольно не подставляй под него шею, под воздействием же силы – приходится подчиниться.

*

Внушить кому-то надежду – проявление истинного благородства души. Злому это не придёт и в голову.

*

Ребёнок в три года прекрасно разбирался в цветах и оттенках. Сейчас, в зрелом возрасте, в зависимости от своей надобности белое называет чёрным, чёрное же белым, стараясь уверить в этом и других. Как он отстал от себя трёхлетнего!

*

Там, где пригоршня монет получает больше веса, чем человек, там, должно быть, разладились весы Фемиды.

*

Сочетание в одном человеке высокого разума и красоты – великое счастье. Если дело дойдёт до выбора, сокращение второго предпочтительнее, нежели первого.

*

Бесплодное дерево можно использовать хотя бы на дрова. Бесплодная же мысль не применима абсолютно ни к чему.

*

Женщине некорректно спрашивать мужчину о возрасте. Мерило мужчины – его достоинство, а не годы.

*

Препятствия существуют для тех, кто умеет их преодолевать.

*

Красота, возросшая на самой красоте, недолговечна. Она, как растение, должна быть привита к стеблю, пробившемуся из дикого корня.

*

При взгляде на мир даже невооружённым глазом отчётливо видно то, чего нельзя счесть великим открытием, – всякое из государств – продукт способностей и мышления живущих в них народов.

*

Чтобы действительность обратилась в легенду, необходима временная протяжённость. Времена же создаются множеством поколений людей.

*

Если, следуя по жизненному пути, ты споткнулся, упал, но не думаешь подниматься, ты погибнешь. Подняться и идти вперёд – инстинкт самосохранения всякого живого существа.

*

Разум, поддержанный умением заинтересовать, – залог жизненного успеха. Умный, но неинтересный человек ничего достичь не может.

*

Рассудок – величайшая сила мира. Яркое подтверждение этому – заключённый человеком в клетку царь зверей – лев.

*

Утро призывает вовсе не петух своим пением. Напротив, предчувствие наступающего рассвета и побуждает его петь.

*

Мудрец не тот, кто признаёт ошибку после свершившегося факта, а тот, кто загодя предвидит, что последует за предпринятым шагом.

*

В жизни каждого человека бывают тяжёлые и лёгкие годы, несмотря на то, что они не обладают весом.

*

Если бы забравшийся в огород козёл не испытывал страха, он бы выщипал всё, что в нём вырастили. Психика вора, в большей или меньшей степени, присуща и животным.

*

Народ, который своего главу при жизни объявляет вождём, а после смерти награждает порицаниями, не может похвастаться силой разума. Он больше походит на отару овец, привлечённую подброшенной в воздух папашой своего пастуха.

*

Посеянное добро всё равно что зерно. Если прорастёт много ростков, нужно ждать невиданного урожая.

*

Человеку искони сопутствует желание подчинить себе собрата. На долгом пути развития общества жертвой этой идеи пали миллионы людей. Процесс продолжается и сегодня, и ему не видно конца.

*

Не существует идеальной свободы. Она имелась лишь у первобытных людей. У нас всех на шее лежит ярмо закона.

*

Человеку не даёт покоя невыплаченный долг. Это хороший признак – у него ещё сохранилась совесть.

*

Люди – несравненные мастера строить и разрушать жизнь. В обоих случаях между ними имеется взаимопонимание. И доброе, и злое следует приписать этому взаимопониманию.

*

Любовь не гость, которого можно угостить и распрощаться. Нужно крепко затворить врата души, чтоб она не ушла. Но если она взломает врата, значит, ты ошибся – она не то, за что ты её принимал.

*

Кто не умеет ставить цель, тому не дано и мечтать. Всякая достигнутая цель ступень лестницы, которая ведёт к вершине жизни.

*

Люди по своему нраву несхожи и делятся на таких, что стремятся к покорению вершин, и таких, что предпочитают идти по равнине.

*

Того, кто не в состоянии дать себе самооценку, не сможет оценить и другой.

*

Если интересное и дорогостоящее постоянно повторяется, оно становится и неинтересным, и дешёвым.

*

Если в спортивном соревновании одна сторона не потерпит поражения, зрелище становится неинтересным. Неудача же в достигнутом деле влечёт за собой позор и сожаление.

*

Вначале рождается идея, а потом цель. Расстояние между ними зависит от высоты цели.

*

Памятники не выдерживают бега времени. С именем, остающимся в памяти народа, не сравнится никакой памятник. Оно передаётся от поколения к поколению.

*

Неужто преступник, отнимающий у жертвы дарованные ей Господом годы, полагает, что они прибавятся ему?

*

Тиран всемогущ до тех пор, пока его питает власть. Если эта связь прервётся и отключится – цена ему та же, что и перегоревшей лампочке.

*

Красота женщины зрима, рассудок же незрим. Чтоб не раскаиваться в том, что стал жертвой красоты, оцени её рассудком. Для этого им и речью Творец и наградил людей.

*

Никому не посоветовал бы принимать чужие советы неосмотрительно, – в некоторых из них таится коварный умысел.

*

Если человек до тебя обманул и кинул других, знай, что это его природное свойство. Изменить эту природу не в силах ни ты, ни он сам. Ты всё же ему доверился? Проводишь эксперимент? Тебя постигнет то же, что и твоих предшественников.

*

Бесталанный, но трудолюбивый человек создать что-то может, но удивить никогда. Талантливый же и трудолюбивый только и знает, что удивлять творениями своих рук.

*

Человек – единственный из одушевлённых существ, кто постоянно борется за первенствование, хоть порою случается, что на его пути становятся беспомощные существа. К примеру, созревшие на дереве прекрасные плоды первыми вкушают черви, мухи и муравьи.

*

Если человек не находится в постоянном процессе труда, он ржавеет, как выброшенный плуг.

*

В государстве, глава которого преклоняется перед законом, народ ходит вольно расправившись.

*

Не приучай ребёнка кататься у тебя на загривке. Это настолько сильное увлечение, что дитя, выросши, может обратить тебя в ломовую лошадь.

*

Народ, который свои недостатки приписывает главе страны, – дальнорук, но вблизи ничего не видит. Для пользы дела ему предпочтительнее быть близоруким.

*

Ты очень счастлив, если умеешь регулировать свое настроение. Тем самым ты облегчаешь нагрузку на душу и разум, не утомляешь их и, естественно, многого достигнешь.

*

Поцелуй – молчаливое проявление любви. Это зов души. А если это не так, то просто фикция, доступная и животным.

*

Счастье ни с кем не остаётся навечно. Поэтому береги его, пока оно с тобой. Ни поймать его, ни ухватить не в силах никто, можно только остеречь и продлить.

*

Чего нет в тебе самом, невозможно найти в другом. Также, чего нет в нём, другой не найдёт в тебе. Выявляя и учитывая это, вы достигнете совершенства.

*

Молчание может таить в себе столько тайн, сколько не уместится ни в одном сейфе.

*

Амбиция сравняться в росте с мужчиной поставила женщину на высокие каблуки. Видимо, вместе с их изобретением родилась и идея равноправия.

*

Если бы идеи отягчали голову, тело гениев было бы раздавлено её тяжестью.

*

Учиться у других – долг, учить других – обязанность. Получая, нужно и отдавать.

*

Жизнь – мерило, которым измеряется пройденный человеком путь.

*

Хитрость – своего рода талант. Она управляет своим обладателем и руководит им по своей воле.

*

Насколько далёк замысел, настолько длинен ведущий к нему путь. При всём желании сократить его невозможно.

*

Время, в которое ты своим трудом создал нечто, могущее остаться для будущего, нельзя счесть миновавшим, оно всегда с тобой.

*

Вол попросил своего владельца: когда мне придёт конец и ты сдерёшь с меня шкуру, не обращай её в кнут для наказания моего собрата. Человек выполнил эту просьбу – кнут он использует для лошади, а для наказания быка придумал плетённый бич.

*

Когда дело коснулось выбора, утоплению он предпочёл петлю, дабы не намочила одежда. Уход за ней был у него в крови.

*

Надежда на потустороннюю жизнь – величайшее утешение, облегчающее уход из мира сего.

*

Когда вокруг видишь преобладание бесчестия, начинаешь опасаться своей чести и порядочности. Видимо, и бесчестные, видя меня, испытывают сходное чувство.

*

Постоянно борюсь с алчностью в самом себе. Пока ещё не устаю и считаю себя победителем. Проиграю битву, видимо, лишь тогда, когда ослабеет надобный для неё рассудок.

*

Человека, в отличие от других живых существ, характеризуют такие особенности, как мышление-речь, любовь-ненависть, верность-предательство, коммуникабельность. Благодаря этим свойствам он завладел планетой.

*

Я не обладаю крыльями, но всё равно всегда стремлюсь ввысь. Не забываю и о том, что там никто не утверждается навечно.

*

Ужасно стоять на перекрёстке, не зная, какой выбрать путь, и не решаясь ступить на него.

*

На лице человека ясно проступают отнятые испытаниями годы. Принесённые же радостью – незаметны.

*

В дни революций ораторствует меньшинство просвещённых. Большинство же, непросвещённые, говорят друг с другом на языке оружия. Обратного никогда не происходит.

*

Если в поисках чего-то ты лишаешься разума, к чему тебе это приобретение? Оно перейдёт к другим.

*

Создание творца опережает его имя и славу, поскольку автор приобретает известность через творение, а не наоборот.

*

Обнаруживать чью-то ошибку и посрамлять допустившего её легко, когда закрываешь глаза и умалчиваешь о собственных.

*

Представь на минуту, что кто-то высокомерно смотрит на тебя сверху. При этом ему ты видишься крохотной точкой. Может ли быть худшее унижение?

*

Сеть непригодна для изготовления паруса – такой парус не поведёт ладью. Но и парусину не используешь для ловли рыбы. Некоторые же люди полагают, что они пригодны ко всякому делу.

*

Если дождевая вода протекает в дом, необходимо починить или заменить кровлю. Это неоспоримая истина. Если завелись грызуны, нужно не дом разбирать, а выводить этих грызунов. Это же истина в квадрате.

*

Совесть и честь такая ноша, какую поднять могут далеко не все люди.

*

У человека, обладающего трезвым рассудком, не возникает проблем ненасытного желудка и жадных глаз.

*

Подпусти невооружённого врага поближе – быть может, в нём выявится что-то доброе и он даже сможет стать другом.

*

За истиной может скрываться фальшь. Она же настолько прозрачна, что пригодной для прикрытия истины никогда стать не сумеет.

*

Единственное, чего у тебя никто не оспорит, это пройденный тобой жизненный путь.

*

Никогда не жалея о нереализованном замысле. Сотри его из памяти, как выведенный мелом на доске абстрактный рисунок.

*

Не ценишь того значительного, что достаётся легко. Но даже мелочь, обретенная множеством попыток, переживаний, трудовым потом, становится драгоценной.

*

Если пустился в далёкий путь, спрячь свою лень под камень. Не опасайся, что кто-то её унесёт. Её всем хватает с избытком.

*

Кто умеет плавать, может переплыть и море. Не умеющий же утонет и в луже.

*

Трудолюбивый человек – беспощадный эксплуататор имеющегося у него времени. Он всегда пренебрегает им и использует в своих интересах. И к тому же постоянно жалуется: у меня никогда не было и сейчас нет свободного времени.

*

Многие руководители воспринимают своих сотрудников как охотничьих собак – если они плохо вынюхивают дичь или не приносят ему добычу, он их увольняет – избавляется.

*

Коррупционер – тормоз машины, которая зовётся государством. Страна с высоким уровнем коррупции вызывает жалость. В этом случае не может идти и речи о продвижении вперёд. Всё опережают коррупционеры, а страна стоит на месте и ржавеет.

*

Всякому распоясавшемуся руководителю можно сказать: ты должен возглавлять общество слепых, где, не видя, что ты по горло вывалиян в нечистотах, тебе могут довериться. Или общество глухонемых, до которых не доходят слухи и сведения о тебе.

*

Поистине удивляют люди, добровольно отворачивающиеся от чело-веколюбия, истины, чести. То, что они обретают взамен, не стоит и медного гроша.

*

Прекрасному требуется зритель-осмыслитель. Иначе мимо него будут просто равнодушно проходить.

*

Все люди мечтают о богатстве. К сожалению, чаще богатеют те, которые для достижения этой цели не гнушаются ничем – прибегают к запрещённым законом приёмам.

*

Продувного взяточника самыми добрыми речами проймёшь так же, как глухого от рождения – музыкой.

*

В одном трудолюбивом, деятельном человеке найдёшь интересного больше, чем в тысяче лентяев и разгильдяев.

*

Жена изменяет мужу, муж – жене. Худшего, уродливейшего проявления равноправия мужчин и женщин не существует.

*

Дурак не сделает зла. Зла можно ожидать от того, кто прикидывается умным, но на деле совсем не умён.

*

Всю свою совесть он смыл с себя в бане. И стал так лёгок, что принуждён таскать гири бесстыдства, чтобы его не унёс ветер.

*

Открытого врага встречаешь подготовленным, скрытый же враг замаскирован и потому очень опасен. При встрече с последним твои шансы на победу сильно сокращаются.

*

Что такое мудрость? Редкий вид разума, прошедший через десятки лет.

*

Малая пробоина может утопить огромное судно по милости пустоты. Главное, где находится пробоина, выше или ниже ватерлинии. Так что для судна пустота может стать и спасительной, и роковой.

*

Труд тогда в радость и удовольствие, когда он тебе по душе. Иначе он становится средством наказания.

*

В государстве, где царят террор и диктатура, народ оказывается в положении рыбы – орган речи его залит водой.

*

Один и тот же всадник оценивается народом по-разному в зависимости от того, коня он оседлал или осла.

*

Страх рождают обстоятельства. Если бы не так, мышинный шорох не пробуждал бы спящего льва.

*

Всякая революция вызывается стремлением отнять у кого-то и взять в свои руки власть. Разумная власть не доведёт общество до такого состояния.

*

Первичный винный завод, директором которого я работал, славился превосходным вином. Однажды в гости ко мне приехал хорошо знакомый поэт со своим другом. Они попросили меня снабдить их хорошим вином для какого-то застолья, в ответ на что мне пришлось признаться, что в

данный момент хорошего вина на заводе нет. Так уж получилось! Что ж, дай, какое есть, – согласились они. Я отказывался: оно отдаёт уксусом и вам не подойдёт. Они многозначительно переглянулись, немного поколебались, но отказаться не отказались. После первого же стакана никто не устоит на ногах, – подкрепил я свой отказ.

– Ладно уж! Не твоя забота. Ты дай, а там дело наше. В конце концов будем пить лёжа! – остроумно ответил друг моего друга.

*

Позаботься о деле, а уж имя и слава придут сами собой.

*

Пасть духом хуже всякого иного падения. Попробуй в этом случае встать!

*

Добрыми и злыми рождаются, так же, как глухонемыми. Первых обнажает жизнь, вторые проявляются сами собой.

*

Тем, кто только и думает, как бы в чём-нибудь не отстать, не уступить ближнему, и болезненно это переживает, я бы посоветовал порой оглядываться, чтоб посмотреть, не опередили ли они других? Действие этого средства безотказно, и оно зовётся надеждой.

*

Мне доводилось видеть купы движущихся по небу дождевых облаков с востока на запад. Но ведь облака двигаться не могут? Это ведь результат перемещения воздуха в атмосфере, вызванного изменением температуры.

Купы этих облаков напоминают мне некоторых личностей, попавших в высшие сферы власти той или иной страны.

*

Историю движут лидеры, личности. Народ же – попавший в их распоряжение, строительный материал. Именно из этого материала выковываются и сами лидеры.

*

Мост между двадцатым и двадцать первым веками стоял на довольно прочных сваях. По нему прошли несколько миллиардов людей, и он устоял. Любопытно, как свяжет мост двадцать первый и двадцать второй века. И вообще появится ли такой мост и найдутся ли проходящие по нему?!

*

Все войны подвижны одной идеей – желанием поработить противника. Если бы не существовало сладкого соблазна свободы, не случилось бы ни одной войны.

*

У любви, как и у растений, есть период цветения. Кто не использует этой поры, будет сильно сожалеть об этом и уйдёт из жизни, не оставив в ней и следа.

*

Выросшее перед тобой препятствие не преодолеть, если не отступить назад и не разбежаться.

*

Жизненный путь – это такой марафон, для одоления которого нужно обладать опытом прыжков и в длину, и в высоту разом.

*

Значительное порой представляется тебе незначительным, незначительное же значительным. Всё зависит от времени и обстоятельств.

*

В значительности и красоте произведения искусства заложено бессмертие имени его творца.

*

Деньги не следует выставлять напоказ. Их нужно извлекать, лишь когда этого требует необходимость, если не хочешь стать жертвой своего достояния.

*

Всякий человек – биологический корень, из которого вырастают будущие поколения.

*

Если ты замечаешь, что твой собеседник умнее и образованнее тебя, не вступай упрямо с ним в спор, а своевременно его прекрати.

*

Родина для некоторых – хлебный амбар, а сами они – проникшие в него полёвки. Другие работали, а эти ненасытно поедают плод чужих рук.

*

Лиса, рыжая она или чернобурая, пригодна лишь на шубу, а не в главы страны. Страной надобно управлять, добр ты или строг, – в который раз преподаёт нам урок история.

*

Собрат потребовал у собрата взятку. У бедняги не было денег, и он вместо них содрал с себя шкуру. Прошло и многое изменило время. Содравший когда-то шкуру собрата теперь сам пришёл к нему за помощью. Тот же средь бела дня и содрал кожу с него, и возвратил свою. Ну и мир пошёл, не разберёшь, кто мясник, а кто телёнок.

*

Пока ты освещён сиянием своей страны, и сам должен гореть, как свеча, и освещать путь другим, а не тлеть и застилать им глаза дымом.

*

Столкнувшийся с чёртом коварный лстец везёт по жизненному пути арбу и натягивает поводья на шее праведника, впряжённого в неё вместо вола.

*

Делу не требуется прекрасноречие, ему не следует доверяться. Поистине доброму деянию не пристали ненужные похвалы.

*

Ты считаешься человеком, если у тебя много денег. Очень трудно понять людей! Стране, которая так считает, цена всего один грош.

*

Поднятием пальца указывают верх. В урну же что-то бросают, опуская руку вниз. Не ждите от выборов слишком многого, у многих рука слишком далека от головы.

*

Если ты хочешь проложить мост над оврагами жизни, определи цену находящимся рядом. Не всякий подойдёт мосту в опоры.

*

Наделённый умом, честью, просвещённостью человек украшает собою жизнь. Золото от времени не ржавеет, оттого провидение наделило им мир умеренно.

*

Многим он кажется кесарем, но я-то ему цену знаю! На троне кесаря восседает пустышка-фальшивка.

*

Божеством, титулом и должностями человек отгораживается от чело- века. Но когда всего этого он лишится, преграда мигом падёт.

*

Когда у тебя по горло богатства, все увиваются вокруг тебя. Но стоит споткнуться и что-то утратить, как все захотят тебя раздавить.

*

Дарованное тебе Господом Богом здоровье нужно беречь так же, как деньги. Если даром растратишь их, порадуешь завистника и врага.

*

Он всегда учил ближних уму-разуму. Дарованное благо не почитал утерянным и в самом деле не оскудел.

*

Чарльз Дарвин утверждал: человек порождён обезьяной. Я смотрю на некоторых выродков и думаю – как он был прав!

*

Когда один человек порицает другого, старается изо всех сил, лезет из кожи, чтоб получше обругать того, – поставь его самого на чашу весов, приглядишься, каков он сам.

*

Если высказанное мудрое доброе слово не пронижет твоего лба, то как же оно проникнет в клетки мозга? Это значит, что лоб подобен панцирю черепахи, а мозг – замешенному тесту.

*

Вдумайся в эти мои слова и не сердись: протухшую воду не пьёт и лошадь, что ж ты угощаешься этим прокисшим вином?

*

Я оставил сыну высокий, до неба дом, – с таким убеждением Мосэ умер в узилище. Внук же его в короткий срок всё расточил и теперь живёт чуть не в мышиной норе.

*

Пока другие неустанно трудились, этот готовил отраву ближнему, но... она попала в стоявшую рядом склянку с мёдом, и злодей сам отправился к праотцам.

*

Когда мудрое слово попадает на благодатную почву твоего мозга, оно внедряется и остаётся в нём. Если же вдруг сорвётся, то, значит, сплюховал сам мозг, он ведь защитная стена, слова же – горошины.

*

Братья то и дело старались ужалить и уязвить друг друга. Но когда один из них ушёл из жизни, второй в горести стал у его холодного гроба и проводил до края могилы.

*

Ты ищешь в злом зерно добра? Что лежит в земле, то не достигнет неба. Алчный, жестокий, беспощадный таится, как головёшка в золе, и если поворошить её, пробудится, даже улыбнётся тебе, но ты не верь ему – будь осторожен.

*

Стою у неприступной крепости, за которой возвышаются крутые скалы, и думаю, как добиться цели – освободить любимую и взвить свой флаг?

*

По вёснам с шумком лопаются юные почки, бег времени пробуждает природу. О Господи, введи меня, утомлённого борьбой за мечту, в этот боевой, животворный круговорот.

Перевод с грузинского Майи Бирюковой.

г. Караганда.

Редакция «Нивы» сердечно поздравляет Реваза Юстиновича Махатадзе – талантливого грузинского писателя, давно связавшего свою судьбу с Казахстаном, постоянного автора и члена редсовета нашего журнала с замечательным 70-летним юбилеем и желает ему неиссякаемой энергии на многие годы, бодрости духа и тела, счастья и новых творческих свершений!

Городская пастораль

На выставке «Дневник путешественника», прошедшей в столичном музее современного искусства, беспрестанно звучали слова восхищения в адрес автора – художника Евгения Фридлина.

Картины чинно висели в ряд, нигде не нарушая идеально ровную линию, и в первую очередь зрителями отмечались простота и простор экспозиционного пространства (хочется сказать именно так), действующая почти что магически. Обычно в экспозицию стараются вместить как можно больше артефактов, забывая, что «загромождённость» лишает возможности получить от каждой работы максимально полное впечатление и по достоинству оценить увиденное.

Евгений Фридлин и куратор выставки руководитель галереи «Улар» Юрий Маркович поступили мудро, сделав выборку из нескольких серий картин, создававшихся почти десять лет.

Зрители медленно двигались по залам, всматриваясь в городские дали, воссозданные на полотнах внимательным, тонким мастером кисти Евгением Фридлиным. На его картинах Алматы «соседствует» с Венецией, Кёльн – с Санкт-Петербургом, Вильнюс – с Москвой, мелькают площади, улочки, дворы Павлодара, Парижа, Лондона, Дюссельдорфа... Заметно, что художник переполнен впечатлениями от поездок по Европе. Однако, что бы ни было объектом изображения, Евгений Фридлин остаётся верен своей манере письма – созерцательно-сосредоточенной, зависимой от настроения мастера и «настроения» города, которое он чутко улавливает. Не зря его палитру считают импрессионистской, а его самого – «поэтом природы и состояния».

Имя художника оказалось на слуху с первых его выставок, а сегодня Фридлину называют одним из лучших живописцев Казахстана, заявивших о себе на рубеже веков.

«Созданные им образы городов не оставляют нас равнодушными, заставляют увидеть в них жизнь, вызывают какие-то свои воспоминания и даже ностальгию, – говорил на вернисаже известный отечественный искусствовед Валентин Пак. – Это достоинство реалистического искусства, достижениями которого не пренебрегает автор». Добавим, что художник не просто пишет в жанре городского пейзажа, а создаёт запоминающийся портрет города. Все работы созданы на основе этюдов.

Художник любит экспериментировать. Сменяют друг друга монохромные и полихромные циклы, тихие уголки Алматы оказываются не менее притягательными для зрителя (думается, что и для художника), чем

каналы и мосты Амстердама. Пасмурно-маревый Петербург побуждает вспомнить Достоевского, Букингемский дворец и Домский собор выглядят совершенно не пафосно, а забастовка в Париже – праздничным действием. «Я и не понял вначале, зачем собрались там люди с флагами, шарами, с музыкой», – вспоминает автор.

Бесконечно трогательны многочисленные «Дворики» и «Крыши», которые Евгений Фридлиן видел, наверное, в родном Павлодаре или в Алматы, где часто бывает сейчас, или в любом другом городе нашего детства. И именно поэтому зрители подолгу всматриваются в эти картины и обмениваются друг с другом понимающими взглядами. Дарить такое настроение – тоже большое искусство.

Кто-то сказал о выставке: «Это тихая, красивая живопись». Действительно, Евгению Фридлину удалось и попасть в ритм изображаемого города, и «подчинить» его себе, увидеть поэтическое (элегически-мечтательное, яркое и темпераментное или сдержанное, меланхоличное) как в величественном, так и в обыденном.

... В планах художника написать серию об Астане, которую он начинает осваивать как опытный путешественник и талантливый живописец.

Наталья КУРПЯКОВА.

БОЛЬШАЯ ЖИЗНЬ

Драматург, публицист, краевед, очеркист-эколог – это далеко не полный «послужной список» нашего земляка Михаила Михайловича Аверина.

Большая жизнь пролегла за его плечами – это и гражданская война, и НЭП, и коллективизация, и Великая Отечественная война – не охватить взором.

В 2011 году исполнилось 100 лет со дня рождения Михаила Михайловича, 90 из которых он прожил на земле Северного Казахстана.

Михаил Аверин – уроженец села Новопавловка, бывшей в то время казачьей станицей.

«Часто вспоминается уютная, в 150 дворов, станица, с её светлой, довольно просторной школой, деревянной церковью, кузницей...» – пишет Аверин в книге «Благодарение памяти».

Старший в многодетной семье, Михаил Михайлович с детства приучался к нелёгкому крестьянскому труду, к бережному отношению к земле-кормилице, родной природе, чтобы потом стать защитником этой же природы, безжалостно уничтожаемой человеком.

«Радует и ласкает взор величественный размах далее неоглядных, где можно встретить вечно трепещущие осинки, кряжистые вязы, ватажные колки белоногих берёз и словно копны зелёного сена – таловые кусты, таящие в себе прохладу».

Возникала потребность рассказать о родном крае и людях, живущих здесь, о традициях и обычаях, ныне, к сожалению, забытых и утраченных.

Так появилась книга «Благодарение памяти» – 44 рассказа о жизни новопавловских станичников.

Всего же из-под пера Аверина вышло три книги документальной и художественной прозы – рассказы и очерки о родном Приишимье – «Пеньковские зори», «Простите нас, журавушки», «Благодарение памяти». Он принимал участие и в коллективных сборниках – «Лик земли», «Литературное Приишимье», «Эхо родного края» и других.

Будучи человеком весьма солидного возраста, Михаил Михайлович совершал большие пешие прогулки, доходил по окрестным лесам до Пеньково. Он внимательно следил за состоянием лесов, чистотой озёр. Не раз можно было увидеть Аверина в редакции областной газеты «Ленинское знамя» с актуальной статьёй. Так, озеро Пеньково от гибели спас именно Михаил Михайлович своими острыми публикациями, обращениями в различные инстанции.

С юношеских лет Михаил Аверин участвовал в художественной самодеятельности, писал частушки и сценки. Часто ездил в город на спектакли, а затем стал писать пьесы. Его спектакль «На берегах Ишима», ставившийся в 1959-60 гг. на сцене областного театра драмы им. Погодина, имел большой успех. А самодеятельные театры области ставили его пьесы «Памятники живущим», «У нас в Рябиновке» и другие.

Михаила Михайловича отличала целеустремлённая созидательная деятельность. Он возглавлял областное управление кинофикации, работал председателем Совета по кино, именно ему принадлежит заслуга в развитии кинофикации области.

Михаил Михайлович являлся старейшим членом областного литературного объединения. Он посещал занятия литературных кружков, работавших в области ещё в конце 30-х годов прошлого столетия. Активное участие принимал и в работе литературного объединения, действующего при музее искусств. С доброй улыбкой встречал своих коллег – собратьев по перу, интересовался их публикациями в газетах и журналах, выпуском новых книг, всегда был готов дать совет начинающим авторам, поделиться богатым опытом. В его увлекательных рассказах перед нами предстали живописный быт, обычаи и обряды казачьей станицы Новопавловской.

В наших фондах хранится ценный экспонат – рукопись Аверина, повествующая о встречах и беседах с выдающимся писателем-земляком И.П. Шуховым.

И совсем не случайно нашему литературному объединению было присвоено имя Михаила Аверина – человека, внёсшего весомый вклад в развитие культуры Северо-Казахстанской области.

**Ирина МАТВЕЕВА,
сотрудник литературного отдела
Северо-Казахстанского областного
музейного объединения.**

Михаил АВЕРИН

О прожитом

Забвенное детство моё лопнуло, словно яичная скорлупа, в тот день, когда отец, Михаил Матвеевич, уходил на германскую войну. Это было в 1914 году. Не помню дня, но время было зимнее, шёл обильный снег, мы ехали в санях с матерью, с Ванюшкой годовалым на руках и с соседкой. Ехали не мы одни – многие ... Казаки при всей военной форме и амуниции ехали впереди на своих обжитых и обласканных конях. Рёв и причитание женщин и особенно матери – Матрёны Лукьяновны – сдёрнули пелену детского забвения, жизнь моя стала настороженной, появились заботы за мать, за наше семейство. В этот день я, очевидно, и понял, что жизнь не так-то уж проста и беспечна. Особенно запомнился последний час прощания на перроне вокзала. Здесь было так много слёз, рыданий, песен пьяных, чьих-то команд, испуганного ржання лошадей, которых тут же грузили в вагоны. Печальный уход поезда с родными сердцу каждого людьми, что после этого мне не одну ночь приходилось видеть сны, которые продолжали, дополняли всякими причудами роковой день проводов отца. Вскоре от трахомы мать ослепла. Её увезли в город, в больницу. Мы с Ванюшкой жили у дедушки Гордея и у бабушки Соломеи (сестры матери). Часто мы их путали – дедушку называли Соломеем, а бабушку – Гордеей. Они смеялись. Жили мы у стариков, очевидно, долго, потому что мать, когда она вернулась из больницы зрячей, мы не узнавали и не признавали.

Пятистенный наш дом стоял на возвышенном берегу Ишима. Из окон можно было видеть железнодорожный мост, кожевенные заводы, часть подгорной стороны города Петропавловска и луга – бесконечные дали в сторону Мамлютки. Этот возвышенный берег в дни разлива Ишима всегда подмывался, обваливался и приближением реки вытеснял село на гору. Там, где стоял когда-то наш дом, место обвалилось в пучину разлива. Отец рассказывал, что когда-то в его детстве за нашим домом были десятки домов, но все они были вытеснены Ишимом.

Годы шли, а отец не возвращался. Отцовские письма приходили редко. Их приход был праздником для матери. Отец наш был большим чудачком и выдумщиком. В своих письмах он обязательно чудил. Помню, как-то пишет: «Так бы я побыл дома и поел бы морковных шанег ...». Мать подтверждала, что он действительно любил морковные шанежки. А ещё в конвертах он обязательно присылал несколько рисунков собственного произведения, на которых изображались турки, их сакли бескрышие, горы, буйволы, что для нас было диковинным. В порядке успокоения он писал, что турки-де от нас бегут, что как только дойдём до Стамбул-города, так им тут и «крышка», а мы все домой. Письма перечитывались десятки раз чуть ли не всем селом, и утром и вечером. Был большой патриотизм, но более всего национализм. Турок называли бусурманами, и каждый, если бы ему привели их сотню, тысячу, тут же готов был перебить не моргнув глазом! В казачьей, в которую мы часто лазили промеж ног собравшихся на сходку казаков, висела карта, на

которой из устных и газетных источников регулярно отмечались военные действия. У этой карты особенно ярко спорили старые вояки. Каждый хотел быть стратегом, «видя бой издалека».

– Эх язвете душу, нам бы туда! Набили бы харю бусурманину-турку.

– Вот бы отсюда, в тыл бы заходом да по этому кайзеру! ... – скользил по карте заскорузлый, с треснутым и неостриженным ногтем палец бородача.

– Не всегда поразительно в тыл-то... было в Японскую под Тюремченом ... дал он нам по заду-то, – бормотал участник войны 1905 года.

У немца появились аэропланы, с которых он сбрасывал на головы наших бомбы. Это было не по душе домашним стратегам. Чувствовались уныние и страх, особенно среди солдаток (казачек).

– Слава Богу, хоть мой-то не в Карпатах, а на турецком, а у турков еропланов нету, – вздыхали облегчённо те, у которых мужья шли на Стамбул-град.

Появились литографские лубочные картины, изображающие военные события. Вот одна картина: русские в окопах, а над ними немец в каске с острым шпилем, с крыльями как у летучей мыши, в руках прижатые к груди мелкие бомбочки, которые он сбрасывает, но невпопад. Бомбы красочно рвутся на зелёном фоне лугов, а русские солдаты, чуть ли не в парадной форме, смеются, выглядывая из окопов. Вторая картина: идёт рукопашный бой, развесёлый бой. Немцы явно терпят поражение – падают, бегут, всюду кровь, а русские победно режут врага. И командует ими сам царь Николай II!

Третья картина – турецкий фронт: русские набили турок ворохами. По красочному полю всюду тоже трупы, красные фески, кривые янычарские сабли, всюду кровь, которая стекает в единое русло речки. Воды нигде нет, только кровь, и вот эту-то кровь, дабы утолить жажду, турчанки черпают котелками и тут же пьют и поят своих черноглазых детей. По этой картине явно было видно, что наши скоро победят, они ушли добивать, они ушли ко граду Стамбулу. А тут вот расхлёбывай теперь, турецкое племя!

Все эти картины имели немалый успех среди казаков-домоседов и казачек, они вселяли победные надежды.

Совершенно другое было в письмах с фронтов, особенно с германского фронта, где нелегко было, где многие запросто гибли. Оставались вдовы с малыми детьми – «бороной». Люди сбегались в дом, читали и перечитывали письма товарищей, сообщающих о гибели, ревели, причитали... Мать наша от темна и до темна моталась по хозяйству. Ей очень хотелось показать себя хозяйственной, хотелось к приходу домой отца увеличить хозяйство, и надо отметить её некоторые успехи. Она наняла вятских мастеров, которых у нас на селе кишмя кишело на заработках. Построила новые крашенные ворота, сделала ремонт в сараях. Во дворе посадила 4 тополя, к одной коровёнке прибавилась ещё одна, родилась жеребушка, и у нас, посчитай, стало 2 лошади. Были 4-5 лохматых овцы, поросёнок. Нужды в хлебе мы, кажется, не знали. Мы с Ванюшкой росли сами. Мать нам приходилось видеть редко. Она то в город с овощами уедет, то на пашню, то на

огороды, за счёт которых мы в основном и жили. А что значит огород? Чтобы вырастить капусты 10 соток, всё лето почти надо вставать чуть свет и до солнца полить, засучив юбку выше колен, таскать воду из Ишима на крутой подъём! Мать приходила с полива, падала от усталости, но, полежав 10-15 минут, снова исчезала по другим делам.

А что значит вырастить 10 соток моркови? Это значит десятки дней сидеть на жаре и выщипывать из неё травку. Но нам нравилось, когда наступало время прополки моркови. Нас мать брала с собой. Она полола, а мы лазили по кустам, обдирали талинки и свои ноги, а уставшие, спали на меже, облепленной мухами. Порой сквозь сон, как будто из глубокой ямы, доносился грустный напев матери: «Догорай, гори, моя лучиночка, догорю с тобой и я ...».

Не всегда нам нравилось оставаться одним дома. Ведь если мать оставляет нас одних, то обязательно под замком. А что значит сидеть взаперти? Крынка молока, калач хлеба, таз для надобностей. Пьём молоко, едим хлеб, используем таз до его заполнения. Был случай, когда в суматошной игре этот таз мы пролили ... А в шумной игре время шло быстрее, интереснее. Если не играть – страшная скука! На улице лето, солнце, а в избе тишина, лишь где-то в обоях шелестит таракан, да назойливо гудит и гудит муха, застрявшая в крынке.

Однажды Ванюшка по брусу карабкался на полати. Чем было вызвано, не помню, но он поторопился и свалился с бруса. Но не упал на пол, а, зацепившись за шпиль, вбитый для зыбок, рубашкой повис кверху животом. В страхе он неистово орал, ведь дом наш был изрядно высок, а следовательно, и полати от пола находились метра на три, три с половиной. Что делать? Я кричу: «Не ори», а он орёт. Ставлю стул, забираюсь на него – не достаю. Кладу на стул корытце – достаю, но только достаю, а чтобы поднять и снять брата, – увы. А он орёт, ногами и руками дрыгает. Встаю на полати, тяну его за рубашку, ничего не получается. Сил мало. Тяжёл Ванюшка, как камень в мешке. Слезаю. Убираю стул, хочу что-либо постелить на пол, на случай, если порвётся рубаха и Ванюшка упадёт. Но не успел я что-либо подстелить, как мои предположения сбылись. Рубаха лопнула, и мой Иван был таков!.. Ударился он больно, долго плакал. А потом выдул стакан молока и крепко уснул. Эх, побежать бы на улицу! Вон Васька Колоколов с Сенькой Журавлёвым на рыбалку пошли. У каждого поудочке. Глядишь – чебаков или пескарей наловят, а ты сиди тут... А за старичей, наверное, черёмуха поспевает.

Доставалось и мне от Ивана. В детстве он был совсем не тот, что теперь – муху не обидит. А тогда он мало рассуждал, а больше действовал. Сажу я как-то у ящика на полу, а он на ящике, и хрясь меня по голове железным молотком. Я слышал стук, потом оглох – а дальше ничего не помню... Пришла мать с огорода, а я будто убит. Голова запеклась в крови, на полу кровь. Она проверила – сплю.

А когда подросли, он мне указательный палец топором отрубил. Делали мы с ним ружья из камыша. Лежит камышина на чурке, а мы спорим:

– Не надо её рубить на патроны, ружьё из неё выйдет, – говорю я.

– Нет! Патроны! – возражает он, а сам держит на взводе топор. Хотел я выхватить из-под занесённого топора эту камышину, а он – хрясь!

Чувствую приятную теплоту на руке, поднимаю её, а палец висит на шнурочке. Кровь – ключом! Я заорал. Выскочила мать, а Ванька – был таков. Спрятался за поленницу дров, и потом его долго искали. Привели бабку-шептунью. Зашептала она мне палец. Затянула грязной тряпкой, а наутро в город – в больницу. Прирос палец, но остался кривым на всю жизнь. Так вот и росли. Мать вечно в поле, в городе, на дворе, а мы всё одни и одни. Не трудно догадаться, что матери хотелось «блеснуть» перед отцом. Пока он находился в армии, она ночей не спала – трудилась, сколачивая хозяйство. Ей хотелось иметь больше коров, лошадей, овец... Закабаляла себя фанатично, но всё-таки мы жили бедно. Коров было 2-3, но молока мы от них почти не имели. Конюшня была плетёная, необмазанная. Сена не хватало – кормили коров соломой. Все животные зимой мёрзли, лохматились, и им было не до нас... Летом я любил ловить рыбу удочкой на Ишме. Какая благодать, когда рано утром сидишь у тихого Ишма и ждёшь, когда клюнет... Над молчаливо текущей рекой плывёт прохладный туман, а из города, раскалывая утреннюю благодатную тишину, доносятся малиновые звоны и перезвоны колоколов пяти церквей. А несколько позже начинает звонить и наша, воткнутая в косогорье деревянная церквёнка о трёх колоколах. Но звоны всех церквей перебивал зычный голос большого колокола Вознесенского собора, который находился на центральной площади города. Настали смутные времена. По селу слухи ходят: солдаты войну бросают, кто-то проданся Вильгельму германскому. Турок Урзурюм оставил, а потом и лапки кверху, а в городе «политики» появились – против царя Миколая горло дерут. Мужики газеты читают, а потом и скуривают их.

– Эх! Взять бы нагайки со свинчаткой, да врезать! – возмущались казаки. А оно всё прёт да прёт. Ко многому стали привыкать, похихикивать, и только старики, насупившись, бурчали:

– Ну и ну. Куда вывезет кривая – посмотрим. Будет дело, епасните в душу!

– А всё-таки не в обиду сказать, Миколай сам виноват. Доверил он власть-то нашему землячку – распроклятому чалдону Гришке Распутину, да своей германке.

– Пролез чалдон желтопупый, язвить его, в самый дворец ведь!

– Как в сказке. Подвезло холере, на медах живёт и ничё не делат.

– Как не делат? А придворных красавиц кто общупывают?

Хохот. Закуривают по новой. Валяй, ребята, а что дальше будет – увидим.

А с фронта то калека, то письмо с тревожной вестью. Погиб Кольша. Слезы баб, причитания, вздохи.

– Какого парня подвалили! Тьфу!

Вернулся и отец с турецкого. На спине шрапнелью «залог вспахан», на виске – шрам, полученный от пьяного казака-кубанца, где-то в турецком городке Сорокомыше. Мужики табунами к нам, и день-деньской расспросы. Тут же рождаются и «гениальные» планы

захода, окружения и разгрома германца.

– Одолели бы, если бы не царица да Распутин, одолели бы, мать его!..

– Не так-то просто. Брусиловых у нас мало!

А война шла, подрастали парни, шли на фронт. В домах гуляли, пели:

Последний нонешний денёчек

гуляю с вами я, друзья,

а завтра рано, чуть светочек,

заплачет вся моя семья.

Заплачут братья мои, сёстры,

Заплачут мать и мой отец.

Ещё заплачет дорогая,

С которой шёл я под венец.

Вечером гуляли, пели, а утром, провожая, плакали.

– Господи! Что же дальше? – спрашивали люди. Но «Господи» безмолвствовал. А люди где-то гибли, нужда нарастала...

– В городе сахару не стало.

– Да и карасину тоже.

– Опять лучину, как в старину!

А тут новые вести: «Большевик появился, всё метёт!». И казалось нам, что где-то за горизонтом этот «большевик», он приближается к нам, и вот-вот его широченные плечи, а на плечах – здоровенная голова – всё это встанет перед нами, и нам капут. Но тут же и такое было: «Большевик – это что ни на есть простой человек, нашенский. Бояться его нечего...».

– Говорят, что Иисус Христос тоже большевик был... Уж не это ли пришествие Христа?

Люди собирались в избы, где был ещё керосин, и при десятилинейке засиживались до глубокой ночи, а потом боялись идти домой, а хозяева – оставаться дома. Частенько решали: тут же переспать. Наступали осенние заморозки 1919 года. Белые шли тьмой на Омск, часто возвращались, давали бои между Ишимом и Тоболом, гул боёв часто доносился до нас. Солдаты спали всюду: на крышах и под крышами, у заборов и у плетней, в избах и снях. Офицеры (многие с семьями) занимали лучшие дома. У нас жила семья беженцев, в количестве 7 человек, помогали матери, кормились. Жил и работник Иштван (не помню фамилии) – венгр. Вместе со мной он болел тифом, а потом я не помню, куда он делся. Я тифом болел очень долго – основным и возвратным. Дважды мать привозила попа и отпевала меня на тот свет. Ожил. Но долго-долго был очень слаб, плохо ел, не хотел разговаривать, да и не мог разговаривать – сил не было. Отец сошёлся с революционерами – Александром Григоревским, Кузьмой Филипповичем Казаковым и Анисьей Фёдоровной Баскаковой. Эти люди, покинув город, скрывались от преследований у нас в деревне. Анисья Фёдоровна работала учителем, Григоревский (впоследствии убит в кулацкое восстание в Токушах, а затем похоронен в Петропавловской братской могиле) – писарем в казачьей канцелярии (доверили как-то!). Кузьма Филиппович под видом работника жил у нас. Вечерами они собирались в горнице, закрывали окна, Анисья Фёдоровна брала в руки гитару, брала несколько аккордов, а потом разговор... О будущем мира сего, о будущем нового человека. Но вот их стали подозревать и преследовать. Возглавлял

это самый богатый на селе – Чернов – толстый коротыш в жилете с массивной цепочкой через выпирающий живот. И вот однажды утром – неистовый крик баб. Чернов убит и повешен на кольях плетня, возле загона на горе. Начались розыски. Подозревают фронтовиков – отца, Журавлёва и Севастьянова. Отец сговаривает их бежать. Отказываются. Отец скрывается. Матери угрожают. Особенно младший брат Чернова, владелец бакалеи. Мать сказала, что отец погиб. Многие верили её слезам и всюду искали погибшего отца. Искали на дне Ишима, в погребках, на пашне. А он... скрывался в мазаевских лесах. Скрывался до прихода красных. Мать одна об этом знала. Пришли красные. Их ждали с трепетом и страхом. Всё лето нас пугали приходом большевиков. В конце августа мы загрузили всю утварь в рыдванку и всей семьёй вместе с Пегановыми – беженцами из Украины, сбежали к себе на пашню, в леса, где у нас была зерновая избушка. Убрались в ней. Какая была красота! В лесу костянка, еда на пашне самая вкусная! Даже картошка в мундирах – вкуснятина! Ночи тихие, таинственные. Всякий комар – словно разведчик из тёмного леса. Пищит под ухом: «Ага, ты здесь!». Спали на общих нарах, сделанных в накат из бревёшек и застеленных запашистым сеном, накрытым льняным половиком. Попутно на водопой к нам заезжали люди из соседних пашен, тоже сбежавшие от большевиков, которые, как наш деревенский поп говорил, жгут и режут всех, не токмо детей, но и стариков. Мы жили на пашне до октября, а потом прибежала мать и говорит: «Всё, не могу. Зима близко, замёрзнете. Давайте домой, а там что будет. Убьют, так дома».

Приехали, разместились, печку топим. Ждём чего-то. А белые, и откуда их столько! То появляются, то ночью исчезают. Но вот повалил снег. Ударил мороз, Ишим встал. Белые уходят. Далеко слышен скрип колёс. Скрип доносится с той стороны Ишима, большевики пришли. Страх-то какой, батюшки! Бабёнки не находят места, прячут детей, задвигают ворота. Въехали красные. Напротив наших окон расставили пушки (12 штук – сам считал), ружья – в пирамидах, к окнам подкатали 2 полевых кухни. Варить нечего. Красноармейцы изнурённые. Дышут холодным паром. Стук в ворота. Мать расхрабрилась. Мы видим в дворовое окно: она идёт, а за нею командир и солдаты. Узнаём: мать продала им корову. От страха она могла бы отдать её даром, но тут продала, ещё за какие деньги! Дотоле невиданные. Солдаты все наелись и нас накормили. У нас лежал в постели тифозный венгр. Как он был рад, когда с ним заговорил красноармеец, тоже венгр. Вечером возле казачьей канцелярии комиссар собрал митинг, а после митинга – общее ликование.

- Поп-обманщик, белые-то сволочи, – толковали мои сельчане.
- Вот оно что! Теперь бы семян раздобыть да засеять побольше.
- В артель сливаться надо, сообща трудиться.

Коммунисты-уполномоченные говорили взахлёб. На сцене пробовали переломить голик: когда вместе – сломать невозможно! А тут привезли художественный плакат нового села. Красиво! Белые каменные дома, зелёные насаждения. Тут школа, там сельмаг, там правление, а тут улица из жилых домов. Сидят мужики, рассуждают: «На картинке-то славно».

- А кто рисовал – в селе не был... Не знает он, что крестьянину плетни

да сараи нужны, да и без хлеба не обойдёшься.

– Амбаров нету.

– Одним словом, мужичку и до ветра сходить некуда.

– В армии за штыком присядешь, а тута хоть матушку-репку пой.

Внизу смеются и курят дымно. А мы – мелюзга, где-нибудь за печкой притихшие, с жадностью слушаем да на ус мотаем дела житейские.

Жизнь протекала с пафосом, с девизами и идеями, хотя страшно бедно. Хлеб – с перебоями. Выручала картошка-матушка во всех видах. Из неё даже и пельмени делали, если появлялась мука. Болезни липли почём зря, но лечились больше всего дёгтем, мочой, горючей серой, крапивой и святой водицей. Времена были тревожные. Много было разных бродяг, бежавших из тюрем, отставших от белых и конокрадов. Хлебные злились, развёрстка донимала, ходили всякие слухи. Уполномоченных по сёлам частенько убивали из-за угла. А потом, в 1921 году, вспыхнуло кулацкое восстание. Семьи коммунаров вырезали начисто. Теперь приходилось удивляться: как это наша семья сохранилась, ведь отец был коммунистом и работал председателем ревкома. Он уехал на своей Карюхе в город вместе с батарейцами. Следом нагрянули восставшие. Наш дом заняли хорошие друзья отца и матери – из сёл Красноярка, из Сумного и соколовские. Раньше эти люди всегда заезжали к нам ночевать, а утром с продажей уезжали в город. Родители всегда принимали их любезно. Очевидно, они и прикрыли нашу семью от тёмной расправы. Характерно, что братья Бухонины, отделавшись ранениями, остались живы, но после участия их в восстании против коммунаров, но за советскую власть, они не заезжали больше к нам. Отец говорил: «Стыдно им теперь, избегают». В дни восстания я болел тифом. Иногда братишка Иван и двоюродный брат Пашка Колоколов одевали меня и выводили на улицу, чтобы сквозь плетень посмотреть, как на берегу Ишима колют штыками и сталкивают вниз с высокого берега коммунистов, пригнанных из Петропавловска для расправы. Многие из них не были коммунистами, но беда их была в том, что они были с бритыми усами и большими глазами... Этих признаков было достаточно для того, чтобы признать их коммунистами (!) Наступали на город с утра, крепко позавтракав. Вечером восставшие возвращались с награбленным салом, сахаром, хлебом, мясом и одеждой. Ванюшка с Пашкой стащили из саней-розвальней, нагруженных скобяными награбленными товарами, несколько капканов и колокольчиков. Они подарили мне один колокольчик и капкан, помню, как я был рад! А вечером от высокой температуры я бредил. Мать во второй раз пригласила попа для соборования меня.

– Ты ведь у меня дважды умирал, дважды поп отпел тебя, а ты вот жив! – вспоминала мать до самой своей смерти. Потом с кулацким восстанием было покончено. Отец вернулся на своей Карюхе из города ночью и снова стал председателем сельского ревкома.

Время было чрезвычайно хлопотное. Отец в ревкоме имел подушку, там и спал, а я ему носил еду... То и дело требовались подводы, фураж... Военный коммунизм чистил все лари и сусеки. Народ тревожился, часто терялась вера в советскую власть. По селу пролетали нездоровые шёпоты. Лупон Севастьянов вдруг подарил попу корову. «Что это?» – озадачивались люди.

– Провокация, – говорил отец и другие. Я восьмилетний сочинил об этом частушку:

Лупон Севастьянов на небе пимы шьёт,

Он ли не дурашка – попу коров даёт.

Грубо, непоэтично, но ребята под гармонь, проходя мимо дома Севастьянова, усердно пели эту частушку, а Лупон грозился. Однажды и с вилами накинудся на ватагу ребят. Я с ребяташками был тут же незаметным клопом, ликовал! Теперь было бы чудно кучке коммунаров и сочувствующих идти по коротенькой улице деревушки со знаменем и лозунгом, петь революционные песни, сиять красными бантами на груди и лентами на шапках. Тогда это было здорово!

Каждую неделю в школе (клуба не было) ставили спектакли. Народу – битком. Напротив школы была деревянная церковь. Наша учительница была из прежних и украдкой в сговоре с попом Василием водила нас в церковь. Там было холодно. Поп, рассадив нас на скамейки, рассказывал нам о всемирном потопе, учил петь молитвы. И вот приходит домой отец и спрашивает: «В церковь ходите?», и все отвечают: «Ходим!», а он говорит: «Рассказывай!». Я всё рассказал. А через три дня ни с того ни с сего учительница вызывает меня к доске и требует: «Расскажи стихотворение «Дятел носом тук да тук»... Я остоленел, а она бьёт меня по голове ребром линейки и говорит: «Повторяй: «Дятел носом тук да тук...». Я заплакал. Но дома не жаловался. В моё время в школе за провинность ставили учеников коленками то на горох, то на соль. Меня же однажды за провинность учительница посадила за одну парту со своей дочкой, которая тоже провинилась. Мы с ней страшно краснели, а ученики хихикали. Такой момент нельзя забыть! Лучше бы на горох или на соль коленками, чем сидеть с городской девчонкой (тогда мальчишки вообще сидели отдельно от девочек).

В 1920 году из 10 дворов отец сколачивает артель под названием «Красный пахарь». С зимы началась активная подготовка к коллективному севу. Вся эта диковинка вызывала огромное любопытство станичников. Несмотря на заманчивость, хлеборобы воздерживались вступать в артель. На агитацию отвечали то усмешкой, то заявляли серьёзно: «Ничего-де из этого рая не получится». А большинство говорили: «Погоди, посмотрим». Артельщики взялись за дело активно, дерзновенно. На берегу озера Сафонкова выстроили общую из дёрна избу-барак. Отсеялись вовремя и землю обрабатывали что надо. Я и Васька Ушаков – приёмный и усыновлённый сирота (обоим нам было по 9 лет) были пастухами смешанного табуна. В нём были коровы, годовалые телята, жеребята и овцы. На двух осёдланных конях, с собакой Розкой мы пасли от темна и до темна. Лето 1921 года оказалось настолько пагубным, что с середины июня нам негде было пасти. Всё горело от солнечных лучей. Всё лето не было дождя. Осенью артель начала распадаться. Получилось: «Спасайся кто и как может». В ноябре начался сплошной падеж скота, истощённого от бескормицы. Была паника людская. Люди, вспомнив ошибки прошлых лет, кинулись собирать

почерневшую солому. По первому морозу весь «лишний» скот пошёл под нож, и мы всю зиму жили без хлеба, а питались только мясом. Даже картошка – и та не уродилась. Летом 1922 года у нас были одна лошадь и одна корова. Сговорившись, не помню с кем, отец посеял немного проса и десятину пшеницы. Кстати, приобретение семян обошлось нам очень дорого. Что было хорошего из одежды матери и отца – всё пошло на семена. Мы, возможно, умерли бы с голоду, если бы не сказочный случай. Весной отец сел верхом на Гнедка и поехал по своей родной пашне – и вдруг увидел на одной небольшой полоске на опушке леса густо зеленеющую рожь! Оказывается, в 1920 году он посеял её, но в 1921 году побывав на этой полоске, убедился, что никаких всходов нет, реденькие колоски и всё. Махнул рукой. А получилось, что эти колоски обсыпались осенью 1921 года, зёрна проросли, обкурнились, а весной 1922 года полыхнула рожь. Счастье-то какое было! Мы с нетерпением ждали, когда она начнёт поспевать, а как только поспела, мы её серпами жали, в снопах сушили, цепами молотили... всё пережили и выжили! В 1923 году отец снова сагитировал 10 семей выехать из Новопавловки на нашу пашню к озеру Пеньково, там на самом песчаном и безветренном месте основали хутор. Теперь это центральная усадьба совхоза «Рощинский». Первожителями были: Аверины, Захаровы, Злобины, Долгополовы, братья Ушаковы, Велижанские, Баяновы, Суровцев (горожанин-бахчевод). Хутор подчинялся Новопавловскому сельсовету. Школы до 1928 года у нас не было. Поэтому в самые лучшие для учёбы годы мы не учились. Родители отшучивались: «А, да ладно. Девчатам да ребятам письма написать сумеют – и хватит». Работали мы от зари до зари. Книжки о Чапаеве, Емельяне Пугачёве, Евангелие (которые мне подарила моя тётка Александра Рындина, урождённая Аверина – религиозная до фанатизма) и ещё какие-то незначительные книжечки я читал на пашне, в то время, когда кони отдыхали, то есть в обеденный перерыв, который длился часа два-три. Как только мне исполнилось 12 лет, так ручки однолемешного плуга отец передал мне навсегда. Засевали мы немного – 5-6 десятин. В наше время это пустяк, но тогда при однолемешном плуге, деревянной бороне, посеве из лукошка, прополки и уборке урожая вручную – целая прорва труда! Однако от зари до зари трудились только в горячие дни лета. Зимой же времени для игр было много. Утром напоишь животных, уберёшь навоз, дашь корму, подметёшь двор – и гуляй, а там снова к животным. И всё-таки жили мы весело. Чего стоила только окружающая природа. Кругом загадочные леса, озёра, рыбалка, охота, вечерние сборища на брёвнах, качели, гармонь (я был «первой гильдии» гармонистом на селе). Через три года хутор стал селом русским и казахским краем («киркаем»). Дворов 40-50 уже было.

В 1927 году я вступил в комсомол, ячейка была в Новопавловке, 8 километров мы ходили на собрания с песнями. В этот год началась борьба за сплошную коллективизацию и ликвидацию кулачества. Я в активе. Зелен, малоопытен в жизни, малограмотен, но был вкручен в водоворот событий, которые называли второй революцией. Уполномоченный Спицын и мы, комсомольцы, вызывали сельчан поодиночке.

– Ну, дядя Захар, ну хоть пуда два хлеба сдай.

А дядя Захар отвечает:

– Ребятущки, ну говорю, нету, весь хлеб в сельнице. Не знаю как дальше-то, семья ведь.

Едем в село Нейслебен. Ходим по дворам, обжимаем. Хлеб нужен стране. В городах на Руси голод.

Как-то на днях я побывал в своём селе. Мой взор остановился на домике Ефима Велижанского, и думаю: какой же это был кулак, за что его раскулачили? У него было 2 взрослых сына и дочь на выданье, а изба – негде повернуться. Теперь рядом дома механизаторов размерами в 3-4 раза больше, капитальные дворы, гаражи, легковые машины... Какое всё-таки жестокое время было! Ефима и сына Александра органы арестовали – и с концом. Вся семья трудолюбивых людей распалась. А сколько подобных семей исчезло? Очень-очень много! Всё это наносило прямой ущерб нашему народу. От этого ещё больше скуднели наши дела, наша жизнь. Молодёжь устремилась в город. В 1929 году уехал и я. Нелегко было расставаться с родной моему сердцу пашней, где я и теперь часто бываю, печалюсь и грущу... Но надо же было думать о будущем, не оставаться же в селе, которое пошло на убыль, разваливалось. Была попытка объединить всех в колхоз, но как только вышло письмо Сталина «Головокружение от успехов», так люди растащили по домам свой скарб и скот. В 1929 году мне удалось умолить отца уехать в город за образованием. Мы втроём – Ваньша Полянский, Ваньша Махно и я нашли курсы жестянщиков. Устроились. А вскоре приехал отец и стал упрашивать вернуться домой к плугу... Видно, почувствовал он без меня тоску-кручинушку. Но я не вернулся. А он в горячке с молотка продал хозяйство, да и тоже в город. Устроился в ж/д депо в котельную. Для жилья купил набивную избу, размером 5х4, и зажили мы всей гурьбой: 8 человек да плюс Иван Полянский. Спали на полу, повалом. По окончании курсов нас с Полянским и Махно биржа труда послала на работу подметалами на мельницу Муратова № 10. В отделе кадров сидел бывший чинодрал. Спросил меня кто таков, откуда?

– Новопавловский.

– Казачью контру не принимаем.

– А ты? Как фамилия? – спросил он Ивана Махно.

Тот говорит:

– Я – Иван Махно.

– Махновцев тоже не принимаем.

Мы зашумели.

– Мой отец член РКП с 1919 года, он был председателем станичного ревкома! – не без гордости сказал я.

– А мой отец батраком был, – добавил Махно.

– Я тоже из бедняцкой семьи, – сказал Ваня Полянский. Устроились.

А весной мы услышали про новые первые совхозы и махнули в Чаглинский (ныне Кировский Кокчетавской области). Жестянщиком в цех приняли только Ваню Махно, а нас – на хозработы, долбить помойки, разбрасывать снег. Для нас такая работа была привычной. Самое главное – мы получали 1 кг хлеба в день и добрый приварок.

Однажды ночью подняли нас по тревоге и зачислили всех заправщиками

в тракторные отряды. Я попал в хорошую бригаду. Трактора были американские «Катерпиллеры». На вспашке зяби в 1930 году я работал на этом тракторе самостоятельно. За то, что я ловко играл на русской гармошке, в бригаде меня уважали. Жили в юртах, вагончиках. Бань не было. Вшей хватало. Избавлялись от них только тем, что одежду обмакивали в лигроин. Был случай – стоял жаркий день, трактора гуськом ушли (загонки были по 2-3 километра). Меня донимали вши. Налил я ведро лигроину. Разделся донага, смочил свою амуницию и развесил на ракитовые кусты. Загораю. И вдруг показалась легковая «Эмка».

Это директор и американец-консультант по своей технике, думал я. Что делать? Схватил свои очень колючие шерстяные брюки и мокрые надел на себя. Подъехали директор с американцем. Расспросили, измерили пласт пахоты (а меня уже жжёт, палит!). Когда они уехали, когда я злосчастные брюки забросил на ракиту, то не мог найти места – ниже пупа до самых пяток я покраснел как кумач. Тело горело. Нужен был ветер, а его не хватало, и воды как назло ещё не подвезли. Обдувался кепкой, бегал, думал, погибну. Выдюжил, но на другой день кожа зашелушилась. Вечером рассказывал ребятам, а они укатывались со смеху.

Из моих писем брат Ванюша узнал, что моя хлебная пайка весом 1 кг, а он тогда работал инструментальщиком на мехзаводе, получал 500-600 граммов. И бывало так: получит пайку, пока идёт домой, съест, а потом рёвом ревёт перед матерью. Вот по этой причине он вдруг появился в нашем совхозе. Недельку меня разыскивал. Я был в поле, от центральной усадьбы в 40 км. В конце концов его, заморённого, пристроили на хозработы. Когда встретились, то он уревелся.

Хлебнули мы с ним в те годы. Вспомнить – дыхание спирает.

Простите нас, журавушки

Они запомнились мне на всю жизнь. Вот уже и озера, излюбленного журавлями с незапамятных лет, не стало, и журавушки пятый год не прилетают, а танцы их до сих пор в моих глазах.

Когда вслух пожалеешь варварски уничтоженное человеком озеро Широкое, что за Большим Белым, и приспособлено под очередной золоотвал ТЭЦ-2, некоторые успокаивают – дескать, чего-чего, а озёр в нашей области предостаточно, что рядом с Широким есть Воровское, Черепково, Караболка, Пеньково.

Всё верно, но для серых журавлей, обитающих в наших краях вместе с лебедями, ни одно из соседних озёр непригодно.

Характерно, что серые журавли, хотя они водоплавающие, гнездятся

на земле и непременно рядом с открытой водой. В этом-то и уникальность бывшего озера Широкого.

На середине его было множество лабз и даже островков с берёзками, таловыми кустами и растительностью, пригодной для питания пернатых.

Второе преимущество озера Широкого в том, что до этих плёсов, до мест гнездования журавлей, а вместе с ним и лебедей, бывало, ни один охотник и даже заядлый браконьер ни разу не рискнул добаться и пожить. Путь преграждали: непроходимые дебри на редкость высоких камышей, сплошные лабзы и няща – болотная топь.

Достаточно того, что в двадцати метрах от берега, если ты их всё же одолел, видеть будешь только клочок неба «с овчинку» и обступивший тебя, втянутого по грудь в няшу, молчаливый, грозный и неуступчивый камыш.

И ещё журавлям чем-то приглянулось прибрежное сенокосное угодье, с его стогами и копнами сена в северо-западной стороне озера.

Нигде, только здесь, в ранние влажные зорьки они бесшумно слетались стаями и в приподнятом духе, то распыстая, то сжимая крылья, устраивали свои «погонялки», знакомства и распотешные танцы.

Зрелище это настолько экзотично, чарующе, что рассказать или описать его полной мерой невозможно, на него надо, укрывшись в потаённом месте, и без малейшего шороха, затаив дыхание, смотреть и любоваться.

Когда мне было 12 лет, мы с отцом в этих местах вручную косили сено. Жили в балагане, крытом свежим ароматным сеном. И как-то рано, на зорьке, отец разбудил меня и на ухо шепнул:

– Смотри вот в эту дырочку.

И я буквально впился в проделанное им отверстие, долго и с большим любопытством впервые смотрел на танцы журавлей. Они не просто танцевали, а друг перед другом, как бы похваляясь – кто лучше, придавали своему всеобщему танцу артистичность. У них всё: ноги, крылья, шея включались в танец. Они приседали, высоко подпрыгивали, взаимно (видно, влюблённые пары) скручивали свои шеи, а некоторые, натавцевавшись, парочками, любуясь друг на друга, удалялись.

Отец, улыбаясь, сказал:

– Женятся, видать.

Через год мы из станицы Новопавловки в количестве десяти семей переехали жить к озеру Пеньково, что в километре от Широкого. Год от года население росло. Из хутора образовалось село.

Однажды я рассказал ребятам о журавлиных танцах, и они загорелись желанием лично посмотреть.

Порядок на селе был в те годы такой: в субботу работали в поле только до обеда. Потом лошадей – в табун, дворы и улицы дружно подметали, вымоемся в бане, а после ужина у нас, у подростков, в распоряжении вся ночь!

А ночи летние коротки – заря с зарёю сходятся. А мы расходимся по избам не раньше «вторых петухов». Чего только за ночь-то не перепробуем. Не буду греха таить: были и озорство, и пакости. Помню, однажды, потехи ради, от соседа к другому соседу бережно, без шума перетаскали и аккуратно заштабелевали брёвна. Отчего на другой день вся деревня ухохоталась. А когда разобрались, то нам от отцов попало: кому

шлепок в подзатыльник, а кому и покрепче. Особенно увлекались на бахчи городских нэпманов заглянуть, хотя каждая наша семья в те годы выращивала свои арбузы и дыни.

Ну а тут одну предвоскресную ночь мы и наметили: побыть на журавлиных танцах.

Бесшумно, как договорились, позарывались кто в стогу, кто в копне сена. И только двое из девяти ребят не смогли одолеть ожидание, проспали, но кому удалось увидеть — были в неописуемом восторге.

Клуба в селе Пеньково тогда не было, но каждый погожий вечер ребята и девчата собирались к чьему-нибудь дому, рассаживались на брёвнах, под гармошку пели, танцевали, а те ребята, которые, насмотревшись журавлиных танцев, часто чудили, раскинув руки или полы пиджаков (изображая крылья), подражали журавлям, пускались в пляс, втягивая в танец девчат.

В прошлое лето я попросил брата свозить меня на Широкое. Я увидел там грустную картину: от озера ничего не осталось. Как будто там его и не было.

Мощная современная техника сделала своё преступное перед природой дело. Там, где веками ликовала жизнь животного мира, лежит и стонет изуродованное дно, природой созданное для него водное место. Озера теперь нет и не будет во веки веков. Осталась только скорбь — тоска моя о нём и о журавушках.

Простите же нас, журавушки.

Не одни вы страдаете в наше смутное и безумное время.

Первая охота

Всё началось с маминого укора.

Хорошо помню, год был 1925, в одно из воскресений августа, когда вся ребятня нашего хутора шумно сражалась в лапту. Я же, вкопавшись в запашистую свеженакошенную траву на рыдванке, забыв всё на свете, увлечённо дочитывал «Капитанскую дочку» А. С. Пушкина. Вдруг ко мне подошла мама. Она осторожно погладила мою голову, заговорила:

— Вот гляжу на тебя, сынок, и всё думаю — отстанешь ты с этими книжками от своих ровесников. Вон Саня-то Велижанский какой стал — мужик мужиком. Он по воскресеньям, чуть свет — на охоте. Только что по улице прошёл и как есть весь увешан утками. Да такой важный. Папиросой дымит. Люди, конечно, завидуют... А ведь он твой годьша. В одной купели вас крестили. И чего ты в грамоту вдарился... Даже пахать едешь — книжку с собой. Как же ты, сынок, ухитряешься ходить за плугом и читать?

— Да нет, мама. За плугом хожу без книги, а когда кони пасутся да сил набираются — я тут супец себе варю, отдыхаю и книжку почитываю.

В калитке появился отец:

— О чём сходка? — спрашивает он.

— Да вот, старший-то наш помешался на книжках. Никуда не ходит, от своих ровесников отстаёт.

— А по-моему, наоборот. Чем больше читает, тем больше ума набираёт, — сказал отец.

— Да ты по воскресеньям-то на охоту его спровадил бы. Польза для семьи была бы. Вон Санька Велижанский, небось обкормил семью-то дичатиной. А мы без мяса.

— А что, верно. Бери «Японку» да в Моховушку. Там лысух уйма. Сами на мушку лезут. Берданка-то тяжёлая, так её на рогатину и пали с берега прямой наводкой.

Не знаю кто, или белые, или красные были вооружены ими, но после гражданской войны такой винтовкой нетрудно завладеть и сделать из неё берданку.

Тяжёлая она была для моего возраста. Поэтому отец правильно подсказал: прихватить рогатину.

За неделю я, выкраивая время, вёл подготовку к следующему воскресенью. Из куска свинца на сковородке накатал дробь. Под наблюдением отца, строго по меркам, зарядил двенадцать патронов, два из них в огороде выпалил в цель. Получилось неплохо.

К поясу приторочил шесть петлей из шпагата для подвески добычи. И мысленно уже вообразил — иду по улице у всех хуторян на виду, увешан лысухами, и они поражены моим успехом...

В субботу вечером я встретился с Санькой. Рассказал ему о своих планах. Он сначала расхохотался, дескать, твоей японской «фузеей» старух пугать, а не дичатину добывать.

— Я, к примеру, — сказал он, — своей двенадцатикалибровой «Тулкой» не всегда могу даже несчастного куропада поразить. Его надо бить против пера, иначе сожмётся в кулак — дробь рикошетой в распыл, а он хоть бы хны. В охоте, брат, навык и сноровка потребны.

Вообще, как мог, с шуточками да прибауточками просветил меня. А вот с собой на охоту, на что я рассчитывал, не пригласил. Я понял — мешать буду в его охоте, поэтому не обиделся. К тому же, не имея опыта, немудрено оказаться осмеянным. А Саша по своему характеру любит похихикать над любой неудачей.

Нет, смех его не злобен, он простецкий, весёлый и даже добрый, но всё равно — лучше подальше от его шуток. Вот освоюсь, приобрету навык и сноровку, а тогда вместе поохотимся.

Ночь прошла в томительной дрёме. Не спалось, мешали моему сну заботы — не проспять бы зорьку. Мешали и сплошной конский хруст да фыркание Гнедка у рыдванки, в которой, зарывшись в траву, я коротал эту ночь.

Гнедко ночевал не в табуне, а дома, потому что мама утром должна ехать в город продавать овощи.

За село мы выехали вместе.

— Ты уж, сынок, не застрели себя-то. Поосторожничай, — сказала она.

— Да что я маленький, — сказал я и, скользя лощёными подошвами сапог, напрямик по ковыльному полю, походя оглядываясь на розовеющий восток, зашагал к заветной Моховушке.

Тихий, прохладный рассвет шептал мне в уши: «Спеша, спеша». И я послушно спешил.

Первыми меня встретили чибисы. Ох, эти обманщики! Знаю их. В дни гнездования обведут вокруг пальца так, что гнезда их никак не найдёшь. Разве только случайно наткнёшься на три-четыре сереньких,

конопатеньких яичка в незатейливой ямочке супесчаника.

Взобравшись на берёзу соседнего колка, я сразу же был очарован большим количеством дичи! У неё был активный завтрак. Старательнее всех других птиц действовали лысухи. Именно они на этом маленьком плёсе чувствовали себя полными хозяевами.

Определив себе удобную позицию, я, затаив дыхание, метров двести по-пластунски полз к ней, волоча с собой «Японку» и рогатину.

Обосновался лучше некуда. Лысухи на выгодном расстоянии, то и дело появляются в моём «поле обстрела», но я не спешу. Хочется послушать гомон, отдышаться, успокоить нахлынувшее волнение, а главное, как наказывал Санька, уловить на мушку лысуху. Пробую, но трясутся руки. Да и лысины не висят на месте, мелькнёт иная, да тут же и исчезает. А тут ещё рогатину слабо заткнул – накренилась, а когда стал поправлять её – дичь заметила и началась паническая шлепотня лысух, а утки да черняди вспорхнули и улетели. Потом долго я любовался на пустой плёс и слушал обиды лысух – тив, тив, тив – за то, что помешал им закончить аппетитный завтрак.

Но голод не тётка. Лысухи, особенно молодые, то и дело выплывали на плёс, а я схватываю на мушку их и палю. Но палю и палю, а добычи нет и нет. Заряды словно без дробы, пустые, да и те как-то быстро кончились.

Я был в отчаянии. Вскочил, не подумав, заорал – отчего вся Моховушка взбудоражилась, заплескалась и тут же замерла.

Я возненавидел и отбросил чужеземную берданку, обессиленно упал в траву и по-детски занюнил.

Домой плёлся по лесам – подальше от глаз людских, а во двор проник с задов. Никем в семье не замеченный, я снова зарылся в траву и крепко уснул.

Проснулся от семейного гомона. С базара приехала мама. Её встретили братишки с отцом, и я подключился. И странно: никто меня не спросил об охоте. Как будто это был лично мой сон, а не явь, о которой вспоминать нет никакой охоты.

Распрягли Гнедка, вошли в избу. Мама, видать, довольная своей торговлей, выкладывает на стол покупки.

— И ещё вот покупочка, – сказала она, выложив две стопки по десять пачек папирос «Дубинушка». Да-да. В те годы с таким названием продавались дешёвенькие папиросы. – Вот это тебе, отец, десять пачек, а это тебе, старшой, наш охотничек.

Я застыдился, убежал и дотемна не возвращался домой.

А утром за завтраком отец улыбнулся и сказал:

— Чего загоревал-то? И я в первую охоту, помню, с пустыми руками домой пришёл. Но хотя бы одну лысуху-то мог бы?

— Да, – возразил я, – попробуй в лысину-то попасть.

— Чего-чего? Почему в лысину?

— Санька мне сказал, что лысух только в лысину стреляют.

Отец засмеялся:

— Да ты что, бестолковый, что ли? Да как ты поверил этому зубоскалу? Да ты хоть никому об этом. Засмеют. Врать нехорошо, но Саньке для пользы соври. Скажи, что шесть лысух подвалил. И всех в лысину. Пусть не косоротится, шалопай. Ты одно пойми: птицу на плаву надо,

через прорезь на мушку садить, а ты же поверху стрелял на целую четверть. Ветерком обдувал лысух-то. Ай да чудо... Ну, ничего, первая охота – первый блин комом.

Врать я Саньке не стал о «добыче», а когда он спросил, как я поохотился и сколько лысух насшибал, то я ответил:

– Я же не спрашиваю тебя, поскольку ты сшибаешь.

Отвернулся, впервые запалил «Дубинушку» и решительно ушёл.

Прозрачные берёзы

Так назвала наши берёзы австралийская писательница Димфна Кьюсак. Впрочем, по порядку.

12 августа 1961 года меня пригласили в обком партии и сказали, что к нам приехали австралийская писательница с мужем (журналистом) и переводчицей из Ленинграда. Цель приезда: знакомство с целиной, с людьми, нашим бытом и природой края. Сопровождать их поручили писателю Борису Петрову и автору этих строк. Днём мы должны были выезжать в совхозы, колхозы, а вечерами в новом помещении телецентра организовывать гостям широкий показ наших отечественных фильмов.

Тогда мы были приучены к дисциплине, да и отнекиваться от предстоящего знакомства с известной писательницей было бы с моей стороны неразумно. К тому же не впервые нам с Петровым приходилось сопровождать гостей: писателей из Алма-Аты, Москвы. Только что мы попрощались с украинскими литераторами – Василием Большаком, Миколой Руденко, Виктором Кочевским.

С произведениями миссис Кьюсак я был незнаком, а что, если вдруг она спросит: читал ли я её книги? Я поспешил в библиотеку. Там выложили мне на стол две книги – «Скажи смерти «нет!» и «Жаркое лето в Берлине». И что же я смог за вечер прочесть? Всего-навсего несколько отрывков – «с пятого на десятое». Из рецензии узнал, что миссис Кьюсак – писатель на редкость плодовитый. Из-под её пера вышло несколько пьес, повестей, рассказов и монументальных, широко известных романов. Она любит странствовать по миру, знает много языков. Я подумал, а что после Австралии она найдёт в нашей простенькой природе?

На другой день рано утром возле гостиницы после взаимных улыбок и рукопожатий мы усадили гостей в восьмиместный «газик», и, согласно маршруту, отправились в совхоз «Чистовский».

Вопреки предположениям встретиться не только со знаменитой писательницей, но и, возможно, с крупной, волевой женщиной, перед нами предстала 59-летняя простенько одетая, подвижная, худенькая, улыбчивая миссис Кьюсак. И, наоборот, муж её, Норман Фрихилл – человек крупный, но такой же по-дружески общительный.

После многодневных дождей установилась хорошая погода. День разворачивался тёплый, солнечный. Легко дышалось. Миссис Кьюсак находилась рядом с водителем, но ей никак не сиделось спокойно. Она с большим любопытством рассматривала наши пейзажи, восхищалась, что-то лепетала по-английски. А когда увидела впереди берёзовый колок, через переводчицу попросила остановить машину. Миссис Кьюсак

с удивительной лёгкостью прыгнула на землю, счастливо улыбаясь, «перемахнула» через кювет и, подбежав к лесу, величественно вознесла кверху руки и в восторге что-то закричала.

Переводчица сказала:

— Миссис Кьюсак кричит берёзам: «Здравствуйте, дорогие красотки!».

Норман Фрихилл заспешил с фотоаппаратом и с различных ракурсов стал фотографировать её, а она, ни секунды не оставаясь на месте, что-то продолжает радостно говорить.

Переводчица объясняет:

— Миссис Кьюсак в восторге. Она говорит о дивной красоте сибирских берёз, она наслушалась и начиталась, но всё это не то, что она видит наяву. Почему русский поэт Есенин прекрасно сказал о берёзах, что они зеленокосые, в юбчонках белых и что они белоногие. Но как он не заметил, что берёзки ещё и прозрачные? Полюбуйтесь, господа, они просвечивают, через них я вижу светлый простор до горизонта!

Миссис Кьюсак обнимает берёзу, целует, затем вторую, третью. А когда она увидела, что деревья щедро выбелили её костюм, расхохоталась, сказала: «Норман, это подарок, это на память!».

Потом она, как бы оправдываясь, серьёзно говорила:

— Пожалуйста, не удивляйтесь и не осуждайте меня. В Австралии природа богата, но у неё таких чистых, светлых, весёлых деревьев нет. Наши деревья прекрасны, но они все тёмные, коричневые, серые и непрозрачные. Я правду говорю, Норман?

Норман соглашается.

— Мы ехали к вам через Англию, – говорит миссис Кьюсак, – и там нас очень пугали: Казахстан – это голая пустыня с кочевым народом, возьмите с собой сухарей, иначе умрёте с голоду. Целина, мол, это пропаганда, а у вас мы видим прекрасные, божественные леса, хлебные поля и тёплые жилища.

Вспоминая этот эпизод, столь похвальные слова человека с мировым именем о нашей вроде бы незамысловатой природе и особенно о берёзовых лесах, которые миссис Кьюсак назвала и божественными, и прозрачными, хочу сказать о том, что мы, живя среди них, свыкшись с ними, перестаём замечать эту прелесть и красоту. Более того, мы абсолютно не заботимся об очистке лесов от непроходимого валежника, уничтожаем живые деревья на дрова. Целые рощи с оголёнными вершинами в результате вымочек, пожаров, химобработки и активных выпасов скота годами стоят молчаливым укором. А сколько ещё самовольных порубок, «незамеченных» лесоохраной...

С одним таким случаем порчи леса мы столкнулись и в нашей поездке.

Позже я узнал в лесхозе о размере нанесённого ущерба. Мне сообщили: «Даже в прежних размерах браконьер, если бы он был пойман, должен был уплатить штраф, плюс стоимость погубленных берёз – 7200 рублей». Но, к сожалению, браконьер оказался не пойманным, хотя живёт он не иначе, как по соседству, – село-то в трёхстах шагах!

Не снижается у нас и ежегодное число лесных пожаров по вине людей.

А жаль. Прозрачная и хрупкая красота требует к себе чуткого, божеского отношения.

Уалихан АБДЫХАНОВ,
доцент кафедры русского языка
и мировой литературы
Шымкентского академического
инновационного университета

Духовное состояние времени

По произведениям В. Астафьева, В. Распутина, Ю. Кунгурцева и Р. Сейсенбаева

Писатели являются барометром общества, чутко реагирующим на любые проявления эпохи. В творчестве художников слова XX века отражено духовное и нравственное состояние времени. О степени цивилизованности государства и общества, считают мастера слова, судят по тому, каково приходится старикам.

В произведениях К. Паустовского, В. Астафьева, В. Распутина, Н. Думбадзе, Ю. Кунгурцева и Р. Сейсенбаева художественно отражено, что в «закоулках» и «задворках» страны тихо страдали старики, вдовы, инвалиды, отдавшие все свои силы народу. О них молчали и не замечали, лицемерно утверждая, что во второй половине XX столетия нет и быть не может проблем, хотя зачастую для удовлетворения безгласного требования пожилых не было необходимости вмешательства правительства. В большинстве случаев проблему пожилых отцов и матерей могли решить сами дети, которые в погоне за счастьем забывали о родителях. «Как же могло это случиться?» (1,464), – недоумевает Настя К. Паустовского («Телеграмма»); «В конце концов, я виноват, что всё так получается?» (2,56), – сокрушается Сарсен Р. Сейсенбаева («У нас, в Чингистау»), не осознавая свою нравственную ущербность. Герои К. Паустовского и Р. Сейсенбаева винят себя в том, что их матери на старости лет остались одни. За лицемерием общества скрывалась незавидная судьба «маленьких людей». В русской литературе XIX века показано, что страдания им наносят всё-таки чужие, а в советской литературе второй половины прошлого столетия – свои же, близкие.

Однако В. Астафьев («Последний поклон»), В. Распутин («Последний срок»), Р. Сейсенбаев («Отчаяние»), не снимая ответственности за поступки персонажей, отразили и другие причины, то есть духовную неполноценность общества. Очень верно определил казахский просветитель, философ А. Кунанбаев взаимосвязь личности и общества. «Человек – дитя своего времени. Если он плох, в этом виноваты его современники» (3,109). Тесная связь человека и общества раскрыта В. Распутиным репликой героини Люси («Последний срок»). «Мы ведь, мама, не вольные люди: что хочу, то и делаю, – говорила матери Люся. – Мы на работе. Я бы с удовольствием прожила бы здесь хоть неделю, но тогда меня могут попросить с работы. Мы ведь не в отпуске. Пойми, пожалуйста. И не обижайся на нас. Так надо» (4,150).

Слова персонажа В. Распутина имеют глубокий смысл. Во-первых,

их следует понимать просто и прямо. Несомненно, ни в одном государстве не оставляют без наказания нарушителей дисциплины. В. Распутин ставит своих героев в затруднительное положение, чтобы выявить нравственную ущербность не только человека, но и общества. Дети бабки Анны проявляют инстинктивное, человеческое чувство беспокойства за свою судьбу, так как чѣрствые руководители предприятий, учреждений, где они трудятся, не разобравшись в причинах долгого отсутствия на работе, могут их уволить. Во-вторых, многозначительные «пойми, пожалуйста» и «так надо» – детали, которые указывают на аномальные явления эпохи, обсуждаемые только в узком кругу.

Спустя десятилетия после смерти бабушки и дедушки грызёт совесть лирического героя повести «Летом в Порогах» южноказахстанского писателя Юрия Кунгурцева. Повествование ведётся от лица автора, в произведении сохранены подлинные имена персонажей, названия селений и местностей родного края писателя, Южного Урала. Герой Ю. Кунгурцева в отличие от персонажей К. Паустовского и Р. Сейсенбаева обвиняет только себя в том, что не проводил в последний путь родных, заменивших ему отца и мать. «Бабка преставилась зимой, дед – летом. Но ни вьюжной порой, ни в гладкодорожье не приехал я предать земле тех, кто поставил меня на ноги, привил нравственные понятия крестьянской тысячелетней избы. Привить-то привил, а внук оказался неблагодарным. И жжёт меня порой так, что в глазах темнеет, а сердце заходится в тоске» (5, 190).

«И живёт в сердце вина. Гнетущая, тихая, вечная. Виноватый перед бабушкой, я пытаюсь воскресить её в памяти», – с горестью передаёт такой же случай из своей жизни В. Астафьев в новелле «Последний поклон» одноимённой повести (6, 275). Вечная вина перед дедами и бабушками не отпускает ни В. Астафьева, писателя далёкой Красноярской земли, ни Ю. Кунгурцева, поэта, прозаика, переводчика, журналиста из Южного Казахстана.

Однако слова «ни вьюжной порой», «ни в гладкодорожье» являются замечательными деталями – находкой автора. Они выявляют обстоятельства, почему старшему поколению необходимо «понять» своих детей и почему «так», а не иначе «надо» действовать им. Детали писателя отражают, что причиной неблагоприятного поступка героя стали не стихийные силы природы в глухом лесу, не только то, что «внук оказался неблагодарным», а вполне определённые ситуации, духовная неполноценность эпохи.

Критик К. Паустовского Л. Левицкий верно отмечает страшные последствия двоедушия. «Отзывчивость в виде профессиональной черты служебного облика, быть может, и достойна административных восторгов, но если она не подкреплена повседневной человеческой чуткостью – это фасад, или, говоря проще, показуха, под которой в лучшем случае бездонная пустота. А то и вульгарное стремление, эксплуатируя естественную человеческую потребность в тепле, завоевать популярность. Карьеризм, не грубый, не примитивный, а обдуманый

и вдвойне опасный» (7, 347). За сверкающим «фасадом» государства, которое обязалось быть защитником народа, скрывается ханжество его руководства.

Ю. Кунгурцев точно указывает, что бабушка лирического героя покинула этот мир 23 февраля, дед – 2 июня. Даты тоже являются деталью. Ни в конце зимы (для Южного Казахстана уже весна), ни летом герой не считал уместным акцентировать внимание на личном несчастье, тогда как следует думать о делах народных. Повествователь как корреспондент знал, что для журналиста в обоих случаях наступила «жаркая пора» – весной сакман, то есть окот овец, подготовка и проведение посевной, и летом – страда, в разгаре была жатва и заготовка сена на зиму. И так круглый год. Корреспондент, да и всякий ответственный рабочий или колхозник, прекрасно зная нравственный климат своего времени, не мог отпроситься на несколько дней, если умерли не отец или мать. Моральное уродство руководства предприятий, организаций и учреждений замечательно раскрыл В. Астафьев в новелле «Последний поклон». «Мне прислали телеграмму с вызовом на похороны (бабушки. – У.К.), но меня не отпустили с производства. Начальник отдела кадров вагонного депо, где я работал, прочитавши телеграмму, сказал: «Не положено. Мать или отца – другое дело, а бабушек, дедушек да кумовей...». Конечно, руководители всех рангов знали о том, что бабушки и дедушки детей военного поколения были сиротам «отцом и матерью – всем, что есть на свете дорогого» для них» (6, 274).

Проявление «стеснительности» «не вольных» рабочих и служащих в обстоятельствах, преподносимых самой природой, было типичным явлением в эпоху нравственной ущербности общества. Оно ярко отражено Р. Сейсенбаевым в романе «Отчаяние». Писатель показывает министра морского флота СССР Виктора Михайловича Буслаева как разумного, компетентного, отзывчивого, дружелюбного руководителя. «Кахарману (главному герою романа, директору рыбокомбината в Синеморье. – У. К.) показалось, что министр неплохой человек, коли он так живо интересуется душевным состоянием одного – совершенно незнакомого ему человека» (8, 198). Буслаев лично сам изучил материалы Кахармана о бедственном положении Синеморья, проявил интерес к его проблемам. «Поверьте, я не знал, что Синеморье находится в таком плачевном состоянии, – говорит он директору рыбокомбината. – И я, и товарищи в министерстве считают ваши заметки крайне нужными, крайне своевременными» (8, 199). Картина экологической катастрофы, отражённая Кахарманом в его заметках и устном изложении, привела Виктора Михайловича в смятение. Он проникся уважением к храброму человеку, с большим и чутким сердцем, сопротивляющемуся антигуманным действиям ведомств страны. «Он (Буслаев. – У. К.) хорошо понимал чувства и мысли директора, чувства и мысли человека, взвалившего на свои плечи все беды родного края. В душе он радовался тому, что перед ним смелый, мыслящий человек, он даже залюбовался им, хотя это его

тёплое личное чувство было не очень-то уместно в подобной ситуации» (8, 199-200).

Буслаев, каким бы гуманным ни был, даже занимая высокий пост, не в силах чем-либо помочь Кахарману. Не может он, министр, что-нибудь изменить и в собственной судьбе в самопожирющем обществе. Это показано Р. Сейсенбаевым в воспоминаниях Виктора Михайловича о похоронах родной матери. У сына-министра нет времени проводить её в последний путь. «Он позвонил жене, попросил её немедленно выехать. «А ты разве не поедешь? – спросила она. – «Я не могу!» – резко в отчаянии ответил он. И, справившись с вспышкой гнева, уже мягче добавил: «Иду в Кремль, на приём к Самому. Постараюсь быть, но позже». (...) «Умерла мать, самый близкий и родной тебе, в сущности, человек, а ты не можешь всё к чёрту бросить и выехать», – горестно подумал он» (8,200).

Писатель ясно показывает причину такого «непонятного» поведения своего героя. «Сам, когда Виктор Михайлович сообщил, что умерла мать, спросил, сколько ей было лет». – «Восемьдесят шесть», – ответил Буслаев. – «Что же, она пожила своё, – дежурно ответил Сам, – дай бог нам до такого возраста дотянуть». Стало ясно, что «личная тема» на этом исчерпана, он тут же снова взял деловой тон. «Времени, времени у нас в обрез!» – всё твердил Сам» (8,203). Призрачная масштабность строительства нового общества затмила разум и сердце первого руководителя государства. Полное безразличие властителя к соратникам, ко всему тому, что не касается работы, порождает жестокое, бессердечное отношение его непосредственных подчинённых к зависимым от них работникам. И так продолжается по иерархической лестнице. Потому-то Люся В. Распутина в отчаянии говорит: «Так надо». В фарисейском обществе человек вынужден постоянно унижаться, превращаясь в безгласного раба, предавая забвению любовь, дружбу, сочувствие, гуманные традиции и обычаи. Но писатель верит в человека, в его разум и душу.

В аморальной обстановке общества Виктор Михайлович сохранил человеческое достоинство. Он на свой риск и страх, не уведомляя Самого, исполнил свой последний долг перед матерью с нарушением в мирные дни обряда – проводы человека в последний путь. «Похоронили её рано утром, потому что ему надо было трогаться обратно, чтобы успеть к селекторному совещанию. (...) Всю дорогу он продумывал детали предстоящего селекторного совещания. Он старался забыть о тех горьких мыслях, которые мучили его всю ночь, когда он мчался в последний раз взглянуть на мать. Но эту ночь и этот начинающийся ясный солнечный день после похорон матери он запомнил на всю жизнь» (8,203). Ю. Кунгурцев и Р. Сейсенбаев образами лирического героя и министра Буслаева раскрыли позитивные качества в характере человека, несмотря на страдания, выпавшие им, сохранили в себе благородство. «Качества духовные, – подчёркивает Абай в Слове шестом, – вот что главное в человеческой жизни. Живая душа и отзывчивое сердце должны вести человека,

тогда и труд его и достаток обретают смысл» (3;21). Перед нами герои чистой души, забывшие тёмное в мире, но запомнившие в нём светлое. Человек должен бороться со злом, не запятнавшись им, каковыми являются герои писателей.

Не оскудеет народ, когда живут такие люди, не предавшие мира, несмотря на страх и безобразные требования режима. Гарантом постоянного проявления ими любви, доброты являются высокие нравственные критерии и всего общества. Поступательное движение народа зависит от его духовного возрождения на общечеловеческих принципах – основная идея творений писателей.

Литература

1. Паустовский К.Г. Разливы рек. Повести. Рассказы. Сказки. – М., Детская литература, 1974.
2. Сейсенбаев Р.Ш. Тоска по отцу, или День, когда рухнул мир. Рассказы. – Алма-Ата, Жазушы, 1990.
3. Левицкий Л. Константин Паустовский. Очерк творчества. – М., Советский писатель, 1977.
4. Абай. Слова назидания. Перевод с казахского С. Санбаева. – Алма-Ата, Жалын, 1982.
5. Распутин В.Г. Последний срок. Прощание с Матёрой. – М., Советский писатель, 1985.
6. Кунгурцев Ю.В. По высокой траве – берега. Повести и рассказы. – Алма-Ата, Жазушы, 1992.
7. Астафьев В. Рассказы и повести последних лет. – М., 1990.
8. Сейсенбаев Р.Ш. Отчаяние, или Мёртвые бродят в песках. – М., Советский писатель, 1991.

Алексей КАРЕЛИН

Письмо счастья

Самые счастливые люди – те, кто дарит счастье другим.
Сфинкс

«Открыть этот файл?».

Сергей задумался. NOD ничего не обнаружил, но вирусная база давно не обновлялась. Отправитель незнакомый, тема странная: «письмецо счастья». Уж не то ли это счастье, когда летит система? Тело письма – бессмыслица: «123», – что ужестораживает. А вот аттач весит аж полтора десятка мегабайт.

Любопытство пересилило осторожность: Сергей кликнул «Открыть». Запустился Power Point, по первому слайду презентации побежали буквы:

«Этот тест составил и зарядил положительной энергией Далай-Лама. Ответь всего на пять вопросов, но не подглядывай в ответы, иначе ничего не выйдет. Отвечай искренне. Обычно первая мысль – самая верная».

Сергей перешёл к следующему слайду.

«Вопрос №1: загадайте Ваше самое заветное желание».

«Ну, «бабла» побольше», – подумал Сергей и щёлкнул мышью.

Появился третий слайд, выступил текст вопроса.

«Расположите ниже приведённых животных в порядке предпочтения: Корова, Овца, Тигр, Свинья, Лошадь».

– Что за чушь, – буркнул Сергей, но добросовестно записал порядок на бумажке и продолжил тест.

Следующие вопросы оказались столь же глупыми: опишите одним словом, какие ассоциации вызывают у Вас следующие животные; с чем Вы связываете следующие цвета; контрольный – каково ваше любимое число и день недели?

«И кто сочинил эту бредятину?», – удивился Сергей.

Наконец, высветились «ответы тестируемого». Как и ожидалось, они не сошлись с действительностью.

Сергей удовлетворённо хмыкнул и перешёл к очередному слайду.

«Разошли письмо друзьям и знакомым в количестве, равном загаданному числу».

– Ага, счас, – сказал Сергей и щёлкнул мышью.

Последний слайд выдал таблицу, содержание которой перечило предыдущему сообщению: от количества отосланных писем зависит объём и продолжительность удач Сергея, а также сбудется ли его мечта.

– Ну-ну, – скептически промолвил Сергей, – буду я ещё спам

рассылать. Хотя паре-тройке можно отослать, пусть потешатся. Так, кто у нас тут любит подобные глупости?

– Серёж, ты уже битый час сидишь за компьютером. Закругляйся, а то глаза лопнут, – донёсся из кухни строгий голос жены.

– Отвянь, – прошептал Сергей. – Сейчас, дорогая! Отправить.

Скоро, наверняка, придут четыре письма примерно одинакового содержания: «Серый, чё за фигня?». Но ответит он на них уже завтра, не то жена заживо съест.

Запел будильник. Ну вот, снова утро. Снова на работу.

Сергей выключил трель, протёр глаза и с удивлением обнаружил, что жены в постели нет. Оделся, вышел из спальни. На кухне горит свет, шкварчит яичница. Открыл дверь – у плиты, в шлёпанцах и халатике стоит жена.

«Где-то волк сдох», – подумал Сергей.

– Ээ... Ань, а ты чего это?

– Как чего? Готовлю тебе завтрак, а то вечно бежишь вслед за автобусом.

Ишь ты, заботливая вдруг стала. И как это она без будильника проснулась на час раньше обычного?

Сергей позавтракал, наскоро оделся и хотел уже выскочить на улицу, но услышал неожиданно ласковое:

– А поцеловать?

Сергей чмокнул жену и бросился во двор. Автобус вот-вот прибудет. Надо поспешить.

Готовить не пришлось, а вышел, как обычно. Впрочем, неудивительно: полноценный завтрак, что приготовила жена, и времени занимает больше, чем привычная чашка кофе.

Сергей достиг конца улицы и свернул на главную. Впереди появилась остановка. Темнеет толпа людей – автобус ещё не приехал. Сергей снова поразился: до сего дня шофёр был сама пунктуальность, теперь же запаздывает.

Сергей обменялся рукопожатием со знакомыми и заметил заворачивающий к посёлку «Икарус».

На работе тоже поджидал сюрприз: опоздал не Сергей, а шеф! Но на этом подарки Фортуны не закончились.

– Слушай, Сергей, – начал шеф, – программу по созданию отчётности для Сбербанка ты писал?

В горле стало сухо. Коллеги бросили на Сергея жалостливые взгляды.

– Д-да, Карл Терентьевич, – неуверенно ответил Сергей.

– Отличная работа, – улыбнулся шеф. – Я распорядился, чтобы тебе к зарплате за этот месяц накинули тысячу. Продолжай в том же духе.

Шеф хлопнул Сергея по плечу и вышел из кабинета. Программисты, с отвисшими челюстями, уставились на закрывшуюся за ним дверь.

– Чё эт на него нашло? – высказал волнующий всех вопрос Андрей.

– Кульно было б за каждое выполненное поручение по штучке сверху получать, – усмехнулся Саня.

– Ага, – только и смог выдавить Сергей.

Шеф отпустил рано. Сказал, пусть глаза отдохнут, а то красные как варёные раки. До остановки программисты обсуждали приятную перемену в начальнике, и уже в автобусе Сергея осенило.

Чуть ли не бегом он дошёл до дома, бросил жене короткое «привет» и метнулся к компьютеру.

– Серёж, ты опять у монитора?

Голова невольно втянулась в плечи, уши приготовились свернуть-ся в трубочку от ругательств и возмущения.

– Бедненький, всё работаешь, – ласково добавила жена. – Ну работай, а я пойду ужин приготовлю.

Сергей облегчённо вздохнул. Включил компьютер и вышел в Сеть.

– Та-ак, в «Одноклассниках» тридцать друзей, В контакте – пятьдесят, – радостно подсчитал он.

Запустил почтовую программу. Жирным шрифтом высветились новые сообщения. Одно гласило: «Серый, чё за хрень?». Сергей улыбнулся: остальные можно не читать.

Нашел «письмецо счастья», создал новое сообщение, черкнул: «Гриш, зыркни сюда» и прикрепил аттач-презентацию. Отправить.

Сергей потёр ладони в предвкушении сказочной удачи и кликнул в контактах «Паша»...

Наш общий дом

Алпысбеков Куаныш. На заре независимости. № 12

Геллерт Наталья. Уметь слушать сердцем. № 1

Жагипаров Сапаргали. Звезда Героя Жаныбая. № 5

Тулбаев Райс. Мои «путешествия» в детстве и юности. № 1

Проза

Валеев Марат. Михалыч и Митяй. Рассказ. № 1

Велесова Ольга. Воробьиная ночь. Семейная история. № 1-4

Жанайдаров Орынбай. Наша пропавшая жизнь. Роман. № 4

Каиркен Акбота. Оазис Пустыни; Светлое сердце; А в степи качается ковыль и плачет ветер. Новеллы. № 3

Канапьянов Бахытжан. Уроки старых мастеров (Памяти Чингиза Айтматова). Эссе. № 9

Кешин Константин. Прекрасная Олимпиа; Адмирал Виго. Рассказы. № 8

Кинеев Сабит. Плакса. Повесть. № 5

Литвинов Владимир. Главы из повести «Врёшь, не возмёшь!». № 12

Лысенко Анатолий. Записка с того света. Рассказ. № 11

Маркиянова Лариса. Рассказы для женщин. № 10

Мартынова Лариса. Валечка; Наши цветы отцвели. № 9

Махамбетов Нурлан. Уметь прощать. Повесть. №№ 5-8

Машурова Дурням. Завещание матери. Семейная сага. Главы из книги. № 10-11

Найдёнов Александр. Оптовик. Рассказ. № 11

Николаенко Никита. Продажа земли. Повесть. № № 2-3

Пронский Владимир. Два рассказа (Весела трава пастернак; Старое зеркало). № 12

Рассказы победителей конкурса. **Валеев Марат.** Кто так играет? **Жандар Марат.** Чтобы было красиво и чисто; **Зайцев Николай.** Лошади везут; **Караева Наталья.** Нина Павловна; **Комов Сергей.** Летучий Голландец;

Криворотов Сергей. Зелёная вишня у моего окна. № 6

Румянцев Валерий. Пять рассказов. № 7

Фатин Фёдор. «Ватные» рассказы. № 9

Харитонов Лариса. «Истории, которые трудно выдумать». № 12

Шарип Файруза. Подарки Деда Мороза. Рассказ. № 1

Шарип Файруза. Наследство; Бумеранг. Рассказы. № 12

Ш. а-Мил. Французский роман; Фотограф Изя; «Чусовой»; Троечник Егор из 8 «б». Рассказы. № 8

Шиленко Ольга. Остров грёз. Рассказ. № 12

Поэзия

Абдулла Сабир. На орбите вдохновения. № 6

Барламова Людмила. «Обнажены все чувства до предела...». Стихи. № 3

Болобонкин Анатолий. Состояние души; «Мы все от корня дерева одного...». Стихи. № 2

Брейдо Иосиф. «Легла мне скатертью дорога...». Стихи. № 10

Василенко Вера. «Дикие маки бескрайней степи...». Стихи. № 10

Власов Павел. «Вдруг обрести протянутую руку...». Стихи. № 11

Гарипов Талгат. Кирпичики. Продолжение цикла. № 5

Гундарев Владимир. «Тронуть трепетные струны человеческой души...». Стихи. № 1

Гундарев Владимир. «Я буду жить до самой смерти...». Стихи. № 9

Гундарев Юрий. «Ты — счастлив. Ты — вечен. Ты — светел, как снег...». Стихи. № 1

Дубовицкий Николай. «Путеводная наша звезда...». Стихи. № 12

Егоров Александр. «Есть в горах своё очарование...». Стихи из новой книги «Красота». № 6

Канапьянов Бахытжан. «Только вечны любовь да свобода...». Стихи. № 9

Кинеев Сабит. «А за долами — доля на просторе...». Стихи. № 8

Кирсанов Евгений. «Много в мире прекрасных явлений...». Стихи. № 5

Коноплёв Василий. «Будь от малого счастлив...». Стихи. № 5

Куприн Владимир. «Жажда вольного бытия...». Стихи. № 12

Матвеев Александр. «Да будет благодатен этот мир!...». Стихи. № 7

Мнацаканян Сергей. «Дышать землёй и небесами...». Стихи. № 9

Нечаева Тамара. «Навстречу вихрям солнечного света...». Стихи. № 11

Окольников Татьяна. «И приходит озаренье...». Стихи. № 7

Поэтическая мозаика. Стихи Грамотеевой Светланы, Игнатовской Елены, Насырова Наиля, Пивоваренко Надежды, Чуприны Владимира, Шешуриновой Полины, Яковлева Бориса. № 12

Поэтическая мозаика. Стихи Битебаева Аргына, Искакова Марата, Минора Александра, Сизёва Владимира, Тарасова Виктора. № 1

Пройдаков Алексей. Зимняя элегия. № 2

Рахимов Сырым. «Живу я не хлебом единым...». Стихи. № 2

Рубцов Виктор. «Вижу солнечные дали...». Стихи. № 4

Рябцовская Раиса. Рубаи. № 4

Тараков Александр. Из антологии двух континентов. Переводы с английского. № 4

Тлеуова Багила. «Я отзовусь далёким эхом...». Стихи. № 10

Туманов Геннадий. «Звезда стрелой по небу пронеслась...». Стихи. № 11

Уварова Мария. «Синий дом у прозрачной реки...». Стихи. № 3

Усова Любовь. «Взмахнула бабочка крылами...». Стихи. № 1

Чембарцева Вика. «А степь уже мечтает о восходе...». Стихи. № 7

Шиленко Ольга. Ветер вечности. Стихи. № 12

Юсупов Адлан. «Незримой нитью нас судьба связала...». Стихи. № 11

Проза и поэзия

Терёхин Артём. «Я пока ещё только искатель...». Этюды, стихи. № 8

Поэтический венок

Артемяева Римма. Одета в печаль недолгих ливней. № 11

Нуркенов Жанаталап. «Крылья песни моей...». Стихи. № 9

Потахина Инна. «Растаял ангел со свечой в руке...». № 11

Документальная проза

Поминов Юрий. Хроника смутного времени. Записки редактора. Книга третья. №№ 1-12

Культура. Общество. Личность

Ахмедиев Бейбит. Мировые языки в истории народов. № 10

Беккулова Сауле. Диагноз: настоящий мужчина. № 7

Беккулова Сауле. Музыка души. № 10

Бударагин Сергей. Любите книгу! № 8

Верёвочкин Николай. Вначале была эпиграмма... (Несерьёзные заметки по серьёзному поводу). Надпись на дверях кабинета; Чай втроём. № 4

Джумагельдинова Дария. Цыганская серенада. № 1

Животворящее слово русской классики. № 10

Кратеров Андрей. Феномен Александра Егорова. № 6

Лунёв Геннадий. Самый влиятельный политик СНГ. Из блокнота журналиста: неизвестные факты. № 3

Матвеева Ирина. «Я не хочу судьбу иную...». № 2

Милош Чеслав. Долина реки Исса. Отрывок; «Всё же останется слово...». Стихи. № 12

Могильницкий Валерий. Память о нём не меркнет. № 11

Назарова Светлана. «Легко и честно жил на свете я...». № 5

«Пилоту» — высокого полёта! № 9

Пионтек Томаш. Великий летописец эпохи. № 12

Фроловская Татьяна. Поэт (Бахытжан Канаяпов). № 9

Шафер Наум. Исаак Дунаевский и Владимир Высоцкий. К истории создания звучащего альбома «25 июля». № 1

Публицистика

Гольдберг Моисей. Вкус черешни мелитопольской. № 7

Гольдберг Моисей. Он видел день завтрашний. № 12

Литвинов Владимир. Протезы на память ядерщикам. Очерк-портрет. № 2

Критика и литературоведение

Абдыханов Уалихан. Духовное состояние времени. № 12

Аннинский Лев. Дело не в нём, дело в нас. № 4

Ибраева Светлана. Истоки чести и отступничества. № 6

Коноплёв Василий. «О, сколько нам открытий чудных...». № 6

Курленя Александр. Искать в созвучиях согласья. № 8

Максимов Виктор. Гордость памяти; Проза поэта. № 10

Мартынова Лариса. Ангел, бабочка и некто с кожистым крылом. № 11

Мельникова Нелли. Фантастические блики «Утреннего света». № 9

Мерц Закия. «Вот так втроём мы отслужили слову...». № 3

Шухов Илья. Жизнестойкое слово; Бодался «Иван Денисович» с Иваном Петровичем. № 5

Наследие

Аверин Михаил. О прожитом; Простите нас, журавушки; Первая охота; Прозрачные берёзы. № 12

Григорьева Ольга. «Благословенна земная быль...». № 2

Матвеева Ирина. Большая жизнь. № 12

Цветаева Анастасия. Стихи. № 2

Горизонты духовности

Гапонова Наталья. На «Ниве» родной культуры. № 1

Гундарев Владимир. Рубежи народной дипломатии. № 2

Махатадзе Резо. Мудрословия. Максимумы. № 11-12

Летопись Евразии

Кудайбергенов Галим. Наш адрес: ни дом и ни улица. №№ 6-8

Сатаев Амантай. «Обращаюсь к Вам как к знатоку края». (О письме Н.Вавилова М.Тынышпаеву). Публикация С.Сатаевой. № 4

Чемармазович Светлана. В будущее — постигая прошлое. № 5

Далёкое — близкое

Дайлидко Елена. Польская трагедия и судьба Альбертины. № 6

Платонова-Скалковская Нина. Братья мои незабвенные. № 2

Тереник Мария. Братья по крови. №№ 3-4

Параллели и меридианы

Егоров Анатолий. Письма из Греции. №№ 7-10

История без купюр

Адамова-Слиозберг Ольга. Стихи, главы из книги «Путь». № 9.

Бельгер Герольд. Бремя познания. № 7

Григорьева Ольга. «Голос свободного человека...». № 9

Коржавин Наум. Осень в Караганде. Стихи. № 9

Могильницкий Валерий. Его называли Зубром. № 8

Краеведение

Лестницы, ведущие в небо. № 10

Попов Юрий. Из степей Казахстана — на берега Невы. № 11

Топольняк Николай. Ак-Баур. Опыт познания. № 10

Искусство

Беккулова Сауле. Высоким слогом говоря. № 2

Кадыров Бектур. Летопись страны на полотнах художников. № 3

Курпякова Наталья. «Женский взгляд» Сваюнаса Армонаса. № 1

Курпякова Наталья. Степные напевы. № 6

Курпякова Наталья. Сто дорог Сапара Искакова. № 5

Курпякова Наталья. Городская пастораль. № 12

Пашко Ольга. «Последние ангелы на Земле...». № 4

Мартынова Лариса. Воспевая родину предков. № 7

Челнокова Тамара. За калиткой цветущего сада. № 11

Шафер Лазарь. Гимн жизни и творчеству. № 8

Природа и мы

Ахмедиев Бейбит. Собаки и люди (Бис; Жанна и Николай). № 7

Казовский Алексей. Археология души. Очерк-эссе. № 2

На житейских перекрёстках

Абсолямова Жамал. Наша улица в три дома; Когда наступает суббота...; «Бродяга» того стоил! № 7

Бекбосын Аргынбай. Вагонная исповедь, или Неспетая песня любви. Повесть. № 11

Бударагин Сергей. Иероглиф. № 6

Дворянинова Наталья. Отрезанный ломость; Не отрываются любя. № 3

Заболотских Пётр. Отец и дочь. № 2

Махатадзе Резо. Вчера, сегодня, завтра. № 4

Сыздыков Мубарак. Камни счастья; Святая ноша. № 2

В семейном кругу

Ахетов Амантай. Аяз-би. Поэма. № 11

Боровец Евгений. Так бывает иногда. Сказки. № 6

Джумагельдинова Дария. Асель-кисель. № 5

Жагипаров Сапаргали. Семилетний «переводчик»; Мальчик и жеребёнок; Свой и чужой монастырь. № 9

Корончук Надежда. Песнь о хане Бадае и доблестном Рыскулбеке. № 4

Назарова Светлана. Долго и счастливо...; Ох, Керимтай... № 3

Околыничья Татьяна. Птичка. № 2

Хаирова Гульжазира. Нелюбимый; Подранок; Зубная фея. Новеллы. № 8

Из почты «Нивы»

Блажкова Светлана. Святой материнский наказ. № 5

Кузьменко Надежда. «И сердцем любящим...». № 8

Назарова Светлана. Благородная миссия журнала. № 10

Элькинд Алексей. Родина — это и есть судьба. № 7

Приключения. Детектив. Фантастика

Алустон Ал. Тоска; Малыш. Рассказы. № 8

Криворотов Сергей. Муха времён начала перестройки. № 9

Третьяков Владимир. Возвращение на Обитаемый остров. Повесть. №№ 3-7

Цуркан Валерий. Концентрация порока; Устройство ввода; Митрич. Рассказы. № 10

Шмигалёв Николай. Не от мира сего. Повесть-пародия. Часть третья. По ту сторону тьмы. №№ 1-2

Сатира и юмор

Власов Павел. Шапка. Открытое письмо. № 5

Иванченко Игорь. Весёлая смесь. № 10

Карелин Алексей. Письмо счастья. № 12

Лопатин Андрей. Необыкновенная поездка. Рассказ. № 9

Тихонов Николай. Сказка о короле и министре. № 11

Якушев Владимир. Встреча; Открытие; Вот и доверяй... Юморески. № 8

Изоальбом «Нивы»

Из работ **Армонаса Сваюнаса.** № 1

Из работ **Драгунова Павла и Тасмагамбетовой Софьи.** № 2

Иллюстрации к материалу «За калиткой цветущего сада». № 11

Из работ **Искакова Сапара.** № 5

Из работ с выставки «Сокровища изобразительного искусства Казахстана». № 3

Из работ **Кадырбекова Кайсана.** № 7

Из работ **Наурузовой Жанетты.** № 4

Из работ **Порунина Марка.** № 8

Из работ **Тельгозиевой Гульмиры.** № 6

Из работ **Топольняка Николая и Титовой Оксаны** (с выставки фотокартин «Лестницы в небо»). № 10

Из работ **Фридлина Евгения.** № 12

Из фоторабот **Канапьянова Бахытжана.** № 9

«НИВА»

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.

Телефон/факс: (7172) 39-38-06.

Телефон корпункта в Алматы 8-701-337-45-55.

Сайт: www.niva-kz.narod.ru

www.niva.ucoz.kz

E-mail: gundarev@hotmail.ru

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Рукописи в редакцию направляются на дисках
или CD-дисках и распечатанные на белой бумаге.

Web-редактор **Л. Б. Мананникова.**

Корректор **И. Н. Юзупанова.**

Набор и вёрстка **Ю. В. Богдановой.**

Технический редактор **В. А. Богданов.**

Собственник:

ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Журнал основан В. Р. Гундаревым
и впервые зарегистрирован 12.12.1990 г.
Первый номер вышел 17.04.1991 г.

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.

Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27.01.2003 г.

Сдано в набор 12.10.2011 г.

Подписано к печати 09.11.2011 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч.- изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.

Заказ № 5645.

Номер набран и свёрстан в ТОО

«Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Типография ТОО «Жаркын Ко».
010000, г. Астана, пр. Абая, 57/1.